

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Ордена Трудового Красного Знамени
Институт востоковедения

Б.Х.Тодаева

Язык монголов Внутренней Монголии

Очерк диалектов

ИЗДАТЕЛЬСТВО "НАУКА"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1985

Ответственный редактор

Г.Д. САНЖЕЕВ

В работе дано описание трех диалектов Внутренней Монголии. Описание базируется на материалах, собранных автором в полевых условиях. Используются также данные других экспедиционных групп, работавших в различных местах поселения монголов.

Исследование является продолжением книги того же автора «Язык монголов Внутренней Монголии. Материалы и словарь» (М., 1981).

Т $\frac{4602010000-137}{013(02) - 85}$ 154-85

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1985.

ВВЕДЕНИЕ

Объектом нашего исследования являются говоры и диалекты Внутренней Монголии, носители которых, монголы Автономного района Внутренняя Монголия, уже несколько веков проживают в пределах Китая.

Изучение говоров восточной части Внутренней Монголии связано с именем известного русского монголоведа А. Д. Руднева, опубликовавшего в 1911 г. «Материалы по говорам Восточной Монголии». Летом 1903 г. А. Д. Руднев по поручению Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии ездил в Восточную Монголию. Он писал: «Посещены Харбин, Цицикар, Куан-Чэн-дзы, Мукден... и совершена экскурсия из Фулярди в ставку Дурбут-бэйсэ и его монастырь и обратно на ст. Сяо-Хэ-дза. На обратном пути заехал в Гусино-озерский, Джидивский дацаны и в Ургу. Эта экскурсия дала мне главный, основной материал для настоящей работы» /Т, с. xxii/. А. Д. Руднев писал, что о восточных монголах знают чрезвычайно мало. Известно лишь, что в их языке аффрикаты *ч* и *ц* употребляются в тех случаях, где письменным монгольским *ᠵ* и *ᠶ* соответствуют халха-ургинские *ч* и *ж*, и что имеются различия в лексике. И, наконец, что будто бы «восточные монголы все окитаены и забыли свой язык» /Т, с. 229/. В связи с последним тезисом автор отмечает, что, несмотря на многовековую китайскую колонизацию, восточные монголы сохранили свой язык, поскольку лексический состав его остается монгольским, и что многие из них не понимают по-китайски.

А. Д. Руднев устанавливает две группы говоров: 1) дурбут-бэйсэ, северный горлос и джадайт, 2) все остальные восточные — джасту, уджумчин, ордос и др. По поводу последних А. Д. Руднев писал: «В языке остальных вост. монголов я не замечал различий, которые бы дали мне право выделять еще другие подговоры» /Т, с. 230/. Отличительной чертой первой группы говоров он считал наличие в них согласного *ж*, соответствующего письменному монгольскому, халха-ургинскому, восточным и калмыцкому *с*, бурятскому *н*.

Труд А. Д. Руднева является первым опытом описания основных фонетических и морфологических особенностей речи дурбет, горлос и отчасти хорчин, проживающих на самой окраинной части северо-востока Внутренней Монголии. Следует заметить, что ученый изучал речь лишь отдельных монгольских племен — дурбут-бэйсэ, горлос, хорчин (джасту). Основная же масса монголов (в том числе и часть хорчин) Джоудаского (арухорчины, барины, хешиктены), Чахарского, Джостуского (харчины и туметы), Шидингольского, Уланцабского и Иехе-Чжоуского (Ордосского) аймаков Внутренней Монголии осталась вне поля наблюдений исследователя.

А.Д. Руднев отмечал, что по восточным говорам большой материал собрал П.Ж. Жамцарано. «Из его писем видно, что он обследовал ордос, урат, дурбет (дурбэн хухет), сунит, абага, уджумчин и баргу» /7, с. VI, примеч. 3/. К сожалению, материалы, собранные П.Ж. Жамцарано, не были опубликованы, и судьба их неизвестна.

В дальнейшем изучение говоров Восточной Монголии приостановилось. После А.Д. Руднева никто из монголистов (ни до революции, ни после нее) ими не занимался. Таким образом, выходом в свет книги А.Д. Руднева, собственно, и ограничивается изучение в России говоров Внутренней Монголии.

Между тем южная часть Восточной Монголии привлекла внимание иностранных специалистов. В 1906 г. А. Мостарт, бельгийский миссионер, ставший затем известным ученым, начал изучение ордосского диалекта. Его пребывание в Китае с 1906 по 1925 г. было весьма плодотворным. Он опубликовал несколько капитальных трудов, посвященных исследованию ордосского диалекта: «Диалект монголов ордос», «Тексты ордос», «Словарь ордос» /12; 13; 14/.

Изучение отдельных говоров не давало целостного представления о языке монголов Внутренней Монголии и близлежащих провинций Китая, о современном состоянии говоров и месте, занимаемом ими как в группе диалектных подразделений языка самих восточных монголов, так и среди других монгольских языков. При рассмотрении говоров Внутренней Монголии обычно ссылаются на ордосский как на самый известный в литературе и сохраняющий в «чистом» виде некоторые черты старописьменного монгольского языка (СПМЯ). Однако во всех остальных говорах заметны отличия, характерные для речи монголов разных племен. Следует принять во внимание и то, что частичное переселение монголов, занятие животноводством и, следовательно, перекочевки с места на место в поисках лучших пастбищ, социальные перемены в их жизни (особенно в начале 50-х годов XX в.) — все это положило начало известному смещению отдельных черт внутри групп говоров (главным образом тех, которые распространены в Чахарском, Шилингольском, Ихе-Чжоуском (Ордос) и Уланцабском аймаках).

ЭКСПЕДИЦИОННОЕ ИЗУЧЕНИЕ ГОВОРОВ И ДИАЛЕКТОВ

В 1954—1957 гг. в КНР была развернута большая работа по широкому полевому обследованию и изучению языков многочисленных национальных меньшинств. Эти исследования должны были предшествовать созданию для многих из них новой письменности или реформе старой письменности и разработке литературных языков.

1954 год стал примечательным в истории всех монголоязычных народностей Китая — монголов Внутренней Монголии, дагуров, монголов, дунсян, баоаней, ойратов, живущих в провинциях Ганьсу, Цинхай и в Синьцзян-Уйгурском автономном районе. Языки этих народностей стали предметом специального исследования. До этого они в КНР не изучались.

Первым шагом к подготовке и проведению экспедиции было накопление предварительных данных о границах распространения, общем положении (ис-

торические, этнографические и другие сведения) монголов, выяснение основных контуров отдельных говоров и диалектов¹. Общая задача экспедиции была ясна — установить реальную языковую ситуацию на территории Внутренней Монголии и наметить границы между диалектами и говорами. Но сначала необходимо было тщательно продумать и решить наиболее существенные вопросы практического и методического характера, например: а) выяснить, какие говоры обследовать, где они распространены и как их именовать; б) выработать транскрипцию; в) составить единую программу для сбора материалов по говорам; г) определить маршруты и сроки обследования того или иного говора.

Отвественным и трудным мероприятием была выработка транскрипции и составление единой программы с единой методикой записи и сбора материала. Было признано целесообразным принять за основу практический алфавит языка монголов МНР с добавлением некоторых диакритических знаков. Очень важно было также определить объект сравнения изучаемого говора. Многомесячная подготовительная работа завершилась к маю 1955 г., и настало время самой экспедиции.

Экспедиция 1955 г. была организована Центральной академией национальных меньшинств в Пекине, Институтом языкознания АН Китая и Обществом по изучению монгольского языка и письменности во Внутренней Монголии² под общим руководством Академии наук Китая и Комитета по делам национальностей.

Группы по обследованию монгольских языков и диалектов входили в состав V-го отряда лингвистической экспедиции 1955 г. В ней принимали участие 60 человек — представители различных монгольских народностей. Членами экспедиционных групп были сотрудники, преподаватели, аспиранты кафедры монгольского языка Центральной академии национальных меньшинств, сотрудники Института языкознания АН Китая, преподаватели восточного факультета Пекинского университета. Были приглашены и 40 человек из Автономного района Внутренняя Монголия — преподаватели и учащиеся старших курсов техникума монгольского языка, работники издательства, переводчики, прошедшие специальные краткосрочные курсы.

Было создано 13 групп: 1) баргу-бурятская, 2) дагурская, 3) хинганская, 4) джеримская, 5) жоудаская, 6) харчинская, 7) чахарская, 8) шилингольская, 9) уландабская, 10) ордосская, 11) ганьсуская, 12) цинхайская, 13) синьцзянская.

¹ Мы не останавливаемся на экспедиционном изучении остальных монгольских языков — дагурского, дунсянского, монгорского и баоаньского, а также речи ойратов в провинциях Ганьсу, Цинхай и в Синьцзян-Уйгурском автономном районе.

² Общество, созданное в 1953 г., состояло из 160 членов. Задачи Общества: 1) унификация монгольской терминологии, 2) изучение языка (составление учебно-методических пособий) и переводы на монгольский и с монгольского на китайский, 3) изучение нового монгольского письма (на кириллице), 4) собрание памятников старой письменности и устного народного творчества), 5) издание журнала «Монгол хэл бичиг».

Существовала и специальная группа, куда входил и советский специалист со своим маршрутом и планом обследования. Ее члены изучали язык дагуров в провинции Хэйлунцзян (щицкарский говор) и дагуров в Хулунбуирском аймаке Внутренней Монголии (бутхаский говор), а также язык монгольского населения Хулунбуирского, Джеримского, Джоудаского, Шилингольского и Чахарского аймаков Автономного района Внутренняя Монголия.

Экспедиционные группы работали на местах поселения монголов от трех до шести месяцев. В итоге широких полевых обследований в распоряжении специалистов оказалось большое количество материалов (правда, неодинаковых по своей значимости), которые давали возможность представить целостную картину общего состояния изучаемых говоров и диалектов, распространенных на весьма обширной территории, начиная с Маньчжурии на севере и кончая Синьцзян-Уйгурским автономным районом на западе.

Подведение итогов работы, даже предварительных, было делом нелегким. Задача состояла не только в том, чтобы дать подробное описание фонетических, морфологических и лексических особенностей диалектов и говоров для определения путей дальнейшего развития языка монголов Китая, но и в том, чтобы на основе собранных материалов помочь правильно решить вопрос о возможности перевода письменности прежде всего монголов Автономного района Внутренняя Монголия со старомонгольской графики на новую (кириллицу).

Следует отметить, что до экспедиционного обследования языка монголов Внутренней Монголии не раз ставился вопрос на местах о реформе старомонгольской письменности и замене ее письменностью на основе русской графики, применяемой в соседней братской стране — МНР. Выбор китайскими монголами этой графики объяснялся историческими связями, единой основой их языка, наглядными примерами успешного развития культуры и просвещения монголов МНР.

Подготовительные работы по языковому строительству, в частности мероприятия по дальнейшему развитию языка монголов Китая, и осуществлению реформы старомонгольской письменности были неразрывно связаны между собой и в целях подведения итогов нуждались в обобщении.

В этой связи возникло много практических и теоретических вопросов, например: классификация монгольских диалектов и говоров, выбор опорного диалекта и установление норм литературного произношения, степень понятности нового литературного языка для всего населения и т. д.

Особенно сложным и дискуссионным оказался вопрос о членении монгольского языка, к которому китайские ученые сочли возможным отнести язык баргутов и бурят Хулунбуирского аймака Внутренней Монголии, а также ойратов провинций Ганьсу, Шинхай и Синьцзян-Уйгурского автономного района. Эта проблема требовала самого серьезного внимания — учета не только лингвистических данных, но и общественно-политических факторов.

Результатом деятельности экспедиции явился доклад кафедры монгольского языка Центральной академии национальных меньшинств в Пекине, который был прочитан на Общереспубликанской научной конференции по языкам народов КНР в декабре 1955 г. /9/.

Основной доклад на этой конференции был посвящен общему обзору состояния работы по обследованию языков и тому, что делается в области со-

адания и реформирования письменностей. На конференции развернулся широкий обмен опытом работы по изучению различных групп языков национальных меньшинств, а также были намечены конкретные планы осуществления их на ближайшие годы.

Решение конференции о необходимости завершить основную работу по обследованию языков национальных меньшинств Китая и оказанию содействия им в разработке и усовершенствовании письменностей в ближайшие три года (1956—1958) касалось и монголоязычных народностей. Подготовка к осуществлению плана экспедиции 1956 г. началась сразу же после завершения этой конференции.

В промежутке между созывом научной конференции по языкам народов КНР и проведением экспедиции 1956 г. произошло еще одно важное событие в истории изучения монгольских языков Китая — это созыв первой научной конференции по актуальным проблемам монгольских языков и письменностей. Она состоялась в Автономном районе Внутренняя Монголия, в г. Хухэ-Хото (в мае 1956 г.), в ее работе принимали участие представители всех монгольских народностей: дагуры, монголы, дунсяне, баоане, монголы, ойраты, баргуты и буряты.

В докладе кафедры монгольского языка Центральной академии национальных меньшинств в Пекине «Об итогах работы монгольской экспедиции 1955 г.» освещались современное состояние изученности говоров и диалектов, их классификация, взаимоотношение не только между диалектами монголов Китая, но и между диалектами последних и халхаским, легшим в основу литературного языка монголов МНР, и как итог высказывалось предварительное мнение по вопросу о перспективах дальнейшего развития монгольского языка в Китае, о возможном переходе на новый алфавит.

Конференции предшествовали большая подготовительная работа, множество обсуждений и споров, поиски лучших вариантов решения проблемы. Мнения сторон резко расходились, и намечались два возможных пути решения главного вопроса:

1) в качестве основы литературного монгольского языка целиком принять халхаский диалект, признав тем самым исконное единство языка монголов МНР и монголов Внутренней Монголии;

2) в основу литературного языка положить один из диалектов Внутренней Монголии и, следовательно, дать возможность самостоятельному существованию и развитию литературного языка на территории Внутренней Монголии в пределах КНР.

Те, кто настаивал на сохранении самобытности языка монголов Внутренней Монголии, считали целесообразным за основу их литературного языка взять восточный диалект (хорчинский говор). Мотивировалось это тем, что на нем говорит 80% (свыше миллиона) населения Внутренней Монголии, культура их более развита, они живут компактно, ведя полупоселый или оседлый образ жизни.

Мнение, высказанное кафедрой монгольского языка, заключалось в следующем: учитывая то, что после освобождения Китая связи с монголами МНР стали более тесными и литературный монгольский язык МНР оказывает известное влияние на интеллигенцию и население Внутренней Монголии, жела-

тельно для дальнейшего подъема культуры широких народных масс в соответствии с планами социалистического строительства в стране объединить усилия монголов в развитии общего национального языка. Кафедра считала возможным рекомендовать в качестве опорного — центральный диалект (с его шилингольским произношением), занимающий промежуточное положение между восточным и западным диалектами, общепонятный для монголов, живущих в Китае и наиболее близкий к языку монголов МНР. После обмена мнениями и долгих сясоров участники конференции пришли к решению: на территории Автономного района Внутренняя Монголия культивировать единый с монголами МНР общелитературный монгольский язык и расширять его базу за счет центрального диалекта языка монголов КНР как наиболее близкого к халхаскому диалекту.

Широко обсуждался вопрос и о переходе монголов на новый алфавит, применяемый ныне у монголов МНР³. Это касалось не только основной массы монгольского населения Внутренней Монголии, но и прилегающих к ней китайских провинций северо-востока — Хэйлуцзян, Гирич, Ляонин, где живет часть монголов. На конференции ойраты Сяньцзян-Уйгурского автономного района высказались за возможность использования и распространения новой монгольской письменности и среди ойратов. Конференция рекомендовала распространить новую монгольскую письменность не только в пределах Внутренней Монголии, но и среди ойратов Сяньцзян-Уйгурского автономного района и в провинции Ганьсу и Цинхай.

В 1956 г. в Урумчи на научной конференции по языкам и письменностям народностей Сяньцзян-Уйгурского автономного района был рассмотрен вопрос и об использовании новой монгольской письменности ойратами, живущими в регионе.

Ойраты высказались за переход на новую монгольскую письменность. В тот период подобное мероприятие должно было объединять монголов и ойратов КНР, содействовать росту их культуры, сдочению всего монголоязычного населения.

Экспедиция 1956 г. отличалась от экспедиции 1955 г. более широким охватом объектов изучения, маршрутом, сроками и составом участников и т.д. Несмотря на определенные успехи в работе, в экспедиции 1955 г. имелись недостатки, упущения, которые выявились как в процессе работы, так и при подведении предварительных итогов. В экспедиции 1955 г. не изучались языки баоаней и шира югуров, оказались необследованными и некоторые группы монголов. При этом записанные материалы требовали дополнительного изучения, повторной проверки на местах у носителей того или другого говора.

В этот раз самостоятельно функционировали группы по изучению монгорского, дунсянского и баоаньского языков. Специальная группа, в которую

³ Следует отметить, что решение о переходе на новую монгольскую письменность было опубликовано Народным комитетом Автономного района Внутренняя Монголия еще в июле 1955 г. Этим решением предусматривалось с июля 1955 до половины 1958 г. проведение должной подготовки и частичного перехода, а с мая 1962 г. — полный переход на новую графику. Следовательно, параллельно с обсуждением этой проблемы на научной конференции уже шло и ознакомление населения с новой письменностью.

входила и пишущая эти строки, обследовала языки монголов в провинции Цинхай, дунсян, баоаней и омонголившейся группы шира югуров в провинции Ганьсу, а также язык цинхайских или куку-норских монголов (в частности, монголов-мусульман уезда Хайянь) и ойратов Синьцзян-Уйгурского автономного района (торгуты, элюты и хошуты).

По возвращении всех экспедиционных отрядов в конце 1956 г. началась кропотливая работа по подведению итогов экспедиции и составлению отчетов каждым отрядом по заранее разработанным и обсужденным проспектам. Особых усилий требовала обработка материалов по лексике, которые должны были стать основой для предполагаемого словаря диалектов.

В целом работа была результативной, она дала ценные сведения и материалы по всем монгольским языкам, что позволило представить языковую ситуацию, создать базу для расширения дальнейших исследований, приступить к составлению грамматических очерков, словарей и т.д.

Однако деятельность полевых лингвистических экспедиций по исследованию монгольского языка, выбор основы литературного языка монголов Внутренней Монголии и начавшееся распространение новой монгольской письменности рассматривались лишь как первые шаги в решении проблем национально-языкового строительства, непосредственно связанного с подъемом и развитием национальной культуры монголов Автономного района Внутренняя Монголия. Этим мероприятиям не суждено было осуществиться в силу определенных обстоятельств, сложившихся в последующие годы. В частности, этому способствовали и меры правительства Автономного района Внутренняя Монголия, отменившего принятое в 1958 г. решение о реформе монгольской письменности.

Языковая ситуация и языковая политика в Автономном районе Внутренняя Монголия в связи с проблемами развития монгольского языка и реформы письменности подробно рассматриваются в книге А.А. Москалева, посвященной характеристике национально-языковой политики КНР /5/.

В 1957–1965 гг. позиция китайского руководства в вопросе о реформе графики национальных письменностей существенно изменилась. Национальные меньшинства были лишены свободы выбора формы графики своей письменности, им предлагали брать за основу латинский алфавит, тем самым добиваясь унификации с китайской латинизированной слоговой орфографией. Курс на пересмотр основных принципов реформы или разработку национальных письменностей начал сразу же осуществляться во многих местах.

КЛАССИФИКАЦИЯ ДИАЛЕКТОВ И ГОВОРОВ ЯЗЫКА МОНГОЛОВ ВНУТРЕННЕЙ МОНГОЛИИ

А.Д. Руднев в своем схематическом обзоре монголов делил их по наречиям на три группы: восточные (монголы), северные (буряты) и западные (ойраты) /7, с. IV/. К восточным монголам он относил: 1) южных — ордос, чахары, тумуты, суниты и др. и 2) северо-восточных, куда входит: а) юго-восточ-

ные (хорчин, харачин, оннют, барин, хешиктен, уджумчин и др.); б) северо-восточные (горлос, дурбут); в) халха — восточные и западные.

Г.И. Рамстедт к восточным монголам также относил всех собственно монголов (внешних и внутренних) и делил восточномонгольские наречия на три группы: 1) южномонгольскую группу (чахар, ордос, тумут и т.п.), 2) северо-восточную группу, которая охватывает многие мелкие племена у границ Маньчжурии (хорчин, оннют, уджумчин и т.п., а также горлос и дурбут-бэйсэ, имеющие особый говор) и 3) халхаское наречие /6, с. 5/.

Г.И. Рамстедт считал, что язык современных восточных монголов состоит из многих наречий, но различия между ними невелики и они без особого труда понимают друг друга. В отличие от А.Д. Руднева он не выделяет в особую подгруппу горлос и дурбут.

Большого внимания заслуживает классификация монгольских наречий и говоров, предложенная Б.Я. Владимирцовым. Б.Я. Владимирцов исходил из того положения, что общего монгольского языка не существует вовсе, а имеется несколько наречий и множество говоров, на которых изъясняются их носители в различных местах поселения монгольских племен. Эти наречия и говоры он условно делил на две ветви — западную и восточную. Западную ветвь составляют: а) ойратское наречие, б) наречие афганских моголов. К восточной ветви он относил наречия: а) бурятское, б) баргу-бурятское, в) дагурское, г) южномонгольское, д) халхаское.

По Б.Я. Владимирцову, в состав южномонгольского наречия входит несколько групп говоров: восточная, харачинская, чахарская и ордосская. К восточной группе он относил говоры населения северо-восточной части Внутренней Монголии (монголы Джиримского и Джоудаского сеймов), и, так же как и А.Д. Руднев, различал в ней две подгруппы: а) северо-восточную (говоры населения Дурбут-Бэйсэ, Сев. Горлос и Джалайт) и б) юго-восточную (все остальные говоры).

К харачинской группе он относил говоры монголов Джостуского аймака (племена харачины и тумуты). В чахарскую он включал говоры монголов Чахарского и Шилингольского аймаков. Такой же обобщенно расширительной оказалась и ордосская группа, включавшая говоры, на которых изъяснялись монголы Нехе-Чжоуского (Ордос) и Уланцабского аймаков. Говор уджумчин квалифицировался Б.Я. Владимирцовым как переходный к восточной группе /2, с. 8-9/.

При этом Б.Я. Владимирцов предупреждал, что нельзя забывать того, что каждое наречие является в действительности в виде нескольких близких между собой, но все-таки отдельных говоров, а также того, что говоры чаще всего как бы волной передвигаются друг в друга; в пределах же одного говора тоже можно наблюдать разные отличия /2, с. 5/. Важно то, что распределение по говорам им намечалось в условиях, когда был исследован лишь ордосский и часть говоров восточной группы, да и то недостаточно полно. Он считал, что как следствие всего этого классификация говоров южномонгольского наречия, возможно, подвергнется дальнейшим изменениям и дополнениям /2, с. 9/.

Г. Т. Санжеев не дает частной классификации говоров Внутренней Монголии, он рассматривает носителей этих говоров как собственно монголов и считает, что «как внешние, так и внутренние монголы говорят на разных диалектах одного и того же монгольского языка: халхаском, чахарском, ордосском и др. Основное отличие между диалектами этого единого монгольского языка состоит преимущественно в фонетических особенностях и заключается в том, что если халхаский диалект, на котором говорит основное население Монгольской Народной Республики, является свистящим (*цаг* 'время', *олам* 'дорога'), то диалекты внутренних монголов — шипящими (*цаг* 'время', *олам* 'дорога'). Конечно, имеются отличия и в области грамматического строя и словарного состава, но они весьма незначительны по своему характеру» /8, с. 10/.

Известна классификация монгольских языков, предложенная Н. Н. Поппе, который делит монгольские языки на две основные ветви: восточномонгольскую, куда включаются: 1) дагурский язык, 2) монгорский язык, 3) восточномонгольский язык (иначе — халха и диалекты Внутренней Монголии), 4) бурятский язык, и западномонгольскую, включающую: 1) могольский язык, 2) ойратский язык (иначе — речь всего ойратского населения МНР и КНР), 3) калмыцкий язык.

Н. Н. Поппе диалекты Внешней и Внутренней Монголии считает диалектами одного языка, называемого им восточномонгольским языком. Важным он полагает то, что племена, которые общаются на этих диалектах, называют себя «монголами», в то время как другие монгольские народности не употребляют этого названия /15, с. 19/.

Восточномонгольский язык Н. Н. Поппе делит на следующие диалекты: а) халха, б) уланцаб, в) ордос, г) чахар (помимо чахар автор включает сюда и речь монголов Шилингольского аймака), д) харчин, е) джоуда (найман, арухорчин, джарут, мешиктен, барин, аохан, чохор халха и оннют), т.е. сюда включается речь монголов, населяющих территорию Джеримского аймака: хорчин, джалайт, дурбут и горлос /15, с. 20—21/. Н. Н. Поппе различает в качестве самостоятельных диалектов ордос и уланцаб, тогда как, например, у Б. Я. Владимирцова уланцабский включался в состав ордосской группы.

Широкое экспедиционное изучение языка монголов КНР способствовало дальнейшему уточнению и пересмотру схемы их распределения на говоры и диалекты.

Первая такого рода классификация была предложена группой авторов в докладе, прочитанном на Общереспубликанской научной конференции по языкам народов КНР в декабре 1955 г. /9/.

Она основывалась на совершенно новых данных, полученных путем фронтального экспедиционного обследования языка монголов во всех местах их поселения. Авторы исходили из того, что как фонетические и морфологические, так и лексические особенности дают основание делить язык монголов Внутренней Монголии на отдельные говоры и диалекты. Таких диалектов насчитывается пять: 1) баргу-бурятский (шинэ-баргуский и хучин-баргуский говоры); 2) восточный (хорчинский, арухорчин-баринский и харчин-туметский говоры); 3) центральный (шилингольский, чахарский и ордосский говоры); 4) за-

надный (алашаньско-эдзинский и цинхайский говоры); 5) ойратский (торгутский говор)⁴.

Опираясь на новые материалы и построенная с учетом реальных данных по языку, истории и границам расселения монголов, эта классификация в основном соответствовала действительному положению. Однако авторы сознавали, что последующая экспедиция дополнит, уточнит ее.

Незначительные уточнения в эту классификацию вносились и позднее, когда была завершена экспедиция 1956 г. и подведены итоги работы всех групп. Но следует заметить, что и при последующих изысканиях в основе сохранялась именно эта первоначальная классификация.

В 1957 и 1958 гг. были опубликованы статьи Чингэлтэя, посвященные краткому обзору монгольских языков Китая и диалектов собственно монгольского языка. Чингэлтэй делит собственно монгольский язык на следующие диалекты и говоры: 1) баргу-бурятский диалект (шинэ-баргуский, хучио-баргуский и бурятский говоры); 2) восточный диалект (джудаский, джеримский и джостуский говоры); 3) центральный диалект (шилинольский, чахарский и ордосский говоры); 4) западный диалект (эдзинско-алашаньский и кукунорский говоры) и 5) ойратский диалект (торгутский говор) /16/.

Классификация Чингэлтэя отличается от предшествующей классификации тем, что в ней признается бурятский в качестве отдельного говора, а говоры восточного диалекта именуется согласно территориальной принадлежности их носителей.

В тот период вопрос о делении языка монголов КНР на отдельные диалекты и говоры (в уже указанном выше широком понимании) был далеко не простым и бесспорным. Включение в его состав в качестве самостоятельных единиц баргу-бурятского, западного и ойратского диалектов, несомненно, было искусственным, но отвечавшим в то время целям и задачам развития языка и распространения новой письменности и в целом национально-языковой политике, проводившейся в отношении различных этнических групп монголов Китая. Впоследствии по мере накопления и анализа материалов выявились неточности существующей классификации.

Нам представляется, что они состояли не только в том, что баргу-бурятский, западный и ойратский диалекты были неправомерно включены в состав языка монголов Автономного района Внутренней Монголии, но и в том, что не были четко определены и точно установлены границы говоров самого языка монголов Внутренней Монголии.

И в настоящее время не удастся с достоверностью отнести речь некоторых этнических групп монголов к какому-либо определенному говору восточного или центрального диалекта. Это происходит не потому, что они не подверглись

⁴ В тот период, когда основное внимание обращалось на реформу старых письменностей и подготовку к практическому ее осуществлению — распространению новой письменности, работу по ликвидации неграмотности и поднятию общей культуры населения, язык монголов КНР понимался более широко — как речь всех этнических групп, населяющих не только Автономный район Внутренней Монголии, но также провинции Ганьсу и Цинхай, Синьцзян-Уйгурский автономный район.

экспедиционному обследованию и нет по ним данных, а в силу сохранения в них переходных явлений и смещения отдельных черт, присущих говорам разных диалектов. Поэтому мы рассматриваем их как единицы переходного типа, подразделив на подговоры.

Экспедиционное изучение показывает, что диалекты и говоры языка монголов Внутренней Монголии наряду со значительным сходством отличаются друг от друга. Каждый из них характеризуется известными, зачастую весьма устойчивыми локальными признаками.

Учитывая определенные исторические условия жизни, территорию расселения монголов, особенности их речи — фонетические, морфологические и лексические, т.е. базируясь на историко-географическом и лингвистическом критериях, мы предлагаем новую схему классификации языка монголов Внутренней Монголии, сохраняя при этом наше первоначальное наименование диалектов (восточный и центральный). Ордосский мы выделяем в отдельный южный диалект⁵.

Язык монголов Автономного района Внутренняя Монголия распадается на три диалекта: восточный, центральный и южный, каждый из которых, в свою очередь, дробится на ряд говоров и подговоров.

А. Восточный диалект. Он делится на говоры: 1) хорчинский (с подговорами джасагтуским и джалайт-дурбетским); 2) харчин-туметский; 3) арухорчин-баринский (с подговорами оншот-найманским и их-мянганским).

Б. Центральный диалект. В нем два говора: 1) чахарский (с подговором хешиктенским); 2) шилингольский.

В. Южный (ордосский) диалект.

Вне этой схемы оказываются небольшие группы монголов, живущих в провинциях Хэйлунцзян и Гирич (северные и южные горлосы) и в Джеримском аймаке Внутренней Монголии (джаруты), по своей речи близкие к хорчинам.

В основу исследования положен материал, собранный автором в экспедициях. Использовались также и отчетные данные других экспедиционных групп, которые работали среди населения различных монгольских племен, проживающих в пределах Китайской Народной Республики.

⁵ Предварительно необходимо сделать следующие замечания: 1) баргуты и буряты, населяющие Хулунбуирский аймак Автономного района Внутренняя Монголия, по своей речи близки к бурятам, проживающим в СССР; 2) ойратское население провинций Ганьсу и Цинхай по своей речи занимает промежуточное положение, среднее между ойратами Синьцзян-Уйгурского автономного района и монголами самого крайнего запада Внутренней Монголии; 3) ойратское население Синьцзян-Уйгурского автономного района по языку резко отличается от монголов Внутренней Монголии и ближе всего к ойратам провинций Ганьсу и Цинхай, а также к калмыкам, живущим в СССР.

По числу носителей и по количеству говоров и подговоров это один из крупных диалектов. На восточном диалекте говорит население Хулунбуирского, Джеримского, Джоудаского и Джостуского аймаков Внутренней Монголии включая также монголов в провинциях Хэйлуцзян, Гири и Ляонин северо-восточной части Китая, общей численностью более 1 060 000 человек¹.

ХОРЧИНСКИЙ ГОВОР

В качестве основы описания хорчинского говора взята речь жителей хошуна Дархан-ван. Хорчинский говор представляет особый интерес не только тем, что относится к территориально крайнему, но и тем, что является преобладающим по количеству говорящих на нем людей. Кроме того, данный говор выступает как наиболее типичный для языка восточных монголов, отличаясь в то же время от остальных говоров своеобразием фонетики и морфологии. Поэтому хорчинский говор исследуется нами более полно.

На хорчинском говоре общаются жители Хулунбуирского и Джеримского аймаков, расположенных на северо-востоке Внутренней Монголии. К хорчинскому говору близка речь джарут (два хошуна — Джарут восточный и западный) на территории Джеримского аймака и речь северных (в провинции Хэйлуцзян) и южных (в провинции Гири) горлос.

ФОНЕТИКА

Гласные

Краткие гласные

a — широкий неогубленный гласный заднего ряда, встречающийся в начале, середине и конце слова: *ав* 'облава', *газ* 'огонь', *ага* 'ладонь'. В единичных словах *a* первого слога становится огубленным благодаря влия-

¹ Данные о численности монголов, проживающих в различных аймаках Внутренней Монголии, относятся к моменту их экспедиционного обследования (1955—1956).

нию окружающих звуков, в частности непосредственно следующего за ним губного согласного, например: хорч. *ǰǰa-* 'идти' (ср. в речи ойратов Сынцзян-Уйгурского автономного района *joa-*).

Старописьменному монгольскому *a* в первом слоге некоторых хорчинских слов соответствует гласный переднего ряда ξ . Это связано с влиянием узкого гласного *i* второго, последующего слога на широкий гласный предшествующего слога, ср.: *amín*² 'жизнь', *šabi* 'послушник', *aldiyur* 'платок', *anjusun* 'плуг' — хорч. ξm , ξe , $\xi mšur$, $\xi ndas$. Гласный ξ во всех говорах восточно-го диалекта произносится несколько своеобразно — как звук более продвинутый вперед, чем *a*, но в то же время более отодвинутый назад по сравнению, например, с калмыцким \tilde{a} .

o — широкий огубленный гласный заднего ряда, который может находиться в любой позиции в слове: *ol-* 'найти, находить', *soxor* 'слепой', *šono* 'волк'.

Старописьменный монгольский *o* в первом слоге некоторых хорчинских слов отражается в виде гласного переднего ряда \tilde{o} , что обусловлено влиянием узкого гласного *i* второго, последующего слога: *marin* 'конь', *jačín* 'гость', *sorbi* 'рубец от шрама', *tabči* 'пуговица' — хорч. $\tilde{m}ör(m)$, $\tilde{d}ajšin$, $\tilde{s}örvi$, $\tilde{w}aš$.

y — узкий огубленный гласный заднего ряда, встречающийся в начале и середине слова: *us(am)* 'вода', *yul* 'знамя'. Иногда произносится ближе к широкому *o*. Нами зафиксированы слова, в которых заметно произношение *y*, как *o*, ср.: *nutun* 'лук (оружие)', *ungsi-* 'читать', *budyu* 'краска' — хорч. *nom*, *omši-*, *bodog*.

e — узкий огубленный гласный среднего ряда, употребляющийся во всех позициях: *olii* 'колыбель, люлька', *mer* 'след, путь', *omno* 'юг, южный'. В СПМЯ ему соответствует гласный переднего ряда \tilde{e} , ср.: *köi* 'нога', *mändür* 'град', *könngen* 'легкий' — хорч. $\tilde{z}öl$, $\tilde{m}öndör$, $\tilde{x}öxön$.

В хорчинском говоре \tilde{e} СПМЯ нередко замещается гласным узким того же ряда \tilde{y} . Однако эта тенденция к сужению более заметна в андауте, ср.: *böglege* 'пробка', *öndür* 'высокий' — хорч. *bülgē*, *yндер*, совр. монг. (халха) *böglöw*, *өндөр*.

\tilde{y} — узкий огубленный гласный среднего ряда, который встречается в начале и середине слова: *yö* 'полдень', *bүтөк* 'цельный', 'исправный'. Ему соответствует в СПМЯ гласный переднего ряда \tilde{y} , ср.: *üliger* 'образец', *ünegen* 'лисица', *büse* 'пояс' — хорч. $\tilde{y}mer$, $\tilde{y}mei$, $\tilde{b}uc$.

e — широкий неогубленный гласный переднего ряда. Он встречается в любой позиции в слове: *ew* 'дружба, согласие', *memdei* 'примета, признак', *xel-xel-* 'говорить, сказать'.

Укажем и на своеобразие отражения *e*: а) иногда он становится настолько узким и передним, что переходит в *i* (это заметно еще под влиянием среднеязычного согласного *j*), например: *beje* 'тело', *yeke* 'большой', *dei* 'грива' — хорч. *bije*, *jič*, *däl*; б) гласный первого слога *e* в позиции перед огубленным \tilde{u} иногда подвергается в хорчинском регрессивной ассимиляции, ср.: *emne* 'впереди', *ebügen* 'старец', *emüs-* 'одеваться' — хорч. $\tilde{e}mno$, $\tilde{e}bön$, $\tilde{e}mso-$.

² В дальнейшем изложении все примеры, которые взяты из старописьменного монгольского языка (СПМЯ), даются на латинской графике.

i — узкий неогубленный гласный переднего ряда. Ему в СПМЯ соответствует гласный *i*, восходящий в прошлом к двум гласным типа *i* — переднему и заднему **i*. Впоследствии эти два гласных слились в один гласный *i*.

О «переломе» гласного *i*. Отличительной чертой говоров и диалектов языка монголов Внутренней Монголии по сравнению с СПМЯ является то, что гласный *i* первого слога ассимилируется в говорах гласным последующего, второго слога. Однако это не означает, что «перелом» имеет место во всех случаях. Известно много примеров, когда гласный *i* в первом слоге не меняется. Вопросом о «переломе» гласного *i* занимались многие исследователи. Наиболее полно суть «перелома» сформулирована Б.Я. Владимирцовым. Явление это объясняется тем, что гласный второго слога антиципировался, т.е. голосовой аппарат принял положение, необходимое для воспроизведения этого гласного до образования находящегося между *i* и последующим гласным согласного */2, с. 176/*. Это предвосхищение последующего звука при произнесении предшествующего (ср. СПМЯ *ʃida* > хорч. *дхид* 'копье') привело к возникновению специфической черты, типичной для монгольских языков, к фонетическому видоизменению слов.

Однако следует отметить, что в различных монгольских говорах «перелом» гласного *i* получает разное развитие, как следствие этого в каждом из них находятся слова с гласным *i*, ассимилирующимся гласным второго слога или неассимилирующимся. И в хорчинском говоре наряду с нормальным развитием известны многие исключения и непоследовательности.

В хорчинском наблюдаются разные результаты «перелома»:

1. Гласный *i* первого слога перед гласным *a* второго слога переходит в гласный *a*, т.е. подвергается «перелому», например: *мига* 'мясо', *ʃidal* 'сила', *ʃуʃsun* 'рыба' — хорч. *мах(ан)*, *шадал*, *джасас(ан)*.

Инициальный *i* нуждается в протетическом *j*: *имаγан* 'коза', *ируγал* 'дно' — хорч. *јамā(н)*, *јордл*.

2. Гласный *i* первого слога перед гласным *u* второго слога переходит в хорчинском в гласный *u*: *нидурγа* 'кулак', *китуγа* 'нож', *ʃисun* 'кровь' — хорч. *нудрал*, *хутаг*, *шус(ан)*.

3. Гласный *i* первого слога перед гласным *ü* второго слога дал в хорчинском *ү*: *нидүн* 'глаза', *ʃисүн* 'цвет, масть', *ʃидүр* 'пути-треноги' — хорч. *нүд(ен)*, *джүс(ен)*, *шүдөр*.

Начальный *i* также нуждается в протетическом согласном *j*, но «перелом» гласного *i* не происходит, например: *иддү* 'меч', *илг ü* 'излишек' — хорч. *јилд*, *јилγ*.

Гласный *i* первого слога слова подвергается «перелому» чаще всего в словах с гласными заднего ряда.

Однако гласный *i* первого слога сохраняется как *i* в хорчинском, если во втором слоге после гласного *i* находится гласный *e*, например: *идер* 'юны молодой', *ирген* 'народ', *индер* 'трибуна', *ире* 'прийти' — хорч. *идер*, *иртен*, *индер* (*јиндер*), *ире* (*јире*).

Инициальные слоги со спирантом *ш* и аффрикатой *дж* имеют тенденцию к сохранению *i* первого слога: *силбе* 'голень', *ʃиʃиг* 'маленький' — хорч. *шилөө*, *джиджиг*.

Не наблюдается «перелома» гласного *i* и в следующих словах: *bilegü* 'точильный камень'; *kilyasun* 'волос (конский)'; *siregün* 'грубый' — хорч. *билү*, *хилас(ан)*, *ширүн*.

Таким образом, приходится констатировать, что хорчинскому говору, как и всем остальным говорам восточного диалекта, свойствен «перелом» гласного *i* не во всех словах.

Гласные непервых слогов хорошо зафиксированы в СПМЯ, тогда как во всех диалектах и говорах Внутренней Монголии (кроме ордосского, в котором заметна частичная редукция) они артикулируются неясно и подвержены редукции.

Известно, что все гласные непервых слогов видоизменились под ассимилирующим влиянием гласных первого ударенного слога. В СПМЯ и в хорчинском говоре мы находим несколько иные соответствия. В говоре гласные непервых слогов или стали редуцированными, или вовсе утратились.

Для простоты и по техническим условиям мы в своей работе не пользуемся знаком для указания на редукцию гласных непервых слогов.

Долгие гласные

Краткие и долгие гласные фонологически самостоятельны и представляют собой отдельные фонемы. Очевидность того, что долгие гласные служат для различения смысла слов, подкрепляют обычно примерами парных противопоставлений слов, в которых краткие и соответствующие им долгие гласные находятся в одинаковых условиях. Однако, как и во всех остальных говорах, сфера употребления таких оппозиций слов в хорчинском лексически ограничена.

Ср. несколько примеров: *шас(ан)* 'снег' — *шās(ан)* 'бумага'; *ул* 'подошва' — *ūl* 'гора'; *дел* 'грива' — *dēl* 'шуба'; *хол* 'далеко' — *hōl* 'пища'; *тос(он)* 'масло' — *tōs(он)* 'пыль'; *дөр* 'подушка' — *dēr* 'наверху'; *бол* 'стать' — *bōl* 'раб'.

В СПМЯ не было долгих гласных, в нем сохранились древние комплексы из соответствующих гласных и интервокального согласного γ (*g*). Примечательно, что с распадом древних комплексов с интервокальным согласным были связаны значительные изменения в фонетической структуре всех современных монгольских языков и диалектов — возникновение впоследствии системы долгих гласных и дифтонгов.

В хорчинском, как и во всех других говорах языка монголов Внутренней Монголии, долгие гласные — явление вторичного, более позднего происхождения, обусловленное позиционными изменениями.

Общеизвестная точка зрения о происхождении долгих гласных в монгольских языках — образование долгих гласных из древних комплексов $V + C + V$. Интервокальными согласными в подобных комплексах были γ , *g* или *w*. В среднемонгольском интервокальные γ , *g* постепенно стали ослабевать, а затем утратились вовсе. Вследствие этого оказались рядом два гласных, которые потом подверглись стяжению в один долгий.

Б.Я. Владимирцов обращает особое внимание на взаимоотношение компонентов сочетания, в частности на характер интервокального согласного. Он писал: «В очень раннюю эпоху междувокальные $\gamma \sim g$, а еще раньше *w* начали ослабляться, становясь более широкими и вокализируясь; благодаря

этому $\gamma \sim g$ или исчезли вовсе, или заменились билабиальным спирантом w в тех случаях, когда один из гласных, чаще всего второй, был $u \sim \ddot{u}$, и спирантом y тогда, когда один из гласных, первый, был $i \gg i \sim i$. В дальнейшем началось ослабление этих w и y и их полное исчезновение. Впоследствии, два гласных, оказавшиеся рядом благодаря указанной лакуне, слились в один долгий, наблюдаемый в настоящее время: /2, с. 215–216/.

Об образовании долгих гласных в результате постепенного выпадения интервокального согласного и слияния двух гласных в монгольских языках свидетельствуют сохраняющиеся наряду со стяженными формами и формы полные, где ныне нет долготы, ср., например: СПМЯ *abaγa* 'дядя' — хорч. *abaγ*, орд. *abaγa*.

Однако стяжение их в один долгий гласный происходило длительно и неравномерно в зависимости от того, какие гласные были в составе древнего комплекса, т.е. два одинаковых или же два разных. Комплексы с двумя разными гласными сохранялись значительно дольше. Таким образом, отдельные монгольские языки оказались на разных ступенях трансформации комплекса; ср. образование долгих гласных в языках центральной ветви (монгольский, бурятский и калмыцкий) и сохранение некоторых прежних двугласных в языках изолированной маргинальной ветви (дагурский, дунсянский).

С образованием долгих гласных непервых слогов связаны значительные расхождения между отдельными монгольскими языками, обусловленные правилами гармонии гласных, в частности действием в них явления губного притяжения — одного из видов прогрессивной ассимиляции. Следует заметить, что все древние комплексы с интервокальным согласным составляли два слога, т.е. гласные этого комплекса относились к двум разным слогам.

1. Долгие гласные, возникшие в результате стяжения двух одинаковых гласных.

Комплексы СПМЯ *aγa* в хорчинском $> \bar{a}$ (в первом слоге), \bar{a} , \bar{o} (в непервом слоге): *sayaγay* 'колчан для стрел' — *sādaγ*; *baγatur* 'герой, богатырь' — *bātar*; *dulayan* 'тепло, теплый' — *duḷān*; *uqayun* 'ум, разум' — *uqān*; *ḡobaγa* 'мучить' — *ḡowō*; *bolḡaya* 'условие, уговор' — *bolḡō*.

ege $> \bar{e}$ (в первом слоге), \bar{e} , \bar{o} (в непервом слоге): *degeburi* 'крыша, кровля' — *dēber*; *begetel* 'рукавицы' — *bēlī*; *ḡegerde* 'рыжий (масть коня)' — *ḡḡērō*; *amegel* 'седло' — *eḡēl*; *tūgege* 'распределять, раздавать' — *tūḡē*; *kōdege* 'степь, поле' — *xōḡ*; *kōbege* 'берег, край' — *xōḡ*.

В непервых слогах комплексы *aγa* и *ege*, развившие долготу, меняют и свою качественную характеристику в результате прогрессивной губной ассимиляции (*aγa* после *o* под лабиализующим его влиянием развивается в \bar{o} , тогда как *ege* после \bar{o} $> \bar{e}$).

uγu $> \bar{u}$: *buγudai* 'пшеница' — *būḡē*; *quγur* — смычковый музыкальный инструмент — *xūḡr*; *uγuray* 'молозиво' — *ūrai*; *qaduḡur* 'коса (орудие)' — *xaduḡr*; *uγuu* 'вниз, книзу' — *uḡū*; *sotuγul* 'мундштук' — *soḡūl*.

ūḡū $> \bar{u}$: *būḡūrge* 'седельная лука' — *būḡer*; *tūḡukei* 'незрелый, сырой' — *tūxī*; *ūḡüre* — 'разламываться на части' — *ḡüre*; *kūḡūn* 'шея' — *xūḡūn*; *būḡūn* 'толстый, грубый' — *būḡūn*; *sirūḡūn* 'жесткий, грубый' — *širūn*, *šurūn*.

igl $> \bar{i}$: *ḡigl* 'вытягивать, протянуть ноги' — *ḡḡī*; *ḡigig* 'сырость' — *šīḡ*; *sglre* 'ноги (у животных)' — *šir*.

2. Долгие гласные, возникшие в результате стяжения двух неодинаковых гласных.

Развитие этой подгруппы долгих гласных было более длительным.

Комплексы СПМЯ *iyā* в хорчинском > *ā*: *ᠶᠢᠵᠠᠭᠠᠨ* 'маленький' — *джэан*; *ᠰᠢᠶᠠᠳᠠᠯ* 'требование' — *шардал*; *ᠠᠷᠶᠠᠮᠢᠵᠢᠶᠠ* 'веревка, привязь' — *арямджэ*; *ᠨᠠᠮᠠᠷᠳᠢᠵᠢᠶᠠ* 'осеннее стойбище' — *намарджэ(н)*.

iyu > *ū*: *ᠨᠢᠶᠠ* 'прятать, скрывать' — *нү*; *ᠶᠢᠵᠠᠷᠠ* 'месить, разводить' — *джүра*; *ᠶᠠᠰᠢᠶᠠᠨ* 'горький' — *гашүн*; *ᠶᠠᠰᠢᠶᠠᠨ* 'клюв' — *хашү(н)*; *ᠤᠨᠶᠢᠵᠠ* 'опущенный книзу' — *унджү*.

ige > *ē*: *ᠶᠡᠭᠡ* 'племянник, внук' — *джэ*; *ᠬᠦᠯᠢᠭᠡ* 'связка, веревка' — *хүлэ*; *ᠪᠡᠯᠳᠢᠭᠡᠷ* 'пастбище' — *белдэр*.

igü > *ȳ*: *ᠨᠢᠭᠠᠯ* 'грех' — *нүл*; *ᠰᠢᠭᠦᠰᠦᠨ* 'сок, жидкость' — *шүс(ен)*; *ᠶᠢᠯᠬᠡᠭᠢᠷ* 'ключ' — *түлхүр*; *ᠬᠥᠭᠰᠢᠭᠦᠯ* 'развивать' — *хөгджүл*; *ᠳᠡᠯᠢᠭᠦᠨ* 'селезенка' — *делүн*; *ᠴᠢᠮᠬᠡᠭᠢᠷ* 'щипцы' — *шүмхүр*.

egü > *ȳ*: *ᠶᠡᠭᠦᠨ* 'иголка' — *джүн*; *ᠡᠭᠦᠳᠡᠨ* 'дверь' — *үден*; *ᠪᠢᠯᠡᠭᠦᠷ* 'мутовка' — *бүлүр*; *ᠳᠡᠯᠡᠭᠦᠳᠡᠷ* 'магазин' — *делүр*.

ayū > *ū*: *ᠪᠠᠶᠠ* 'спускаться' — *бү*; *ᠳᠠᠶᠠᠳᠠ* 'звать, позвать' — *дүдэ*; *ᠠᠶᠤᠯᠠ* 'гора' — *үл*; *ᠠᠶᠠᠬᠤᠳᠠᠯ* 'вопрос' — *асүдэл*; *ᠶᠠᠨᠣᠳᠠᠶᠠ* 'в основном' — *холодү*; *ᠳᠠᠲᠠᠶᠠ* 'недостача' — *дүтү*.

oyū > *ō*: *ᠲᠣᠶᠠ* 'число' — *тө*; *ᠲᠣᠶᠠᠯᠠ* 'считать' — *төло*; *ᠣᠪᠠᠶᠠ* 'куча, груда' — *обө*; *ᠲᠣᠮᠣᠶᠠ* 'рассудок, степенность' — *томө*.

oyū > *ō*: *ᠪᠠᠶᠠ* 'заявлять' — *бө*; *ᠲᠣᠶᠠᠰᠠᠨ* 'пыль, прах' — *төс(он)*; *ᠠᠶᠠᠰᠠᠨ* 'шнур, веревка' — *босор*; *ᠲᠣᠶᠠᠰᠠᠨ* 'тупить, притуплять' — *мохо*.

öge > *ē*: *ᠪᠠᠭᠡ* 'шаман' — *бэ*; *ᠶᠠᠭᠡᠯᠡᠨ* 'мягкий' — *джөлөн*; *ᠰᠠᠨᠠᠭᠡ* 'уничтожать' — *сөнэ*; *ᠨᠠᠬᠠᠳᠡᠭᠡᠰᠠᠨ* 'заплата' — *нэхэсөн*.

ögü > *ē*: *ᠰᠠᠭᠦᠮᠠ* 'малая пядь' — *сэм*; *ᠰᠠᠭᠦᠮᠠ* 'мало, немного' — *шэсөн*.

uyā > *ā* (в первом слоге), *ā*, *ō* (в непервом слоге): *ᠶᠤᠶᠠᠭᠠ* 'кушанье, трапеза' — *джө*; *ᠤᠨᠶᠠᠭᠠ* 'верховное животное' — *унэ*; *ᠮᠠᠷᠶᠠᠭᠠ* 'спор, конфликт' — *маргэ(н)*; *ᠶᠢᠭᠦᠬᠠᠭᠠᠨ* 'шесть' — *джүрлэ(н)*; *ᠪᠠᠷᠠᠭᠠᠨ* 'дождь' — *борэ*; *ᠨᠠᠶᠠᠭᠠᠨ* 'зеленый' — *ногөн*; *ᠶᠢᠯᠠᠭᠠ* 'поводья, вожжи' — *джолэ*.

üge > *ā* (в первом слоге), *ā*, *ō* (в непервом слоге): *ᠬᠦᠭᠡᠷ* 'гордый, надменный' — *хэр*; *ᠶᠡᠭᠡᠷᠢ* 'гноя' — *эр*; *ᠶᠡᠳᠦᠭᠡᠷᠢ* 'тонкие кожаные ремни' — *үдэр*; *ᠪᠦᠷᠬᠡᠭᠡᠰᠢᠨ* 'крышка, покрывало' — *бүрхэс(ен)*; *ᠳᠠᠷᠦᠭᠡ* 'стремя' — *дөрэ*; *ᠨᠠᠪᠢᠶᠠᠭᠡ* 'влиятельный' — *нөлэ*.

Старописьменным монгольским комплексам *iyā* ~ *iyē* соответствуют в хорчинском долгие гласные:

iyā > *ā*, *ō*, *ē*: *ᠲᠠᠷᠢᠶᠠᠨ* 'хлеб, пашня' — *тэрэ(н)*; *ᠲᠠᠬᠢᠶᠠ* 'курица' — *тэхэ*; *ᠳᠠᠬᠢᠶᠠ* 'сигнал, знак' — *дөхэ*; *ᠠᠷᠢᠶᠠ* 'завертывать' — *орэ*; *ᠶᠠᠪᠰᠢᠶᠠ* 'одобрять, соглашаться' — *дэбшэ*.

iyē > *ē*, *ō*: *ᠶᠢᠰᠢᠶᠡ* 'пример, образец' — *джшэ*; *ᠶᠢᠨᠡᠶᠡᠳᠠᠨ* 'смех' — *имэд(ен)*; *ᠶᠡᠭᠡᠳᠠᠨ*; *ᠡᠷᠦᠰᠢᠶᠡᠯ* 'милость, милосердие' — *эршэ*.

Таким образом, долгие гласные в хорчинском говоре по своему происхождению представляют собой различное отражение древних комплексов *v + y + g* и *v + y + i*. Характерно, что некоторые древние комплексы с интервокальным согласным дали долгие гласные в непервых слогах в зависимости от того, какой гласный входил в состав первого слога. Это относится прежде всего к гласным *o* и *ō*, встречавшимся в СПМЯ лишь в первом слоге, в то время как

все остальные гласные могли находиться в любом слове. Возникновение гласных *o* и *e* в начальных слогах (как в основе слов, так и в составе различных суффиксов) относится к фактам более позднего периода развития языка монголов Внутренней Монголии.

Хотя структура долгих гласных в основе слова и в суффиксах аналогична, однако разница в том, что долгие гласные в суффиксах образуются часто на стыке морфем: суффикс, начинающийся на согласный $\gamma \sim v$, присоединяясь к основе изменяемого слова с конечным гласным, создает интервокальное положение для согласного. Ср.: *ʃari-* 'стремиться' + *-ʃad* (суффикс разделительного дееспричастия) > *ʃariʃad* 'устремившись' — хорч. *ǰǰǰǰǰǰ*; *sǰnǰ-* 'гибнуть, уничтожаться' + *-ge* (суффикс побудительного залога) > *sǰnǰge-* 'уничтожать, истреблять' — хорч. *сǰнǰǰ*; *marɣu-* 'спорить' + *-ɣan* (суффикс образования имен от глаголов) > *marɣuɣan* 'спор' — хорч. *жаридан*.

Долгие монофтонги

Общим для всех говоров восточного диалекта (в том числе и для хорчинского) является то, что в них нет дифтонгов. Комплексы $V + \gamma + i$ или V СПМЯ имеют тенденцию в хорчинском перейти в долгие монофтонги.

Об образовании подобных комплексов в монгольском Б.Я. Владимирцов писал, что «монг. письм. начертания $V + \gamma + i$ восходят к комплексам $*V + \gamma \sim g + i$ и $*V + w + i$ аналогично с другими явлениями; $*V + \gamma \sim g + V$ и $*V + w + V$ долгие V в халхаском. На монгольской почве, следовательно, $*\gamma \sim g$ и $*w$ перед $i > -\gamma$ /2, с. 166/.

Позиционное распределение комплексов $V + \gamma + i$ в СПМЯ почти такое же, как и распределение комплексов $V + \gamma \sim g + V$, т.е. сочетания $V + \gamma + i$ встречаются в любом слове, тогда как $V + i$ — лишь в конце слова.

Комплекс СПМЯ *ayɪ* в хорчинском > $\bar{a}, \bar{o}, \bar{i}$: *ayil* 'группа юрт' — \bar{a} ; *angɣayɪ-* 'отвориться, открыться' — \bar{o} ; *aiǰayɪ-* 'расставить ноги' — \bar{i} ; *ai > \bar{a}, \bar{e}, \bar{o}, \bar{i}: *ʃaqai* 'свинья' — \bar{a} ; *datal* 'море' — \bar{a} ; *toluɣal* 'голова' — \bar{o} ; *qormai* 'подол' — \bar{i} .*

*oyɪ > \bar{o}: *noyɪr* 'сон' — \bar{o} ; *ayimasun* 'чулки' — \bar{o} ; *gotoyɪ-* 'гнуться' — \bar{o} .*

*oi > \bar{o}, \bar{i}: *oi* 'лес' — \bar{o} ; *oroɪ* 'вечер' — \bar{o} ; *siroɪ* 'пыль, прах' — \bar{o} .*

*uyɪ > \bar{y}, \bar{i}: *uyɪl-* 'плакать' — \bar{y} ; *duɣuyɪlɒŋ* 'кружок' — \bar{i} .*

*ui > \bar{y}, \bar{i}: *ayui* 'великий' — \bar{y} ; *qanɕui* 'рукав' — \bar{i} .*

üyɪ и *üi > \bar{y}, \bar{i}: *güyɪ-* 'бегать' — \bar{y} ; *üyite* 'дело' — \bar{y} ; *bǰgdüyɪ-* 'горбиться' — \bar{y} ; *biyüi* 'сумрак' — \bar{i} .*

*eyɪ, ei > \bar{i}: *neyɪ* 'согласие' — \bar{i} ; *düleyɪre-* 'глохнуть' — \bar{i} ; *erekel* 'большой палец' — \bar{i} ; *tügekei* 'незрелый, смрой' — \bar{i} .*

Необходимо отметить, что в говоре заметна последовательная тенденция развития *ai, ei* на конце слов (в суффиксе совместного падежа) в долгий гласный \bar{a} , ср.: *amital, eketei* — хорч. *эмтэ* 'с жизнью', *эктэ* 'с матерью'.

Наличие в незначительном количестве слов хорчинского говора долгих гласных $\bar{a}, \bar{o}, \bar{i}$ связано в основном с монофтонгизацией комплексов СПМЯ *ayɪ, oyl, uyɪ, üyɪ*, а в конце слов — с *ai, oi*.

Следовательно, здесь наблюдаются значительные изменения: во всех говорах восточного диалекта, в том числе и в хорчинском, результатом Эволюции комплексов СПМЯ явилось развитие долгих гласных, а в говорах центрального диалекта в тех же условиях древние комплексы преобразовались и в долгие гласные, и в дифтонги.

Гармония гласных

Гармония гласных, фонетически обусловленная ведущей ролью гласного корня, проявляется в том, что в одном и том же слове могут находиться только гласные одного ряда. В хорчинском наряду с палатальной гармонией развилось и явление губного притяжения, в соответствии с которым при огубленном гласном первого слога гласные основы и наращиваемого к ней суффикса должны быть также огубленными. Губное притяжение, появившееся относительно поздно, развилось последовательно лишь в монгольском (халхаском и в диалектах и говорах Внутренней Монголии) и бурятском языках, тогда как во всех остальных монгольских языках (в кадмыцком и во всех языках маргинальной ветви — монгорском, дунсянском, баованском) оно не распространилось.

Явление губного притяжения особое место занимает при взаимодействии первого и непервого слогов. Оно проявляется в том, что гласный, содержащийся в непервых слогах, должен быть не только одного ряда, но также огубленным или неогубленным, как того требует гласный корневой морфемы.

Слова с гласными ε , $\bar{\varepsilon}$, δ , $\bar{\delta}$ в первом слоге в последующих слогах имеют гласные заднего ряда, например: б $\bar{\varepsilon}$ - 'быть, находиться' — б $\bar{\varepsilon}$ й $\bar{\alpha}$ д 'находясь'; м \bar{o} р(т) 'конь' — м \bar{o} р \bar{o} р 'конем'.

Согласные

Таблица 1

Согласные хорчинского говора

		Губные	Переднеязычные	Среднеязычные	Заднеязычные	Глубокозаднеязычные
Смычные	сильные	к'	ш'			
	слабые	б	д		г	
Аффрикаты	сильные					
	слабые		дж			
Спиранты	сильные		с, ш			х
	слабые	в		л		
Носовые		м	н		ң	
Латеральные			л			
Дрожание			р			

Губные согласные

Губно-губной *п* встречается в говоре лишь в начале нескольких исконно монгольских (в основном звукоподражательных) слов (ср. *хар* 'черный' — *пао хар* 'совершенно черный'). Напротив, он обычен в словах, заимствованных из других языков: *Пурев* — имя собственное (< тиб.), *пүджү* 'ракета' (< кит.).

Губно-губной слабый смычный *б* сохранился в хорчинском как *б* в начальной позиции или после некоторых сонорных согласных, например: *батар* 'герой, богатырь', *бүс* 'пояс', *бөмөт* 'мячик', *холбиро-* 'свалиться'.

Согласный *в* заменяется смычным *б*, если он находится в конце слова или в середине, в интервокальной позиции, например: *тевер-/тебер-* 'обнимать', *ав-/аб-* 'взять, брать'.

Этому развитию способствует и наличие дрожащего *p*, который в таких случаях предшествует спиранту *в*, например: *арао/арбан* 'десять', *дүрев/дүрбен* 'четыре'.

Однако следует отметить, что хорчинский заметно отличается от других говоров восточного и центрального диалектов весьма частым чередованием согласных *б* и *в*. Известна также замена *б* согласным *п*, ср.: *бууда-* > хорч. *пуда-* 'стрелять'.

Губно-губной слабый спирант *в* не встречается в начале исконно монгольских слов. По Б.Я. Владимирцову, он артикулируется при небольшой губной работе, которая состоит в том, что нижняя губа немного поднимается; сильного шума при прохождении воздуха между губами при этом не замечается, напр.: халх. *давд* 'горный перевал', *оүгү* 'старик', *ав* 'бери', *вар* 'череница' /2, с. 378/.

Губно-губной носовой *ж* не меняет своих характеристик во всех говорах: *намар* 'осень', *мү* 'плохой', *ем* 'лекарство'.

Согласный *ж* в середине некоторых слов становится в говоре переднеязычным носовым *я* под ассимилирующим влиянием следующего за ним смычного согласного: *думда*, *дунда* 'в середине', *умта-*, *унта-* 'спать' — хорч. *дунд*, *унта-*.

Переднеязычные согласные

Сильный смычный *т* в говоре произносится с придыханием (т.е. *т'*) и встречается во всех позициях в слове, например: *тени-* 'узнавать', *тү* 'мешок', *хатү* 'твердый'.

Данные говоров восточного диалекта свидетельствуют, что в них инициальный сильный *т* перед звуками аналогичного характера второго слога не теряет своего качества и не изменяется в слабый смычный *θ*, как в говорах центрального диалекта, ср.:

	Восточный диалект		Центральный диалект	
	хорчин	тумет	чахар	шилингол
<i>tata-</i>	'тянуть'	<i>тата-</i>	<i>тата-</i>	<i>тата</i>
<i>tes-</i>	'терпеть'	<i>тес-</i>	<i>тес-</i>	<i>тес-</i>
<i>takiya</i>	'курица'	<i>тэхä</i>	<i>тахä</i>	<i>тахä</i>

Переднеязычный слабый смычный *ɖ* в хорчинском говоре в абсолютном конце слова иногда становится глухим, например: *məyad* 'несомненно', *ireded* 'пришедши' — хорч. *магад* (*жагат*), *иредэ* (*ирэм*).

В хорчинском известно также чередование *ɖ* и аффрикаты *ɖʃ*. Однако результаты этого чередования неодинаковы по говорам восточного и остельных диалектов: в одних то же самое слово имеет *ɖ*, а в других — *ɖʃ*, например: *ənʃisun* 'плуг' — хорч. *эндас*, дурб. *эндэш*, тум. *энджас*, чах. *андас*, анджас, орд. *анджасу*.

Отличительной чертой хорчинского говора и подговора джалайт-дурбет является то, что в них зафиксирована лишь одна шипящая аффриката. Это сильно смягченная переднеязычная шипящая аффриката *ɖʃ*, развившаяся из *ʃ* и сохраняющая свое исконное качество. Следовательно, СПМЯ *ʃ* отражается в хорчинском говоре как перед гласной *i*, так и перед другими гласными в виде одной фонемы *ɖʃ*, в то время как, например, в шилингольском говоре центрального диалекта и в халхаском диалекте она отражается перед гласной *i* в виде шипящей аффрикаты *ɖʃ*, а перед остальными гласными соответствует свистящей аффрикате *ɖʒ*, ср.: *ʃiyusun* 'рыба', *ʃolqoyu* 'ленивый' — хорч. *ɖжагас* (*ан*), *ɖжалзү*, шгол. *ɖзатас* (*ан*), *ɖзэлзү*, совр. монг. *затас* (*ан*), *залзуу*.

В некоторых словах аффрикате *ʃ* СПМЯ в середине слова соответствует в хорчинском смычный *ɖ*, например: *konʃile* 'одеяло', *deɣʃile-* 'подвесить' — хорч. *хондйх*, *дүдле-*.

Следовательно, во всех говорах восточного диалекта, а также в чахарском (и в речи урат, дурбен хухет) говоре центрального диалекта и в ордосском отсутствует свистящая аффриката *ɖʒ*, развившаяся из *ʃ* перед всеми остальными гласными, кроме *i*.

Древний спирант *s* в положении перед гласным *i* развился в шипящий спирант *ʃ* (чаще палатализованный): *siregün* 'грубый', *sira* 'желтый', *yasiyün* 'горький', *gesigün* 'ветвь' — хорч. *шрүн*, *шар*, *гашүн*, *гешүн*.

В положении перед всеми остальными гласными спирант *s* сохраняет свое исконное качество: *sanyaun* 'дума', *ʃyayusun* 'бумага' — хорч. *санд* (*н*), *шас* (*ан*).

В немногих словах спиранту *s* соответствуют в хорчинском смычные *ɖ* или *ʃ*: *geriyes* 'завещание', *asqa-* 'лить, выливать' — хорч. *герёд*, *аста* (*агта*).

Подобная замена наиболее широко и последовательно наблюдается в джалайт-дурбетском подговоре хорчинского говора, в котором все коренные монгольские слова со спирантом *s* произносятся как *ʃ*: *sonus-* 'слушать', *bos-* 'вставать' — джал.-дурб. *шонто-*, *бото-*.

В научной литературе утвердилось мнение, что говоры языка монголов Внутренней Монголии в основном единообразны и относятся к *ts*-говорам. При этом главным образом исходили из ордосского и не принимали во внимание говоры северо-восточной части Внутренней Монголии, а также прилегающих к ней китайских провинций. Именно в речи монголов этого региона отсутствует древняя шипящая аффриката *ʃ*.

Отличительной чертой хорчинского говора и джалайт-дурбетского подговора на всей территории их распространения является отражение древней шипящей аффрикаты *ʃ* как перед гласным *i*, так и перед остальными гласными

как спиранта *ш*, т.е. ее деаффрикация. В этом смысле хорчинский говор условно можно назвать *ʃ*-говором, ср.:

	Хорчин	Арухорчин	Чахар	Шидингол	Уланцай
<i>ʃulb uʃur</i> 'чембур, повод'	<i>шулбур</i>	<i>чолбур</i>	<i>чулбур</i>	<i>чулбур</i> (сунит)	<i>чулбур</i> (урат)
<i>ʃarʃaʃai</i> 'саранча'	<i>шаршахэ</i>	<i>чарчахэ</i>	<i>джарчаа</i>	<i>чарча</i> (дарх.)	<i>чарча</i> (урат)
				<i>джарча</i> (сунит)	

В хорчинском деаффрикация — явление относительно позднее. Однако хронология развития спиранта и утрата аффрикаты *ʃ* неясны. Заметим лишь, что подобное явление свойственно некоторым говорам бурятского, а также частично и дагурскому языку.

Консонантная структура хорчинского говора отличается от остальных групп говоров избыточным употреблением спиранта *ш*, тогда как в бурятском языке этот избыток устраняется частичным переходом *ʃ* в спирант *с*.

Латеральный согласный *л* в начале слова употребляется сравнительно редко, в основном в некоторых звукоподражательных словах [*лул* *тэ* 'гулко раздаваться' (при падении чего-л.)] или в словах, заимствованных из других языков. Он встречается преимущественно в середине и на конце слов: *тал* 'огонь', *белен* 'готовый', *алдар* 'слава'.

Известно чередование *л* и *р*, когда они стоят в слове близко друг от друга, ср.: *ʃullɪ*, *ʃurɪl* 'мука' — хорч. *чулр*, *чурил* и *чулр*.

Носовой переднеязычный *н* встречается во всех позициях в слове, например: *нар(ан)* 'солнце', *дунд* 'середина', *уран* 'искусный'.

Иногда замечается соответствие СПМЯ *н* хорчинскому *л*, например: *навд* 'листья', *найда-* 'надеяться' — хорч. *лэвн*, *лэда-*.

В результате палатализации носовой *н* может соответствовать и спирант *ɟ*: *sonɪn* 'новость', *ünige*, *ünlyen* 'корова', *qonɪn* 'овца' — хорч. *сәйм* (*сәйм*), *үгә* (*үгә*), *хә* (*хә*). Слова-соответствия со спирантом *ɟ* являются достоянием разговорной речи.

Дрожащий согласный *р* не встречается в начале слов. В словах, заимствованных из других языков, начальному *р* обычно предшествует протетический гласный: *raslyan* 'целебная вода' — *аршан*. В других позициях, т.е. в середине и в конце слов, он такой же, как в СПМЯ, например: *boruʃen* 'дождь', *ger* 'юрта' — *борс*, *гер*.

Среднеязычные согласные

К среднеязычным относится слабый спирант *ɟ*. Он идентичен СПМЯ *у* в начале слов и в интервокальной позиции: *ʃaʃun* 'кость', *ʃadʃu* 'неимущий', *buʃan* 'благодетель' — хорч. *јас(ан)*, *јадү*, *бујан*.

Известно, что СПМЯ инициальный *ɟ* в словах с гласными заднего ряда соответствует хорчинскому *ја*, например: *ɪmaʃen* 'коза', *ɪɬaʃ* 'муха, мошка' (*јамә(н)*), *јалә* (но в джалайт, дурбет и горлос *лә*).

Протеза *ʃ* в хорчинском встречается иногда перед гласным *i*: *ʃre-* 'прити', *ʃe* 'ясный' — хорч. *ʃre-* (*ʃre-*), *ʃla*.

Заднеязычные согласные

Заднеязычный *ɣ* в хорчинском употребляется в основах с гласными переднего или среднего ряда в любой позиции в слове: *könggen* 'легкий', *degege* 'крюк', *güyldeɪ* 'бег' — хорч. *xəŋtəm*, *deɪɛ̄*, *ɣüdeɪ*.

Однако согласный *ɣ*, который закрывает слог, является глухим, например: *kegeɪ* 'дело', *ʃüg* 'сторона' — хорч. *xereɪ* (произносится *xerek*), *ɟʃɣɪ* (произносится *ɟʃɣ*).

Аллофон *ɣ³* в хорчинском встречается лишь в основах с гласными заднего ряда: *yal* 'огонь', *doɣuləŋ* 'хромой', *moɣɪ* 'змея' — хорч. *ʔal*, *doɣlɔŋ*, *moɣb*.

В позиции перед сильным смычным *ŋ* он переходит иногда в спирант *x*: *taɣtaɣ* 'голубь', *maɣta-* 'хвалить' — хорч. *maxtā*, *maxta-*.

Носовой заднеязычный *ŋ* встречается в середине и конце слов. В исходе слога он стоит главным образом перед согласными заднеязычными *ɣ* и *x*:

qəŋgəɣɪ 'темнота', *məŋqəl* 'бархан', *ʃəŋ* 'нрав, характер' — хорч. *xarəŋɣɪ*, *maŋɣ(ɪn)*, *ɟʃəŋ*.

Глубокозаднеязычные согласные

В хорчинском имеется сильный спирант *x*, который встречается в любой позиции в слове: *saxal* 'борода', *ax* 'старший брат', *xereɪ* 'дело'.

В единичных случаях имеет место замена *x* спирантом *ʃ*, например: *alɣim*, *alxam* 'шаг'.

Структура слога и ударение

Структура слога во всех говорах одинакова. Можно выделить два типа слогов: 1) начинающиеся с гласного и имеющие структуру: а) один долгий *v* (*b̄* 'порошок'), б) *v* + *C* (*eŋ* 'лекарство'), в) *v* + *C* + *C* (*uɣs* 'народ, государство'); 2) начинающиеся с согласного и имеющие структуру: а) *C* + *v* (*ɣɪ* 'дракон'), б) *C* + *v* + *C* (*xɔŋ* 'овца'), в) *C* + *v* + *C* + *C* (*səvə* 'жемчуг').

Общим правилом является то, что в начале слога не могут встречаться группы согласных, а заканчиваться слог может лишь двумя согласными. Причем далеко не все согласные могут сочетаться в одной группе. Количество и характер тех или других слогов в говорах могут зависеть и от таких фонетических явлений, как выпадение гласных в конце или внутри слова, а также от перестановки гласных в слове. По сравнению с СИМЯ в говорах слоги имеют тенденцию становиться краткими и замкнутыми (закрытыми). Тенденция к открытости слога прослеживается лишь в ордосском диалекте.

Ударение в говорах постоянное, оно падает на первый слог слова.

³ В силу того что в хорчинском слабо различают *ɣ* и *ɣ³*, в дальнейшем мы будем пользоваться лишь одной графемой *ɣ*.

Имя существительное

Имя существительное в хорчинском языке имеет категории числа, падежа и принадлежности.

Множественное число. Значение множественного числа имен существительных выражается агглютинативными суффиксами, выбор которых зависит от характера исхода основы существительного и его семантики. Своеобразие хорчинского и остальных говоров состоит в том, что оформление имени существительного показателем множественного числа является менее строгим, зачастую не подчиняющимся регулярному правилу, ср.: *шувэ(н)* 'птица' — *шувэд*, *шувэиэд*, *шувэиэд* 'птицы'.

В говоре зафиксированы следующие суффиксы:

1) *-д*, присоединяется к основам, оканчивающимся на: а) долгий гласный: *нозд* 'собака' — *ноздд*; б) согласные *к, р, л*, которые при присоединении суффикса *-д* выпадают: *ноjik* 'князь' — *ноjid*; *нотер* 'товарищ' — *нозд*; *тугал* 'теленок' — *тугад*;

2) *-с*, присоединяется к единичным основам с конечным согласным (в частности, *м, р*): *ем* 'женщина' — *емс*; *кер* 'имя' — *кертс*; в говоре он используется редко. В СПМЯ он присоединялся к основам, оканчивающимся на гласный или дифтонг. В говоре же подобные основы не сохранили гласный исход, и поэтому они употребляются с другими суффиксами, ср. *вүлэ* 'гора' — *вүлэс* — хорч. *үл* 'гора' — *үлүд*, *үлүд*;

3) *-үд*⁴, широко употребителен и присоединяется к основам, оканчивающимся на: а) согласные: *эл* 'аил, деревня' — *элүд*; *мал* 'скот' — *малүд*; *шпег* 'воин, солдат' — *шпегүд*; *хот* 'город' — *хотүд*; *ном* 'книга' — *номүд*; б) долгие гласные, при этом между основой и суффиксом появляется соединительный согласный *и*: *пү* 'винтовка' — *пүиүд*, *гахэ* 'свинья' — *гахэйүд*;

4) *-нүд*, употребляется после основ, оканчивающихся как на гласные, так и на согласные: *херё* 'ворона' — *херёнүд*; *шшег* 'цветок' — *шшегинүд*; *джэхдал* 'письмо' — *джэхдалнүд*. В говоре наблюдается известное колебание в употреблении суффиксов *-үд* и *-нүд* при некоторых основах: *гахэйүд*, *гахэнүд* 'свиньи'; *шпегэйүд*, *шпегенүд* 'столы'; *жемэйүд*, *жемёнүд* 'верблюды';

5) *-шүд*, употребляется редко, преимущественно при основах имен, обозначающих разные категории людей в собирательном значении: *джалү* 'молодой' — *джалүшүд* 'молодежь'; *өөг* (өөгөн) 'старик' — *өөгшүд* 'старики, старцы'; *емейтэ* 'женщина' — *емейтэшүд* 'женщины';

6) *-тан*, употребляется чаще при обозначении собирательного множества или принадлежности к группе: *джисүр* 'крылья, крыло' — *джисүртен* 'пернатые'; *арайн* 'коренной зуб' — *арайтан* 'хищные (звери)';

7) *нар*, выделяется среди остальных суффиксов тем, что пишется отдельно от основы имени. Случай употребления имен с суффиксом *нар* сравнительно

⁴ Большинство суффиксов словообразования и словоизменения имеет несколько сингармонических вариантов. В дальнейшем изложении приводится лишь один из алломорфов.

но немногочисленны, что связано с семантикой исходных основ, обозначающих людей одной профессии или находящихся в одинаковых родственных отношениях: *ах* 'старший брат' — *ах нар*; *дже* 'племянник' — *дже нар*. В отличие от других суффиксов он не имеет фонетического варианта.

В говоре имеются и удвоенные показатели множественного числа. Записанные нами материалы фиксируют такие удвоенные суффиксы лишь при существительных, обозначающих людей и их профессию. В этом случае вторым компонентом выступает в основном суффикс *-ūd*, наиболее распространенный в говоре, например: основа + *-ō + ūd* (*но/ик* 'князь' — *но/ид, но/идūd*); основа + *-с + -rō* (*ем* 'женщина' — *емс, емсrō*).

Помимо морфологического способа выражения значения множественного числа существует и лексико-семантический, когда наименование предмета само по себе обозначает совокупность, собирательное множество, например: *сурег* 'стая, стадо'.

Падежи. Имена существительные в хорчинском говоре склоняются по единственному типу. Разные падежные варианты суффиксов употребляются в зависимости от исхода основы существительных. Имена существительные единственного и множественного числа имеют одинаковую парадигму.

В хорчинском зафиксированы следующие падежи: именительный, родительный, дательно-местный, винительный, исходный, орудный и совместный.

Именительный падеж не имеет специального показателя, например: *гал* 'огонь', *ур* 'гнев, злоба', *медē* 'сведения, известие', *ус(ам)* 'вода', *шас(ам)* 'снег'.

Родительный падеж образуется при помощи суффиксов:

- 1) *-ē* после основ на неустойчивый *-и*, например: *однē* 'звезды', *шувнē* (*шувн/и*) 'птицы', *шулунē* (*шулун/и*) 'камня';
- 2) *-и* после основ на: а) долгий гласный; между основой и суффиксом вставляется *г*: *дүүлг* 'младшего брата'; б) любой согласный, кроме *н*: *голг* 'реки', *улсг* 'народа', *герг* 'юрты', *сулг* 'топора';
- 3) *-н* после основ на долгий гласный: *нохон* 'собаки', *дегэн* 'крючка', *магган* 'шапки'.

Употребление суффиксов родительного падежа не отличается строгостью: в именах существительных с исходом как на гласные, так и на согласные заметно смещение форм, их параллельное использование, например: *малт*, *малнē* 'скота'; *саргн*, *сарнē* 'луны'; *шулунг*, *шулунē* 'камня'; *шувунг*, *шувунē* 'птицы'; *нохонг*, *нохон*, *нохонē* 'собаки'; *далггн*, *далгн*, *далгнē* 'океана-моря'. Это особенно заметно в текстах, которые мы записывали у хорчин. Одни и те же имена существительные, встречающиеся в разных текстах, имеют разные показатели родительного падежа.

Дательно-местный падеж образуется посредством суффикса *-ō* (*-dal*). Он употребляется после основ на: а) долгие гласные: *дүүō* 'младшему брату', *серēō* 'вилке', *салāō* 'разветвлению'; б) согласные сонорные и спичрент *ō*: *магда* 'скоту', *сарда* 'месяцу', *сацда* 'казне', *āда* 'отцу', *ердедда* 'знанию'. Если основа существительного оканчивается на некоторые смычные и спичранты, то между ними и суффиксом падежа появляется вставной гласный, например: *ардаō* 'арату, труящемуся', *мсадō* 'государству'. Вариант суффикса *-н(-та)* менее употребителен.

Употребление в СПМЯ формы дательного падежа *-dur* наряду с формой *-o* в говоре обнаруживается лишь в текстах песен, записанных у хур (певцов-сказителей), больших знатоков песенного фольклора, ср.: *шегэрег кершиж ... дүрбен джүг-дүр мандан гарбал, көхөрлөтө ах дү маш олок...* (светлое имя твое... прославится всюду, тогда и друзей (у тебя) становится много...).

Винительный падеж образуется при помощи суффиксов:

1) *-i* (*-iṅ*) после основ, оканчивающихся на согласные: *гарі* 'руку', *сургалі* 'школу', *шасги* 'бумагу', *джамги* 'дорогу';

2) *-i* (*-iṅ*) после основ, оканчивающихся на долгие гласные: *шрэг* 'сто', *мотги* 'змею', *малгаи* 'шапку', *адүги* 'табун'.

В говоре одно и то же слово в винительном падеже может встречаться в обеих формах, т.е. с суффиксами *-i* (*-iṅ*) или *-i* (*-iṅ*). Чаше употребляются имена в винительном падеже с суффиксами, чем без суффиксов, в нулевой форме: *адүги тэхэр ошон* 'он ушел, чтобы пригнать табун'; *сүдж бэт хүнү дүда* 'позови того, который сидит'. Но в живой речи, где большую роль играет интонация, часто обходятся без грамматического оформления слова, например: *бид ус үхэр ирджи* 'мы пришли, чтобы выпить воды'; *жер шини мөр унй лавджи* 'он уехал на твоём коне'.

Исходный падеж образуется посредством присоединения к основе суффикса *-ās*. При этом наблюдается следующее:

а) когда основа имеет в исходе краткий гласный или согласный (кроме заднеязычного *ŋ*), то падежный суффикс присоединяется непосредственно к основе, например: *аргас* 'из способа', *кежгас* 'из прибавок', *галас* 'из огня', *голос* 'из реки';

б) когда основа имеет в исходе долгий гласный или заднеязычный *ŋ*, то перед падежным суффиксом *-ās* вставляются согласные *i* или *ŋ*, например: *хүрөгс* 'от ограда, изгороди', *бөгс* 'от шамана', *еңгс* 'из ширины (тканя)';

Вставные согласные *i* или *ŋ* могут употребляться и в параллельных формах: *кохөгс*, *кохөңгс* 'от собаки', *шувөгс*, *шувөңгс* 'от птицы', *үгөгс*, *үгөңгс* 'от коровы', *адүгас*, *адүңгас* 'от табуна'. Основы имен, оканчивающиеся на заднеязычный *ŋ*, в хорчинском говоре могут присоединить суффикс исходного падежа и непосредственно к основе: *саң* 'казна' — *саңас*, *саңгас*.

Следует отметить также, что иногда вставной согласный *ŋ* появляется и по аналогии и в тех словах, которые исторически его не имели, например: *ма* 'скот' — *малас*, *малгас*.

Орудный падеж образуется посредством суффикса *-ār*. При этом можно отметить:

а) если основа слова оканчивается на согласный, кроме заднеязычного, то падежный суффикс присоединяется непосредственно к основе, например: *джедār* 'копьем', *сүгәр* 'топором', *голдр* 'рекой';

б) если основа слова имеет в исходе долгий гласный или заднеязычный, то перед падежным показателем *-ār* вставляется согласный *i*: *шегәр* 'чаем', *деңгәр*, *деңгәр* 'лампой'.

Совместный падеж образуется при помощи суффикса *-тг*, который присоединяется к любой основе: *агтг* 'со старшим братом', *тежетг* 'с верблюдом', *кертг* 'с именем'.

Двойные падежи. Они образованы прибавлением к основе слова одновременно двух падежных суффиксов. Однако подобное образование имеет ограничения: а) к основе нелюбого имени можно присоединять суффиксы двойных падежей; б) не всякая падежная форма может быть основой для присоединения показателя второго падежа; в) не каждая падежная форма может быть присоединена к другой падежной форме.

В хорчинском говоре двойные падежные формы образуются от родительного, дательного-местного или совместного падежей.

Остановимся лишь на дательном-местном падеже. К основе с показателем в дательном-местном падеже может быть присоединен лишь суффикс исходного падежа. В литературе известно только одно имя существительное, встречающееся в дательном-местно-исходном падеже. Это слово со значением «из юрты»: совр. монг. *гэржээс*, калм. *гертэс*, в говорах Внутренней Монголии *гертэс*. В хорчинском говоре нами зафиксировано еще одно имя существительное — *гар* 'рука', которое по аналогии со словом *гэр* 'юрта' после показателя дательного-местного падежа принимает суффикс исходного падежа: *хүнэ гартас бүү жимт шаадаж ава* 'не вырывай ничего из чужих рук'. Ср. совр. монг. *гарааснь чангаа-* 'вырвать из рук', где отсутствует показатель дательного-местного падежа.

Категория принадлежности во всех говорах образуется присоединением к соответствующим падежным формам имен частиц местоименного происхождения. Они делятся на частицы возвратного (или безличного) и личного притяжений.

Частицы возвратного притяжения употребляются с именами в форме косвенного падежа для обозначения отнесенности объекта к лицу вообще. В хорчинском говоре такими частицами являются для имен: а) в родительном падеже *-дэн*; б) в винительном падеже *-дэн(-идэн)*; в) в дательном-местном, исходном, орудном падежах *-дэн*; г) в совместном падеже *-идэн*.

Подобное оформление имен частицами возвратного притяжения типично для хорчинского говора, тогда как в халха-монгольском частица притяжения утрачивает конечный согласный *н*. Ср. хорч. *алдсдэн*, халха *алаасса* 'от своего старшего брата'.

В отличие от всех остальных падежей имя в винительном падеже при присоединении к нему частицы возвратного притяжения теряет падежный показатель и в зависимости от исхода основы слова принимает частицу *-дэн(-идэн)*: *галдэн* 'свой огонь', *тэрдэдэн* 'свое поле'.

Частицы личного притяжения по своей употребительности уступают частицам возвратного притяжения. В говоре зафиксированы: *мин* 'мой', *шим* 'твой', *н* 'его, их', а также *мдэн* 'наш', *ддэн* 'ваш' (используются редко).

При наличии во фразе полной формы личного местоимения в функции определения эти частицы употребляются редко. Наиболее активной из них является *н* как для единственного, так и для множественного числа.

Влиянием СПМЯ можно объяснить употребление письменных форм местоимений *мину* (ср. *тину*), *шину* (ср. *эину*), *ину* (ср. *ину*) в говоре при исполнении

народных песен⁵. Так, в тексте одной песни нами зафиксировано: *ш/шег бо мол-ш/му делгред и/рлгн үгесвө...* «когда приходит время распускаться цветам и деревьям твоим...»; *ш/а-л/ну тулэд, х/ерү л/ешаг унахдә...* «когда приходит время и листья с них начинают опадать...».

Частицы возвратного и личного притяжений присоединяются к имени в или иной форме и пишутся слитно.

Парадигма склонения имен существительных в говоре довольно проста, некоторые трудности представляет лишь имя существительное в родительном падеже, который в зависимости от исхода основы имеет несколько суффиксов (табл. 2).

Словообразование. Имена существительные во всех говорах образуются путем присоединения к основам разных деривационных суффиксов. Имеющиеся небольшие отклонения связаны со звуковым составом говоров.

В силу того, что инвентарь словообразовательных суффиксов в СГМЯ языках центральной ветви (современный монгольский, бурятский и калмыцкий) в основном идентичен, мы ограничиваемся указанием лишь тех суффиксов, которые бытуют в хорчинском говоре.

1. Суффиксы, образующие существительные от основ существительных: *-вш/(-бш/)*: *хурүвш/и* «наперсток» (*хурү* «палец»); *джүвш/и* «игольник» (*джү* «игла»); *хүджүвш/и* «ошейник» (*хүджү* «шея»); *жетевш/и* «футляр для огнива» (*жет* «огниво»);

-ш(н/): *адүш(н/)* «конюх, табунщик» (*адү* «табун лошадей»); *хөнш(н/)* «пастух овец» (*хөн, хө* «овца»); *эджлш(н/)* «рабочий» (*эджл* «работа»); *дүйш(н/)* «певец» (*дүй* «песня»).

2. Суффиксы, образующие существительные от глагольных основ:

-ай(н/): *санай(н/)* «дума, мысль» (*сана-* «думать, мыслить»); *медө* «весть, известие» (*меде-* «знать, узнавать»); *холбо(н/)* «связь, контакт» (*холбо-* «соединять, связывать»);

-ас(ан/): *хадас(ан/)* «гвоздь» (*хада-* «прибивать, вбивать»); *үдөс(ен/)* «сшилка» («соединение шитьем»); *нөхдөс(өн/)* «заплата» (*нөхө-* «ставить заплату»).

-вар: *шадвар* «умение, способность» (*шада-* «мочь, уметь»); *еделбер* «уголья, владения» (*едле-* «пользоваться чем-л.»); *тэлбар* «объяснение, толкование» (*тэл-* «объяснять, разгадывать»); *джавар* «указание, наставление» (*джав-* «указывать»);

-в/: *бодов* «краска» (*бодо-* «красить»); *бшн* «письмо» (*бшн-* «писать»); *хоног* «ночевка» (*хоно-* «ночевать»); *джураг* «рисунок» (*джура-* «рисовать, чертить»);

-д(ан/): *хэнэд(ан/), хэлэд(ан/)* «кашель» (*хэнэд-* «кашлять»); *төөд(ен/), ијэд(ен/)* «смех» (*төө-, ијө-* «смеяться»);

-да/: *јавад* «ход, походка» (*јава-* «ходить, идти»); *ијүдөл* «бег» (*ијү-* «бежать, бегать»); *бөдөл* «перевязка, связка» (*бө-* «завязывать»);

⁵ Б.Я. Владимирцов отмечал, что «язык. песен, героических эпосей...редко бывает чисто народным, по большей части он насыщается элементами литературного письменного языка монголов» /2, с. 40/.

Таблица 2

Склонение существительных

Падеж	Суффикс	Частица возвратного притяжания	Примеры		
Именительный	—	—	шулу(н) 'камень'	юл 'река'	нохō 'собака'
Родительный	-ē	-шōн	шулу ^н ēшōн	юл ^н шōн	
	-īн	-шēн			
		-шōн			
	-н	-шōн			нохōншōн
Дательный-местный	-о(-оа)	-ōн -ēн -ōн -ōн	шулу ^н ōн	юлōн	нохōн(ю)ōн
Винительный	-ī(-ī)	-ōн, -ēн -ōн, -ōн	шулу ^н īн	юлōн	нохō ^н īн
	-ī((-īī))	-īōн, -īēн -īōн, -īōн			
Исходный	-ās -ēs -ōс -ōс	-ōн -ēн -ōн -ōн	шулу ^н āsн	юлōсн	нохō ^н ōсн
	-ār -ēr -ōр -ōр				
Орудный	-ār -ēr -ōр -ōр	-ōн -ēн -ōн -ōн	шулу ^н ārн	юлōрн	нохō ^н ōрн
Совместный	-тē	-īōн, -īēн -īōн, -īōн	шулу ^н тēн	юлтēн	нохōтēн

- дж(ā): жарож, жаржд 'ущерб, потеря' (жар- 'выходить'); олдж, олджō находка, добыча (ол- 'находить');
 -ē: тешил 'борьба' (теши- 'бороться'); джаргал 'счастье, блаженство' (джарга- 'блаженствовать, наслаждаться');
 -лаі: джарлаі 'расход, издержки' (джарла- 'использовать'); бодлоі соображение, мнение (бодо- 'думать, соображать');
 -лан: таллан 'покос, сенокос' (тада- 'косить, жать'); джовлоң (джоблоң) мучение, страдание (джово- 'мучиться, страдать'); өлсөлөң 'голод' (өлсө- 'морить голодом');
 -лт: асүлт 'вопрос' (-асү- 'спрашивать'); уриалт 'рост, всход' (уриа- 'расти'); уналт 'падение' (уна- 'падать'); бблт 'повязка, бинт' (бб- 'завязывать');
 -м: аллам 'шаг' (алта- 'шагать'); бэрим 'мера в объём пальцами руки' (эри- 'держат в руке'); хершим 'кусочек, ломоть' (херши- 'нарезать, разламывать');

-мал: шаршамал 'желе' (шарша- 'стынуть, сгущаться'); хӧлмол 'смесь' (хӧл- 'смешивать, перемешивать'); ёдмег 'заквашенное молоко' (ёде- 'киснуть, заквашиваться');

-мдж: тусламдж 'помощь, содействие' (тусла- 'помогать'); бӱтемпж 'успех, достижение' (бӱте- 'исполняться, осуществляться'); турӧмдж 'порядок, надлежащее положение' (турӧ- 'убирать');

-мт: бзрӧмт 'основание, довод' (бзри- 'опираться, придерживаться'); ббголт 'преграда, препятствие' (бб- 'преграждать, заграждать');

-мшиг: ӕмшиг 'страх, боязнь' (ӕ- 'бояться, страшиться'); гутамшиг 'стыд, позор' (гута- 'стыдиться'); гӕтамшиг 'чудо, диво' (гӕта- 'удивляться, изумляться');

-р: белшӕр 'пастбище' (белшӕ- 'выпускать, выгонять пастись'); шава 'глина' (шава- 'обмазывать');

-с(ам): нӧлбӧс(он) 'слеза' (нӧлбӧс укага- 'прослезиться'); хӧс(он) 'на' (хӧ- 'пухнуть, подниматься');

-ӱл: шурӱл 'выдвижной ящик' (шурга- 'пролезать, проникать'); ёрӱл 'веретено' (ёре- 'прясть');

-ӱр: гаӱӱр 'спайка, паяние' (гаӱӱа- 'паять'); шимхӱр 'шипцы' (шимхо- 'шипать'); делгӱр 'магазин' (делге- 'раскладывать'); тадӱр 'серп, коса' (тада- 'косить, жать');

-ш: нӱш 'тайна, секрет' (нӱ- 'скрывать, прятать'); яваш 'ход, процесс' (ява- 'ходить, идти'); буш 'стоянка' (бу- 'останавливаться, располагаться жительство'); хестеш 'лежка' (например, скота) (хесте- 'лежать, ложиться');

Имя прилагательное

Обозначая качество, свойство или признак предмета, прилагательные делятся на два основных разряда: качественные и относительные.

К качественным относятся прилагательные непрямые производные (первичная форма) и производные, образованные посредством некоторых суффиксов. Относительные прилагательные, обозначающие признаки и свойства, выражающие отношения одного предмета к другим предметам, а также к месту или времени, образуются от именных и глагольных основ посредством суффиксов (модортог 'лесистый', шаст 'снежный', шӱтӱ 'влажный' и др.).

Имя прилагательное в функции определения не изменяется; оно не согласуется с определяемым словом в числе и падеже, присоединяется к нему с помощью примыкания, например: тер ӱндер ӱлӱ давад, ӱрген голӱ гашӱад гар. 'он перевалил высокую гору, переправился через широкую реку'.

Как и во всех говорах и диалектах, интенсивная степень качества, но сопоставления предмета с подобным ему предметом передается двумя словами:

1) постановкой усилительных слов перед определяемым именем прилагательным, например: маш ӱл 'очень большой', муӱ голо 'очень далекий', та гар 'совершенно черный', шас шаган 'совсем белый', шал тах 'совершенно синий';

2) посредством частичной редупликации, т.е. когда перед прилагательным в полной форме повторяется первый слог этого прилагательного с наращением

согласного *в* (*б*), например: *уе улан* 'красный-прекрасный', *уе урт* 'длинный-предлинный', *шав шар* 'желтый-прежелтый'.

В говоре имеется и специальная сравнительная конструкция, которая употребляется лишь при сравнении одинаковых качественных признаков, прису-щих двум или нескольким предметам. В этом случае наименование предмета, с которым сравнивается другой, передается именем в исходном падеже, за ним следует прилагательное в форме основы, например: *мині бір мині бірѐс сѐн* 'твоя ручка лучше моей ручки'; *тернѐ мѐр Самбуи мѐрнѐс анѐр* 'его конь выше (ростом) коня Самбу'; *мугѐс мѐ хун* 'худший из худших (о человеке)'.
.

Словообразование

1. Суффиксы, образующие имена прилагательные от именных основ:

-*лат*: *авѐслаг* 'даровитый' (*авѐс* 'дар, талант'); *амтлаг* 'вкусный' (*амт* 'вкус'); *мослог* 'жирный, маслячный' (*мос(он)* 'масло'); *биѐлег* 'рослый' (*биѐ* 'тело');

-*мсаг*: *гојѐмог* 'нарядный, красивый' (*гојѐ* 'красивый, чудесный'); *јиѐм-сег* 'высокомерный' (*јиѐ* 'большой');

-*ргал*: *усаргал* 'обильный водой, водянистый' (*ус(ан)* 'вода'); *модоргол* 'лесистый' (*мод(он)* 'дерево, лес');

-*ртѐ*: *ѐлартѐ* 'горный, гористый' (*ѐл* 'гора'); *јасартѐ* 'костистый, костлявый' (*јас(ан)* 'кость');

-*саг*: *авсаг* 'любящий отца' (*ав* 'отец'); *нѐзѐревег* 'любящий друзей' (*нѐ-зѐр* 'друг');

-*тѐ*: *галт* 'огненный' (*гал* 'огонь'); *хорт* 'ядовитый' (*хор* 'яд'); *хүшт* 'сильный' (*хүш(н)* 'сила');

хамѐт 'родственный' (*хамѐ* 'родство').

2. Суффиксы, образующие имена прилагательные от глагольных основ:

-*гѐ*: *шамгѐг* 'старательный, прилежный' (*шамга-* 'быть прилежным, стараться'); *сѐмгѐ* 'редкий, просвечивающийся' (*сѐм-* 'быть редким, просвечивающимся');

-*гар*: *агджар* 'коротенький, приземистый' (*агдж-* 'сокращаться');

дегдѐг 'торчащий, оттопыренный' (*дегдѐ-* 'оттопыриваться');

-*маг*: *шадмаг* 'умелый' (*шад-* 'уметь, мочь'); *шѐшмог* 'внезапный' (*шѐш-* 'вздрагивать от испуга');

хѐрмаг 'обманчивый' (*хѐра-* 'обманывать');

-*маг*: *тунмаг* 'прозрачный, отстоявшийся' (*туна-* 'отстояться');

гүрмел 'плетеный' (*гүр-* 'плести');

ојомел 'шитый' (*ојо-* 'шить, прошивать');

-*мѐг*: *басагмѐг* 'привычный' (*баса-* 'привыкать');

медѐмѐг 'хвастающийся знанием' (*медѐ-* 'знать');

-*мтѐг*: *ѐмтѐг* 'боязливый' (*ѐ-* 'бояться');

шѐмтѐг 'стыдливый, застенчивый' (*шѐ-* 'стыдиться');

-*нѐ*: *дѐрѐнѐг* 'полный, наполненный' (*дѐрѐ-* 'наполняться');

сергѐлең 'бодрствующий, чуткий' (*сергѐле-* 'быть осторожным, чутким');

-*чѐг*: *турачѐг* 'тощий, истощенный' (*тура-* 'доводить до истощения');

елеңгѐ 'изношенный, поношенный' (*еле-* 'изнашиваться');

-*ѐг*: *шаршѐг* 'застывший, затвердевший' (*шарша-* 'застыть');

хѐлдѐг 'мерзлый' (*хѐлдѐ-* 'замерзнуть');

дѐжѐрѐг 'встречный' (*дѐжѐр-* 'направляться, устремляться');

хатѐг 'твердый' (*хата-* 'сохнуть, засыхать');

-*ун*: *агжун* 'густой, гущенный' (*агш*- 'становиться густым'); *төшүн* 'неподатливый, упрямый' (*төш*- 'упорствовать, упрямиться');

-*хд*: *Эмхд* 'боязливый, трусливый' (*Э*- 'бояться, страшиться'); *хетерхд* 'чрезмерный, непомерный' (*хетре*- 'превышать, превосходить').

Как показатели степени проявления качества употребляются суффиксы

-*тар*: *шагдтар* 'беловатый' (*шагдн* 'белый'); *боротор* 'сероватый' (*бор* 'серый');

-*хан*: *багахан* 'маленький' (*бага* 'малый, небольшой'); *джалухан* 'молоденький' (*джалу* 'молодой'); *шверхен* 'чистенький' (*швер* 'чистый').

Имя числительное

Имя числительное, обозначая отвлеченные числа, а также порядок предметов, последовательность их или группировку, делится на несколько разрядов. Числительные в говоре склоняются так же, как и имена существительные, выполняя те же синтаксические функции. Если склоняются составные числительные, то падежный суффикс присоединяется только к последнему из числительных.

Количественные числительные обозначают количество (в виде определенного числа предметов) или же счетное понятие (в отвлечении от конкретных предметов). Как и в других говорах, в хорчинском все другие ряды числительных образуются от основ количественных числительных.

Единицы

Десятки

ней(ен) 'один'

хогор 'два'

гурас, гурсан 'три'

дүрес, дүрсен 'четыре'

тав(ан) 'пять'

джурга(н) 'шесть'

долд(н) 'семь'

нѐм(ан) 'восемь'

јус(ен) 'девять'

арав, арван 'десять'

хдвр(н) 'двадцать'

јуш(н) 'тридцать'

дүш(н) 'сорок'

тлв(н) 'пятьдесят'

джвр(ан) 'шестьдесят'

дав(ан) 'семьдесят'

нај(ан) 'восемьдесят'

јјр(ен) 'девяносто'

джѝ(н) 'сто'

В функции определения и компонента составных числительных эти числительные восстанавливают конечный *н* (*таван хурхедтѝ* 'имеет пятерых детей', *тлвн дүрес* 'пятьдесят четыре'), исключение составляет числительное *јус(ен)* 'девять', при котором предшествующее ему числительное теряет конечный согласный *н*, например: *јушн тав* 'тридцать пять', но *јуш јус* 'тридцать девять'.

Для передачи чисел более высокого разряда употребляются числительные *мең* (*мэниан*) 'тысяча', *түм* 'десять тысяч', *бум* 'сто тысяч', *сај* 'миллион', *буңшур* 'сто миллионов'.

Количественные числительные могут принимать после себя частицы притяжаний (например, *теонѝ хогорјн мѝртѝ*, *гурванан јаван јјржѝ* 'из них дв

приехали верхом, а трое пешком пришли»; *бид джамдйн таван гѣгд хѣрлѣ* 'в пути мы пятерых потеряли').

Порядковые числительные обозначают порядок следования предметов при счете. Они образуются посредством присоединения к основе количественных числительных суффикса *-дугѣр*, например: *хогор* 'два' — *хогордугѣр* 'второй'; *тав(ан)* 'пять' — *тавдугѣр* 'пятый'; *дурв* 'четыре' — *дурвдугѣр* 'четвертый' и т.д. Числительные 'три' и 'четыре' в говоре сохраняют параллельно и более древние их письменные формы, например: *гурадугѣр* 'третий' — *гутѣр* (ср. *yutyayr*); *дурвдугѣр* 'четвертый' — *дүтѣр* (ср. *dötüger*), а также *мегдугѣр* 'первый' и *акдугѣр* (ср. *engav* 'впервые, вначале').

Собирательные числительные обозначают количество предметов как одно целое, как их совокупность. Собирательные числительные в говоре образуются от основ количественных числительных посредством суффикса *-ѣл*, например: *гурѣл* 'втроем'; *тавѣл* 'впятером'; *дурвѣл* 'вчетвером'; *јусѣл* 'вдевятиером'.

Разделительные числительные выражают количественное распределение предметов по однородным группам. Когда речь идет о равном количестве предметов, они образуются от основ количественных числительных прибавлением суффикса *-ѣд*, например: *тѣвѣд* 'по пятьдесят'; *арѣд* 'по десять'; *јрѣд* 'по девяносто'; *дурвѣд* 'по четыре' или путем повторения одного и того же количественного числительного, например: *хогор хогор харан-дѣ тугѣбжѣ* 'раздали нам по два карандаша'; *ене хѣнѣ тѣв тѣвѣр салгаджѣн* 'этих овец распределяют на группы по пятьдесят голов'. Разделительные числительные от *мег(ен)* 'один' и *хогор* 'два' образуются несколько иначе, чем остальные числительные, а именно: а) чередуются согласные и б) в *хогор* 'два' выпадает конечный согласный *р*: *мег(ен)* 'один' — *недѣд* 'по одному'; *хогор* 'два' — *хошѣд* 'по два'.

Значение приблизительности передается путем сочетания двух количественных числительных, при котором название меньшего числа предшествует названию большего, например: *манѣ нутаг мѣндѣс доло-нѣман гаджѣр холѣ бѣн* 'наше кочевье находится за семь-восемь верст отсюда'; *тер ем тав-джур-гѣн хѣхѣдтѣ* 'у той женщины пять или шесть детей'.

Значение приблизительного счета может быть передано путем сочетания количественного числительного со словами *шахѣ*, *бараг*, *хѣр*, *оршѣм* с общим значением 'около, приблизительно', например: *теднѣ адѣ далѣд шахѣ бѣн* 'их табун насчитывает около семидесяти голов'; *Батѣн мал бараг хѣрѣд бѣ-тѣмбѣ* 'У Бату должно быть около двадцати голов скота'.

Дробные числительные представляют собой частный случай количественных числительных и образуются путем сочетания двух количественных числительных. При этом первый компонент, выражающий знаменатель дроби, ставится в родительном падеже, а второй компонент, выражающий числитель дроби, — в форме основы, например: *дурвнѣ мег* — $1/4$; *арван тавнѣ гурав* — $3/15$. Дробные числительные передаются и описательно, используя в качестве знаменателя и числительное, и слово *хѣв* 'часть, доля' в родительном падеже, например: *джѣн хѣвнѣ арван тав* — 0,15 — букв. 'пятнадцать из ста ча-

стей»; *гурван хбонѣ нег* — 1/3 — букв. 'одна из трех частей'. При склонении падежный суффикс прибавляется ко второму компоненту сочетания, т.е. к числителю.

Встречаются в хорчинском говоре и так называемые счетные слова. В этом случае предметами счета служат имена существительные, указывавшие на определенную количественную совокупность предметов. Им предшествует количественное числительное. Следовательно, счетные слова состоят из двух компонентов: количественного числительного и единицы измерения разного в зависимости от классов предметов. Единицами измерения, или предметом счета, в хорчинском служат:

толог (*тогд*) 'голова' (для счета животных): *арван толог мал* 'десять голов скота'. Это слово используется также и для счета головок и пучков растений, овощей, например: *гушм толог шагдн ногд* 'тридцать кочанов капусты (букв. 'головок')'; *таван толог сбнзм* 'пять головок лука';

ул 'корень' (для растений, деревьев, овощей), например: *ене джл бид шагдн ногд джун ул авджэ* 'в этом году мы получили сто корней (кочанов) белой капусты';

јрдж 'пучок', *ббдж* (ср. СЛМЯ *воуоба* 'связка'), *бблм* 'связка' (для растений), например: *теден мезан јрдж уве хадджэ* 'они накосили тысячу вязанок травы (сена)'; *тугалдн нег ббдж усе эшр* 'принеси связку (охапку) сена для теленка';

бүзел 'целый' (для счета отрезков ткани), например: *хотдс нег бүзел ба авлэ* 'купил в городе кусок хлопчатобумажной материи';

джау 'лист' (для счета плоских предметов, например листов бумаги): *над таван джау шдс бэн* 'у меня есть пять листов бумаги';

джурэ 'пара' (для счета парных предметов), например: *нег джурэ шдс* 'пара тапок'; *джурдн джурэ савх* 'шесть пар палочек для еды'.

Местоимение

По своему лексическому значению и грамматическим признакам различные местоимения соотносятся с различными разрядами слов, поэтому местоимение не имеет каких-либо только ему свойственных грамматических категорий.

Личные местоимения. Эта категория знаменательных слов указывает на то или иное лицо только по отношению его к акту речи. В зависимости от этого различают личное местоимение 1-го лица единственного числа (т.е. говорящий), личное местоимение 1-го лица множественного числа (группа лиц, к которым относит себя говорящий), личное местоимение 2-го лица единственного числа (т.е. адресат речи) и личное местоимение 2-го лица множественного числа (группа лиц, к которым обращается с речью говорящий). В хорчинском, как и во всех говорах и диалектах Внутренней Монголии, нет специальных личных местоимений 3-го лица единственного и множественного числа. В функции местоимения 3-го лица используются указательные местоимения.

	Единственное число	Множественное число
1-е л.	<i>би, бї 'я'</i>	<i>бид(ен) 'мы'</i>
2-е л.	<i>ши, шї 'ты'</i>	<i>та̄, тад(ен) 'вы'</i>

В СПМЯ было два местоимения 1-го лица множественного числа: *bide* и *ba* 'мы'. Первая форма относится к инклюзивному множественному числу (мы — говорящие и слушающие), тогда как вторая — к эксклюзивному множественному числу (мы — говорящие, без вас слушающих). Местоимение 1-го лица *ба* 'мы' имеется в дагурском языке. В дунсянском, баоаньском и калмыцком языках оно соответственно бытует в виде *маган*, *мангэ* и *мадн*, а в бурятском, халха-монгольском и в говорах и диалектах Внутренней Монголии нет местоимения *ба* (им. пад.), но в них сохранились все формы косвенных падежей этого местоимения.

Местоимение 2-го лица множественного числа *та̄* 'вы' употребляется также и при обращении в качестве вежливой формы, ср.: *та̄ надтэ магаш јавнї?* 'завтра Вы поедете со мной?'; *та̄ хојорї јрсенї бї медсенгүэ* 'я не знал, что Вы (вдвоем) уже приехали'.

Склонение личного местоимения 1-го лица единственного числа характеризуется тем, что формы косвенных падежей образуются от основ, не совпадающих с основой именительного падежа, т.е. от супpletивных основ, например:

Им.	<i>би (бї)</i>
Род.	<i>мнї</i>
Дат.-местн.	<i>над, нэмэд</i>
Вин.	<i>надһи, намаї, нэмэвї, мэнэї</i>
Исх.	<i>надас, намаїас, нэмэвас, мэнэїас</i>
Орудн.	<i>надар, намаїар, нэмэвар, мэнэїар</i>
Совм.	<i>надтэ, намайтэ, нэмэвтэ, мэнэїтэ</i>

Как видно из парадигмы, в говоре параллельно используются две разные основы косвенных падежей: 1) начальная с дательного-местного (затем исходный, орудный, совместный) падежа, основа *над-*. Исключение составляет основа винительного падежа *надһи*, т.е. разговорная форма, построенная, по-видимому, по аналогии с основами других косвенных падежей; 2) основа *нэмэ-* (*мэнэ-*, *мама-*), типичная для разговорной речи хорчин и весьма распространенная.

В говоре местоимение *бї* и основа косвенных падежей *над-* произносятся с долгим гласным.

Личное местоимение 2-го лица единственного числа также имеет супpletивные основы косвенных падежей.

Им.	<i>ши (шї)</i>
Род.	<i>шнї</i>
Дат.-местн.	<i>шамд, шамад, шэмд, шэмэд</i>
Вин.	<i>шамā, шамāи, шэмэ, шэмэи</i>
Исх.	<i>шамас, шамāиас, шэмэс, шэмэиас</i>
Орудн.	<i>шамар, шамāи ар, шэмэр, шэмэи ар</i>
Совм.	<i>шамтэ, шаматэ, шэматэ, шэмэтэ</i>

В разговорной речи ясно выделяются три разные основы косвенных падежей: *шм-* (род. пад.), *шам-* и *шам̄-* (все остальные падежи), причем последние имеют варианты *шэм-* и *шэм̄-*.

В отличие от местоимений 1-го и 2-го лица единственного числа в местоимении 1-го лица множественного числа форма именительного падежа служит основой для образования всех косвенных падежей, например:

Им.	<i>бид(ен)</i>	—
Род.	<i>бидн̄э</i>	<i>ман̄э(мэнэ)</i>
Дат.-местн.	<i>биденд</i>	<i>манд</i>
Вин.	<i>бидн̄и(и)</i>	<i>ман̄и(и)</i>
Исх.	<i>бидн̄ес</i>	<i>ман̄ас</i>
Орудн.	<i>бидн̄ер</i>	<i>ман̄ар</i>
Совм.	<i>бидент̄э</i>	<i>мант̄э</i>

Именительный падеж от второго местоимения 1-го лица множественного числа, т.е. *ва* 'мы', в говоре не сохранился. Однако наиболее распространенными в быту и употребительными являются формы косвенных падежей именного местоимения, а не формы от местоимения *бид(ен)*.

По типу местоимения *бид(ен)* 'мы' склоняются и местоимения 2-го лица множественного числа:

Им.	<i>тад(ан),</i>	<i>т̄а</i>
Род.	<i>тадн̄э,</i>	<i>тан̄э(тэнэ)</i>
Дат.-местн.	<i>таданд,</i>	<i>танд</i>
Вин.	<i>тадн̄и(и)</i>	<i>тан̄и(и)</i>
Исх.	<i>тадн̄ас,</i>	<i>тан̄ас</i>
Орудн.	<i>тадн̄ар,</i>	<i>тан̄ар</i>
Совм.	<i>таднт̄э,</i>	<i>тант̄э</i>

В говоре зафиксировано и *тадн̄уд* 'вы', образованное посредством присоединения к местоимению *тад(ан)* суффикса множественного числа.

Указательные местоимения делятся на две группы. К первой относятся местоимения *эне* 'этот', *ед(ен)* 'эти', указывающие на близость, а *тер* 'тот', *тед(ен)* 'те' — на отдаленность от говорящего. Ко второй относятся местоимения *ім* 'этакий', *т̄ім* 'такой', указывающие на качественную характеристику предмета. Типичную черту хорчинского и других говоров восточного диалекта составляет то, что к этим местоимениям может присоединиться наращение — инициальный *м* или слог *ме* в зависимости от того, какую огласовку имеет местоимение, например: *ене, мене; тер, метер; еден, меден; теден, метеден.*

При склонении местоимения *эне* обнаруживаются некоторые отклонения от норм СПМЯ. В говоре это местоимение последовательно образует основу косвенных падежей от *энен-* (ср. дагурскую и бурятскую основы косвенных падежей *ээн-*), тогда как в СПМЯ сохранилась основа от более древнего корня *е-дүн-*.

Им.	<i>ене</i>
Род.	<i>енинĕ</i>
Дат.-местн.	<i>енинд</i>
Вин.	<i>ени(г), енинĕ(г)</i>
Исх.	<i>енинĕс</i>
Орудн.	<i>ениĕр, ениĕр</i>
Совм.	<i>енинтĕ</i>

При склонении местоимения *тер* 'тот' падежные суффиксы присоединяются к основе *терен*:

Им.	<i>тер</i>
Род.	<i>тернĕ</i>
Дат.-местн.	<i>теренд</i>
Вин.	<i>терĕ, тернĕ</i>
Исх.	<i>тернĕс</i>
Орудн.	<i>терĕр, тернĕр</i>
Совм.	<i>терентĕ</i>

Следует отметить, что основа косвенных падежей *терен* известна также в дагурском и бурятском языках, например: исх. пад. — даг. *тэрэс, тэрэр*, бур. *тэрэнэ (тэрэнэ)*, хорч. *тернĕс*.

Хорчинский говор отличается тем, что в нем нет основы косвенных падежей на *-үн*, соответствующей в СПМЯ основе на *e-gün*, как, например, в калмыцком: *тер, түүнд (терүнд), түүг (терүг), түүнэс (терүнэс)*.

Местоимения *ед(ен)* 'эти' и *тед(ен)* 'те' склоняются по общим нормам, при этом основой их изменения является форма именительного падежа, т.е. им. пад. *ед(ен), тед(ен)* — род. пад. *еднĕ, теднĕ*, вин. над. *еднĕ(г), теднĕ(г)*, исх. пад. *еднĕс, теднĕс* и т.д. В разговорной речи нередки случаи, когда множественное число указательных местоимений образуется путем присоединения к формам именительного падежа единственного и множественного числа дополнительно суффикса множественности, например: *тер* 'тот' *терĕд* 'те'; *ед(ен)* — *еднрд* 'эти'.

Возвратные местоимения. В говоре местоимение *эрĕн* в значении 'сам' зафиксировано лишь в единственном числе. Конкретный носитель действия уточняется употреблением соответствующего личного местоимения: *шĕ эрĕн маган сургалд ошд ир* 'ты сам завтра сходи в школу'; *та тернĕ эрĕсĕн бĕ салд* 'вы его от самого себя не отпускайте'.

Местоимение *эрĕн* склоняется не по всем падежам. Употребительны формы *эрĕн, эрĕнтĕн* (род. пад.), *эрĕсĕн* (исх. пад.), но не зафиксированы формы орудного и совместного падежей. Специфику возвратного местоимения составляет то, что оно не употребляется без частицы возвратного притяжания, ибо исторически это местоимение представляет собой форму винительного падежа + притяжание и лишь в этом виде воспринимается ныне как форма именительного падежа. В хорчинском говоре оно чаще произносится и как *үрĕн*, 'сам' и имеет свою парадигму склонения: *үрĕнтĕн, үрĕсĕн* и др.

Вопросительные местоимения: *хен* 'кто'; *йĕн* 'что'; *хед* 'кто (такие)'; *эл* 'какой, который'; *жамар* 'какой'; *хедĕ* 'сколько'.

Местоимения *тен* 'кто', *хед* 'кто такие' употребляются, когда речь идет о человеке, о людях. В остальных случаях (т.е. когда вопрос относится к различным предметам, явлениям, а также и другим живым существам) употребляется местоимение *й(н)*. Вопросительные местоимения *тен* и *й(н)* также изменяются по падежам, лишь вопросительное местоимение *тен* имеет форму множественного числа *хед* 'кто такие'. Когда речь идет о значении раздельной множественности (люди, названия предметов и т.д.), то используется репликация этих местоимений, например: *тер герт тен хен бэн?* 'кто такие находятся в том доме?'; *азинт йу йу эштрсемт?* 'что привез твой брат?'

Местоимение *эл* 'какой, который из них' употребляется, когда задается вопрос об одном из нескольких однородных предметов, например: *ш1 эл элар ошд йрвэ?* 'ты в какой аил ездил (и вернулся)?'. Оно часто принимает частицу возвратного притяжания 3-го лица *н*: *тернэс эл элн шнл бэн?* 'какие же из тех (вещей) являются твоими (принадлежат тебе)?'.

Местоимение *ямар* 'какой', выполняя чаще всего функцию определения, указывает на признак, качество предмета, например: *манэ энд ямар бадэ тердах йм?* 'какие злаки (хлебные) у вас (тут) сеют?'; *мед ямар бтрэр блдг дел блэ?* 'какими же ручками они писали?'; *ш1 ямар нертэ?* 'как тебя зовут'. На этот вопрос хорчины отвечают: 1) *ммт кер Бадма* 'мое имя — Бадма'; 2) *немэт Бадма гедж дунэ* 'меня зовут Бадма'.

Местоимение *хедт* 'сколько' обычно указывает на количество предметов о которых идет речь в предложении: *тэ гурвудэ хедт джэс бэн?* 'сколько у вас троих имеется денег?'; *манэ энд хедт мал бэн?* 'сколько у вас скота?'. Это же слово используется и тогда, когда необходимо узнать о возрасте человека. Хорчины на вопрос *тэ хедт настэ?* 'сколько вам лет?' отвечают двоко: 1) *б1 далан настэ* 'мне семьдесят лет'; 2) *б1 дал* 'мне семьдесят'.

Склонение местоимений *тен* 'кто' и *й(н)* 'что':

Им.	<i>тен</i>	<i>й(н)</i>
Род.	<i>тенэ</i>	<i>йүнэ</i>
Дат.-местн.	<i>тенд</i>	<i>йүнд</i>
Вин.	<i>тент</i>	<i>йүнт</i>
Исх.	<i>тенэс</i>	<i>йүнэс</i>
Орудн.	<i>тенэр</i>	<i>йүнэр</i>
Совм.	<i>тентэ</i>	<i>йүнтэ</i>

Неопределенные местоимения образуются от основ вопросительных местоимений в сочетании с усилительной частицей *ш*, например: *эл ш үланд мйм үстэ* 'на любой (какая бы ни была) горе такая (обильная) трава', а в отрицательных предложениях при местоимениях *тен* и *й(н)* соответственно обозначает 'никто' и 'ничто', например: *ене удер манэ энд тен ш йрсенгүэ* 'сегодня к нам никто не приходил'; *тершн йүш сэн метхүэ* 'он ничего как слышит не знает'. Значение неопределенности передается и использованием частицы *бэ*: *эл бэ явдмт тер гаштаран толог меддэ болнт?* 'разве он один может решить любое дело?'; *ямар бэ ушрт* 'какую-либо причину'. Частица *бэ* употребляется реже, чем *н*; она ограничена, так же как и в других говорах,

тем, что ставится лишь после местоимений *Эл* и *јамар*, при этом отдельно от определяемого слова.

Как неопределенное местоимение употребляется и слово *нег(ен)* 'некий, какой-то' в сочетании с вопросительным местоимением *тен* 'кто' (*тен нег(ен)* 'некий, кто-нибудь, кто-то'), известное во всех монгольских языках.

Обобщительно-определятельные местоимения:

1) *бүгед* 'все, весь, каждый', *хү* 'все', обозначающие совокупность лиц или предметов, например: *тед бүгед гертэн сүсан бэджэ* 'они все (оказываются) живут дома'; *тершүн бүгед хоршонэ улсуд меднэ* 'об этом (деле) знают все люди в кооперативе'; *тā нар энд хү сiхан бiнi?* 'хорошо ли вы все здесь живете?';

2) *бүр*, *бүрi* 'каждый' ставится постпозитивно и указывает на то, что речь идет о предмете, взятом из ряда однородных ему, например: *шi нāшāн үдөр бүрi jр* 'ты приходи сюда каждый день'; *манэ энд хүн бүр үсег тэнхүэ* 'у нас не каждый человек знает грамоту';

3) *бус*, *бусад* 'иной, другой' употребляется препозитивно, например: *бусад хүнэ jм бү ав* 'не бери вещи чужого человека'; *бусдm үгэнд бү орбд бэ* 'не поддавайся чужим словам'.

В значении этого разряда местоимений употребляются и другие слова, например: *хамаг* 'весь, целиком' [*хамаг тернэс гарсан ушр jм* 'все пошло от него (причина всему — он)']; *ондm* 'другой, иной' (*нāд эннэс ондm малiэ үзүэ* 'у меня другой шапки нет, кроме этой'); *джэрлm* 'некоторый' (*теденшm джэрлmн хүнэ хеллi сохсод бiн* 'некоторые из них прислушиваются к тому, что говорят'); *астам* 'иной, другой' (в хорчинском говоре это слово в самостоятельном использовании означает 'отдельный, особый'; *астам хүнэ jм аадж болохүэ* 'нельзя брать вещь другого человека').

Глагол

Глагол в хорчинском говоре обладает грамматическими категориями лица и числа (в повелительно-желательных формах), залога, наклонения и времени. Синтетических форм образования видов зарегистрировано не было.

Залог. В глаголе различаются пять залогов: действительный, побудительный, страдательный, взаимный и совместный.

Действительный залог характеризуется нулевым показателем. По отношению действия к объекту глаголы действительного залога делятся на переходные и непереходные, основы которых по своей морфологической структуре ничем не отличаются друг от друга, например: *асү-* 'спрашивать', *нāдa-* 'играть', *ажогсо-* 'стоять', *уна-* 'падать'.

Принадлежность к переходным или непереходным глаголам определяется семантикой — наличием или отсутствием направленности действия на объект. Переходные глаголы обозначают действие, которое направлено на объект, выраженный винительным падежом имени и имеющий функцию прямого дополнения.

При глаголах действительного залога субъект действия совпадает с подлежащим, а дополнение (если оно не отсутствует в предложении) — с объектом

действия, например: *нар гарджэ* 'солнце взошло'; *Дордж тега халхар жаво* 'Дорджи ушел убирать хлеб'.

От основы действительного залога образуются формы всех остальных залогов.

Побудительный залог образуется от основ действительного залога прибавлением следующих суффиксов:

1) *-ā*, например: *хата*- 'высушить' (*хата*- 'сохнуть'); *ношо*- 'зажигать' (*ношо*- 'гореть'); *халдэ*- 'отмораживать' (*халдэ*- 'замерзать'); *дестэ*- 'протыкать' (*дестэ*- 'пропитываться');

2) *-га (-гā)*: *гара*- (*гаргā*-) 'выносить, выставлять', 'исключать', 'устраивать' (*гара*- 'выходить'); *хүге*- (*хүггэ*-) 'доставлять' (*хүг*- 'доходить, добираться');

3) *-ла (-лā)*: *бүла*- (*бүлā*-) 'опускать, спускать' (*бү*- 'опускаться'); *хиле*- (*хилгэ*-) 'заставить делать' (*хл*- 'делать');

4) *-үл*: *орүл*- 'вести' (*ор*- 'входить'); *ошүл*- 'отправить' (*ошл*- 'пойти, отправляться'); *медүл*- 'сообщить, дать знать' (*меде*- 'знать').

В приведенных примерах заметна одна особенность говора: конечный гласный суффикса часто произносится как гласный долгий. Глаголы побудительного залога, образованные от непереходных глаголов, становятся по своему значению переходными.

В отличие от подлежащего в предложении с глаголом в действительном залоге подлежащее при глаголах в побудительном залоге обозначает лицо, которое побуждает к совершению действия, но которое само не участвует в совершении этого действия. Объект же, которого побуждают к совершению действия, представляет собой и реального исполнителя этого действия.

Реальный исполнитель действия представляет собой дополнение, которое обозначено именем в одном из трех падежей — винительном, дательно-местном или орудном, например: *мөрөн адү дахүлэд жавүллā* 'отправили своего коня [пастись] с табуном' (вин. пад.); *тā джхдлāн Хасар хүргүл* 'вы отправьте свое письмо с Хасом' (орудн. пад.); *хүнд гэхүлэд жүв?* 'что за дело удивля человека?' (дат.-местн. пад.).

Но упоминание в побудительной конструкции двух лиц (т.е. побуждающее лица, которое является в предложении подлежащим и передается именем в именительном падеже, и реального исполнителя действия, которое оформляется как дополнение и передается именем в указанных выше падежах) не обязательно в хорчинском. Также не удастся строго определить, в каких случаях употребляется второй компонент побудительной конструкции в том или ином конкретном падеже. В говоре чаще других встречается орудный падеж, но многое зависит от лексического содержания соответствующих глаголов, от какой основы (переходного или непереходного по значению глагола) образована залоговая форма.

Страдательный залог образуется от основ глаголов действительного залога присоединением суффиксов:

1) *-ида*, например: *дарагда*- 'быть придавленным' (*дара*- 'давить, придавливать'); *бэригда*- 'быть схваченным' (*бэри*- 'схватить'); *идегде*- 'быть съеденным' (*иде*- 'есть');

2) *-одо*, например: *олдо*- 'быть найденным' (*ол*- 'найти');

3) *-та*, например: *аста* - 'быть взятым' (*ав* - 'взять'). Глаголы с суффиксами *-оу*, *-та* встречаются редко не только в хорчинском, но и во всех других говорах.

Глаголы страдательного залога могут указывать на действие, направленное на предмет (объект действия) со стороны, при этом само подлежащее, реальный исполнитель действия, может быть и невыраженным, например: *джгдал бши дле* 'письмо написано'. Однако подобное употребление глаголов страдательного залога нетипично для говора. Наиболее характерной является такая конструкция с глаголом страдательного залога, в которой названы два предмета, один из которых употреблен как подлежащее, выраженное именем в именительном падеже, а другой — как дополнение, выраженное именем в дательном-местном. Из них активным, реально действующим является тот, который передан именем в дательном-местном падеже, а другой (в именительном падеже) испытывает на себе это действие, например: *шб; шонод идегеджэ* 'овца съедена волком'; *мёр алао бхридао* 'конь пойман старшим братом'.

Вместе с тем образование и употребление форм страдательного залога показывает, что они в своем использовании в речи ограничены определенными рамками: 1) от основы некоторых глаголов не образуется страдательный залог, потому что их семантика не допускает подобного образования; 2) чаще всего они употребляются, когда речь идет о действиях активных предметов (лица, живые существа); 3) наоборот, они используются реже, если речь идет о действиях неодушевленных предметов (вещи, различного рода явления природы), например: *гаджр шасачд дарагдла* 'земля покрыта снегом'.

В конструкциях со страдательным залогом реальный исполнитель действия передается дополнением в дательном-местном падеже.

Взаимный залог образуется от основы глагола присоединением суффикса *-лаа*: *бхрида* - 'бороться' (*бхри* - 'хватать'); *шохолдо* - 'бить друг друга' (*шохо* - 'бить'); *мёртодо* - 'бодаться' (*мёрто* - 'бодать'); *тулхелде* - 'толкаться' (*тулхе* - 'толкать').

Взаимный залог обозначает взаимонаправленное действие, совершаемое двумя или несколькими субъектами по отношению друг к другу. При этом каждый из субъектов взаимного действия одновременно выступает и как объект действия другого субъекта действия, например: *метер бух үгетэ ебрён хуартайн мёртодожэ* 'тот бык и корова бодались так, что рога друг другу переломали'; *гадй хорор хухед нег јим баталобдлайн* 'на улице двое ребят что-то отнимают друг у друга'.

Своеобразие глаголов во взаимном залоге состоит в том, что они образуются от сравнительно узкого круга глаголов (в основном переходных), по своему лексическому значению допускающих подобное образование. Когда в качестве основы выступает глагол непереходный, то чаще всего имеется в виду действие, совершаемое многими лицами, ср., например: *гулде* - 'бежать'; *мёлоде* - 'смеяться'; а с другой стороны, *херелде* - 'браниться, ссориться'.

Совместный залог образуется суффиксом *-лаа*: *суралла* - 'учиться с кем' (*сур* - 'учиться'); *оралла* - 'участвовать' (*ора* - 'войти'); *хелелле* - 'пересказать' (*хеле* - 'говорить').

Глагол в совместном залоге указывает на то, что в осуществлении действия участвуют два или несколько лиц-субъектов, например: *тер нётэ су-*

рашадж бѣнā *он учится вместе со мной*. Здесь значение совместности но видеть в равном участии двух лиц в совершении общего действия.

Как и в остальных диалектах и говорах, в хорчинском известны удвоенные формы залогов.

Зафиксированы следующие удвоенные формы: -ӯл + -ӯл: тер моџон Гер јавӯллу *те деньги отправь с Герелом*; -лѣ + -лѣ: ші тернѣр гертѣн хурѣ іѣ (хурѣӯл) *ты попроси его проводить тебя до твоего дома*; -іда + -ӯл: з ноходно джӯлдӯлла *мальчик был укушен собакой*.

Повелительно-желательные формы. По сравнению с СПМЯ в хорчинском говоре употребляется гораздо меньше повелительно-желательных форм. Они указывают или на требование (приказ), побуждение (просьбу) осуществить кем-либо лицом (лицами) то или иное действие, или на намерение, желание говорящего совершить соответствующее действие.

Повелительно-желательные формы изменяются по лицам и числам. Две, выражаемое ими, мыслится как еще не начавшееся, т.е. соотносится с временем, которое должно следовать за моментом речи.

Повелительная форма 2-го лица единственного числа. В нулевая форма, равная основе глагола, которая употребляется в случаях, когда приказание отдается в категорической, настойчивой форме: деңг ас *зажги лампу*; ші теңд ошдд ір *ты пойдь туда и тотчас же возвращайся*; тā хурдан малāн тосџр гар *вы быстрее выходите встречать своих животных*.

Приказание может быть отдано и не с такой категоричностью, например: ші ајартāн менд ір *немного погоды приходи к нам*; тер ноходг шā хѣ *отгни прочь ту собаку*.

В хорчинском говоре наблюдается тенденция к ослаблению категоричности повеления. В этом случае приметой служит долгий -ā, который присоединяется к основе глагола 2-го лица единственного числа и смягчает повеление, обращая его чаще в просьбу, пожелание: теңд сүдж бѣт хурк дүдā *пови-ка человека, сидящего там*; мнѣ оронд јавд ірѣ *сходи-ка вместо меня*.

Повелительно-просительная форма 2-го лица единственного числа образуется посредством присоединения суффикса -ās (-аш). В значении этой формы доминирует оттенок настоятельной просьбы совершить или иное действие, например: ші гертѣн хурѣс *пойди же к себе домой*; м теңдѣс хурдан ірѣс *приходи же побыстрее оттуда*; нād мбрѣн аџш дб *иди же мне своего коня*.

Повелительно-пригласительная форма 1-го лица единственного и множественного числа образуется при помощи суффикса -л̄ или -јā, например: тōлл (тōлојб) *посчитаемте*; сүј(сүјā) *посидимте*.

Данная форма обозначает желание, намерение совершить действие или же призыв, приглашение со стороны говорящего к одному или нескольким лицам совершить действие. В этом случае подразумевается, что в осуществлении действия собирается принять участие и сам говорящий, например: бд сōнн омшјб *почитаемте газету*; одд гертѣн хрјā *теперь поседимте домой*; бГ ене харандāтār бшјā *напишу-ка этим карандашом*; бГ енѣн хта тѣрāгāн хад *я сделаю это, а вы убирайте хлеб*; бГ хорōн үдї селѣ, ш

малын орул 'я раскрою ворота сарая, ты вступи скот'; бид адалхяр жавдй 'мы пойдем работать'.

Повелительно-желательная форма 3-го лица единственного и множественного числа употребляется, когда приказание, просьба или пожелание совершить действие передается третьему лицу или лицам через собеседника. Эта форма образуется суффиксом -и, присоединяемым к основе глагола, например: *йрег* 'пусть придет (придут)'; *сүй* 'пусть съедет (съедут)'; *хелег* 'пусть скажет (скажут)'.

Она может передавать такие оттенки значения: а) приказание или пожелание более энергичное, настойчивое, например: *тер гертэн сүй* 'пусть он сидит дома'; *теден ене үдер үнэ усаг* 'пусть они сегодня поят коров'; *теден нэ-шан бүү йрег* 'пусть они сюда не приходят'; б) менее настойчивое, с оттенком согласия, одобрения, например: *тер унтвал унтаг* 'если спит, пусть спит'; *тед мори бэрбал берг* 'если они поймают коня, пусть поймают'. В этом случае повелительно-желательной форме часто предшествует условная форма глагола на -вал (-вал).

Весьма редко встречается в говоре форма на -тугэ, в основном в призывах: *еб хамт нам мандтугэ* 'да здравствует коммунистическая партия!'; или в пожеланиях: *сэн хүү болтугэ* 'пусть вырастет хорошим мальчиком'.

Нам встретилось несколько предложений, где глаголу бэ- 'быть' в форме с -тугэ предшествует причастие будущего времени в винительном падеже и все сочетание имеет значение 'не только, но и ...', например: *хелег бэтугэ шохон* 'не только ругает, но и бьет'; *тершин бишг бэтугэ сэн омшидж шадна* 'он не только пишет, но и хорошо может читать'.

Такие формы СІМЯ, как: 1) *γтun, -gtün* (для глаголов 2-го лица множественного числа), 2) *-суγал, -sügel* (форма пожелания 1-го лица единственного числа), 3) *-всai, -vesel* (форма пожелания всех трех лиц), 4) *-γүγал, -güγel* (форма опасения) и 5) *-γарал, -gerel* (форма повелительно-наставительная), а также и соответствующие им формы, известные в халхском диалекте монголов МНР, в хорчинском говоре не встречаются.

Все повелительно-желательные формы представляют собой финитные формы, функционирующие в качестве сказуемого законченного предложения. Часто после такой формы следует частица дэ, которая ставится отдельно от глагола, например: *та энд сүү дэ* 'вы садитесь сюда'; *тер хэраг дэ* 'пусть он идет домой'; *ене хоршодно ошог дэ* 'пусть она сходит в кооператив'. Данная частица весьма употребительна с глаголами 2-го и 3-го лица, иногда она используется в несколько иной функции — смягчения приказа.

Повелительно-желательная форма выражает также требование или желание не осуществлять то или другое действие. Для этого вместо общей запретительная частица бүү 'не', которая ставится перед глагольной формой, например: *бүү гар* 'не уходи'; *бүү үр хүрб* 'не сердись'; *бүү ошог* 'пусть не ходит'; *бүү мартаг* 'пусть не забывает'.

Изъявительные формы. В них значения времени и наклонения передаются средствами одного порядка, они наиболее последовательно выражают три временных аспекта глагола.

Форма настояще-будущего времени образуется суффиксом *-н* и передает значение как настоящего, так и будущего времени, т.е. настоящее и будущее время не различаются отдельной формой глагола.

Форма настояще-будущего времени обозначает действие, которое может происходить в момент речи, так и следовать за моментом речи. В зависимости от контекста, обстановки высказывания возможно определить границы настоящего, и будущего времени. Так, форма на *-нā* может выражать действие, совершающееся в настоящее время, когда:

а) конкретное настоящее время ограничено моментом речи, например: *манē энд хуршн улс эрэн, еншн үнелэр сэхан хур дарнā шү* 'в наших местах много исполнителей на хуре, а он действительно прекрасно играет на хуре'. Эту фразу мы услышали и зафиксировали у хорчин хошуна левого крыла, когда перед собравшимися демонстрировал свое мастерство известный во всем Джеримском аймаке исполнитель на народном инструменте и т.д.

б) расширенное настоящее время ограничено действием обычным, свойственным тому или иному лицу или предмету, но которое не совпадает с моментом речи, например: *бид ерт босвол үнелэн сәнā, сүйэн ёдүлдө үрмэн ан* 'встав рано, мы доим коров; когда скиснет молоко, собираем с него пенки

Расширенное настоящее время может указывать и на действие постоянное. В этом значении характерно его употребление в фольклоре, например, в поговорках и пословицах: *үр бйе джовон, үл мөр джовон, утā нүд джовон* 'гнев мучает тело, горы — коня, дым — глаза'; *мү самā бйе орбн, сэн самā тал төрөн* 'дурные помыслы себе во вред (букв. тело опутывают), добрые собирают в круг друзей'.

В разграничении значений настоящего и будущего времени особая роль принадлежит контексту, лексическому значению глаголов, например: *би Хи хотод ирэд, удан болшилло шү, шамдү гертэн хэрнā дā, хүмнү мекэйт хлэд сүх илмā* 'я давно в Хухэ-Хото. Поеду скорее домой. Мой сынок наверняка ждет не дождется меня'.

Употребление в предложении слов с временным значением может также свидетельствовать о том, что действие, выраженное данной формой глагола относится к будущему, например: *бид магатар хинбн хорбнд ошно* 'завтра мы пойдем в кинотеатр'; *би мүнē орб гертэн јавнā* 'я сегодня вечером поеду домой'.

В хорчинском говоре весьма распространена форма на *-джэнā*, которая состоит из суффикса соединительного деепричастия *-дж* и основы глагола 'быть, находиться' в форме настоящего времени. При присоединении к форме на *-дж* глагол бытия *бē-* теряет начальный согласный.

Форма на *-джэнā* отличается тем, что она указывает и на способ протекания действия, иначе на действие длительное, незавершенное, например: *еншн өрн атан телджен* 'она рассказывает о своем брате'; *Бадма ус аад ирэд товшос үлджэнā* 'Бадма принесла воды и стирает белье'; *шннү месүедж телсенд тер илх бајалджен* 'она очень радуется тому, что ты так сказал'. Примечательно то, что в речи монголов — носителей восточного диалекта сочетание соединительного деепричастия с глаголом *бэнā* употребляется

ся только в сравненной форме, из аналитической формы оно превращается в синтетическую.

Формы прошедшего времени обозначают действие, предшествующее моменту речи. Они выражают завершенность, результативность действия. Сложным представляется определение критериев, позволяющих строго разграничить значение и употребление в говоре каждой из трех форм прошедшего времени.

1) Форма на *-в* (*-аā, -ба*) по сравнению с остальными формами менее употребительна. Она может использоваться в нескольких значениях: выразить действие недавнопрошедшее, закончившееся к моменту речи, или действие давнопрошедшее, завершившееся в прошлом. В разговорной речи эта форма чаще встречается при вопросе, например: *ногд тушлā, ју болов дō?* 'залаяла собака, что могло случиться?'; *шї тгрā хадвū?* 'ты хлеб убирал?'; *тер тгрдж јирō?* 'вернулся ли он (домой)?'; *ахшн мал тгрūловū?* 'брат твой скот пас?'

2. Форма на *-лā* в говоре встречается чаще, чем форма на *-в*, и употребляется для выражения действия недавнопрошедшего времени, действия, совершившегося в прошлом с длительным оттенком, или же действия давнопрошедшего времени. Эта форма глагола может употребляться и в значении другого времени, когда действие еще не осуществилось, но говорящий мыслит его результативным, например: *тā сū дā, одд бї гертен тгрлā* 'вы оставайтесь, я сейчас найду домой (букв. пошел)'

3. Форма на *-джē (-дж)* является наиболее распространенной из всех трех форм прошедшего времени. Она обозначает любое действие прошлого без подчеркнуто выражаемых оттенков непредвиденности действия.

Модальный оттенок неожиданности, с выражением которого связывают в монголистике данную форму, замечен в повествованиях (сказках, легендах и т.д.), где события и действия героев представляются загадочными, неожиданными, например: *хогшн өмтөн үджн гезлē нег тулкнē үр биджē* 'когда старуха разглядела — это было семя волшебной тыквы горлянки'

Характерно в говоре соотношение употребительности трех форм. В наших записях в речи информанта, принадлежащего к старшему поколению хорчин, доминирует форма на *-джē*, тогда как в речи информанта, принадлежащего к среднему поколению, чаще встречается форма на *-лā* или же аналитическая конструкция с деепричастием и глаголом *гe-* 'говорить, сказать' в одной из изъявительных форм.

В своем выборе информанты могли отдать предпочтение той или другой форме глагола, однако заметна неопределенность их употребления, обусловленная известной близостью значений этих форм. Следует подчеркнуть, что лишь дополнительное изучение с привлечением широкого контекста даст возможность выяснить значение временных глагольных форм не только в хорчинском говоре, но и во всех говорах и диалектах языка монголов Внутренней Монголии.

В хорчинском, как и во всех говорах и диалектах языка монголов Внутренней Монголии, нет «спряжения» по лицам предикативно употребляемых слов, т.е. в нем отсутствуют специальные лично-предикативные частицы 1-го и 2-го лица единственного и множественного числа, которые характерны, например, для бурятского, дагурского и калмыцкого языков. В хорчинском лю-

бая из изъявительных форм может относиться к любому из трех лиц обоих сед и указывать на время совершения того или другого действия.

Словообразование. Ниже приводится перечень зафиксированных в гов. словообразовательных суффиксов:

-*да*: *тешүрда* - 'бить плетью, кнутом' (*тешүр* 'плеть, кнут'); *галда* - 'сграть' (*гал* 'огонь'); *ховордо* - 'становиться редким' (*ховор* 'редкий, скудный');

-*джи*: *бајаджи* - 'разбогатеть' (*бајан* 'богатый'); *малджи* - 'обзаводить скотом' (*мал* 'скот'); *амарджи* - 'успокаиваться' (*амар* 'спокойный');

-*джир*: *сәдджир* - 'улучшаться, повышаться в качестве' (*сән* 'хороший'); *мүдджир* - 'ухудшаться' (*мү* 'плохой');

-*ла*: *хаджәрла* - 'надевать узду' (*хаджәр* 'узда'); *трле* - 'точить, править' (*тр* 'лезвие, острие'); *зорло* - 'травить ядом' (*зор* 'яд');

-*ра*: *јадүра* - 'беднеть, нищать' (*јадү* 'бедный, неимущий'); *хөгштре* - 'ст' (*хөгшн* 'старый');

-*рха*: *атәрха* - 'завидовать' (*атә(н)* 'зависть'); *еджтрхе* - 'господствовать, властвовать' (*еджн* 'хозяин');

-*ша*: *бурүшиә* - 'осуждать, порицать' (*бурү* 'ошибка, вина'); *джөшө* - 'одобрять, соглашаться' (*джөв* 'правота'); *сәшшә* - 'одобрять, хвалить' (*сән* 'добро, благо');

-*ши*: *нутагшн* - 'осваиваться, привыкать к новому местожительству' (*нү* 'родное место, кочевье'); *алдаршн* - 'прославляться' (*алдар* 'слава'); *уришн* - 'вдохновляться' (*урам* 'подъем настроения, вдохновение');

-*шил*: *үршил* - 'усыновлять, удочерять' (*үр* 'дитя, ребенок'); *дүшил* - 'быть почтительным к старшим' (*дү* 'младший'); *хүшил* - 'усыновить' (*хү* 'сын, младший');

Причастие

В соответствии с временной соотносительностью причастия подразделяются на несколько форм: причастие на *-ā* (настоящего времени), причастие на *-а* (будущего времени), причастие на *-сан* (прошедшего времени), а также причастие на *-ша* (однократное) и на *-даг* (многократное).

Причастие на *-ā* выражает действие настоящего времени и видовой оттенок продолжительности действия, например: *агшн хөстө бән* 'твой брат продолжает лежать'; *одбш үлā дө бән?* 'до сих пор он ест и пьет?'. В разговорной речи хорчин причастие на *-ā* встречается сравнительно редко.

Причастие на *-x* выражает действие, которое должно совершиться в будущем. В предикативном употреблении оно обычно сопровождается как вспомогательным глаголом, так и связкой, например: *би ене шн маңолн сурах аскā* 'мне бы научиться писать на этом новом монгольском письме'.

Причастие будущего времени с глаголом *бол* - 'становиться', а также с словами *јостн* и *уштрн* обладает модальным оттенком долженствования, например: *теңдө хүрген јастәр јаваз болджә* 'таким образом, жених должен идти пешком'; *мнн хү үдеш јлрех јостн* 'мой сын должен вернуться вечером'; *би енн багшдө сурах (асүх) уштрн* 'об этом я должен спросить у учителя'.

Чаще всего причастие на *-x* употребляется в функции определения. В этом случае причастие указывает на действие, которое должно совершиться в будущем, или на назначение какого-нибудь предмета, например: *маһи йәт олдж кӱл улс* 'люди, которые должны кочевать в поисках лучших пастбищных угодий'; *ене минӱ хонот тер* 'это дом, в котором я заночую'; *указ мӱр* 'верховая лошадь'; *омшиз ном* 'книга для чтения'.

Причастие на *-сан* выражает действие, предшествующее моменту речи. В хорчинском говоре причастие прошедшего времени в роли сказуемого употребляется в основном со связками, например: *менӱт ошхот тер жердӱндӱн јасши сан бӱджӱ* 'когда я пришел, он, оказывается, уже ушел в поле'; *хотод э раин малшид јрсен билӱ* 'в город прибыло много скотоводов'; *тер јж ертӱс дамӱ усаи јм* 'он рано стал курить табак'.

Часты случаи употребления причастий на *-сан* в качестве определения: *шиӱ сӱксӱн геджӱсан хүн мӱм дӱр* 'таков человек, о котором ты говорил, что он прекрасен?'; *емел тохсон мӱр джохсодж бӱн* 'стоит оседланная лошадь'; *тернӱ телсен үгенд лӱдӱд херег бӱнӱ?* 'есть ли смысла надеяться на сказанное им?'; *манӱ енд јрсен хү јӱн хүтӱ?* 'что за мальчик, который пришел к вам?'.

Причастие на *-ша* встречается в говорах редко. В них заметна тенденция превращения его в имя деятеля. Примеры, записанные нами у хорчин, только с этим значением: *тернӱ сургаша бӱн* 'он учащийся'; *минӱ хү ене джл сургаӱн дже хираша болӱ* 'мой сын в этом году стал директором школы'; *тер — манӱ удртадаша* 'он наш руководитель'.

Причастие многократное на *-даг* в роли сказуемого встречается редко. В материалах, записанных нами у хорчин, имеются примеры на *-даг* без связки, например: *жерӱн хадӱрӱр хаддаг (хаддӱд)* 'жнут хлеб серпом'; *манӱ Ёл мал малждӱдаг* 'наши односельчане занимаются скотоводством'. Если форма на *-даг* употребляется со связкой *билӱ*, то доминирует оттенок многократности действия, а время уточняется следующим за ним глаголом-связкой, например: *тернӱ дӱ манӱд јрӱд шӱ удаг билӱ* 'его младший брат бывал у нас и пил чай'; *ӱтӱмнӱ аджӱн хӱн хүрӱд јрдег билӱ* 'моя дочь после работы прибегала ко мне'.

Наиболее характерным для говора является употребление причастия на *-даг* в качестве определения: *халдег үг* 'слова, которые обычно произносят'; *удаг дамӱ* 'табак, который обычно курят', 'курительный табак'; *емсдег ховчис* 'одежда, которую обычно носят', 'носильные вещи'. Использование его в других функциях является более ограниченным.

В хорчинском говоре зафиксирована и форма на *-мӱр*, которую мы условно относим к причастиям. Форма на *-мӱр* обозначает процессное свойство предмета, которое должно проявляться в той или иной допустимой или необходимой степени, и обычно употребляется в определительной функции, например: *манӱд үджмӱр јм үгүг* 'у нас нет вещей, которыми можно любоваться'; *ене шӱн үдж болмӱр шӱ* 'это чай, который можно пить'; *енешӱн герӱн санмӱр үдер* 'этот день таков, что заскучаешь по дому'.

Деепричастие

Деепричастия не передают время непосредственно по отношению к моменту высказывания, они выражают его лишь по отношению ко времени действия, которое передается основным глаголом-сказуемым. Деепричастия значат действия зависимые, сопутствующие, воспринимаемые как одновременные или предшествующие, или последующие (предстоящие). Вследствие этого деепричастия не могут выступать в функции финитного глагольного сказуемого.

В соответствии с различающими их суффиксами и некоторыми относительными временными и модальными признаками по отношению к заключительному глагольному сказуемому деепричастия в хорчинском говоре можно классифицировать на следующие разряды: деепричастие на *-дж* (соединительное), деепричастие на *-н* (слитное), деепричастие на *-ад* (разделительное), деепричастие на *-сар* (продолжительное), деепричастие на *-маш* и *-нәрән* (предварительное), деепричастие на *-лā* (последовательное), деепричастие *-маш* и *-нәрән* (предварительное), деепричастие на *-лā* (последовательное), деепричастие на *-вал* (условное), деепричастие на *-ваш* и *лāш* (уступительное), деепричастие на *-тәр* и *хүс* (цели), деепричастие на *-тал* (предела). По традиции они делятся на сопутствующие (соединительное, слитное и разделительное) и на обстоятельственные (все остальные).

Деепричастие на *-дж* обозначает действие, протекающее одновременно с главным действием, выраженным глаголом-сказуемым, например: *хүхед нег негән түлхелдедж, индәдедж герт сүв* 'дети сидели в доме смеясь и подталкивая друг друга'.

В зависимости от контекста соединительное деепричастие может обозначать сопутствующее действие, которое предшествует действию, выраженному основным глаголом-сказуемым: *тад биднә энд йдрдж шē ү* 'приходит нам, попейте чай'; *үд нәддедж, хуралд оролсон улсүд орд йдрев* 'дверь открылась, вошли участники собрания'; *ер үдер бүр үлкәс түлә авдж, хон худалдадж эмдардж бәлā* '[Тот] мужчина, ежедневно собирая топливо (дрова) на горе, продавал его в городе и этим жил'.

Соединительное деепричастие может употребляться и в удвоенном виде, придавая всему деепричастному сочетанию характер длительности, продолжительности действия, например: *гадā гүддж гүддж йрәд бү хүйтен ус ү* 'не по холодной воды, когда, набегавшись, приходишь с улицы (букв. бегая бегая)'; *тер гадā нәдадж нәдадж йрәд бас нәджджен* 'наигравшись и возвратясь домой, он снова играет (букв. играя играя)'.

Деепричастие на *-н* обозначает такое действие, которое поясняет конкретизирует значение совершающегося параллельно с ним основного действия, передаваемого глаголом-сказуемым: *тәк үлән инән ахдән хеләдж* 'плача и смеясь, девочка рассказывает своему старшему брату'. Еще А. ровников указывал, что слитное деепричастие употребляется в предложениях с одновременных, когда два глагола описывают одно и то же действие, тогда одним высказывается общее понятие, а другим — частное, так что значение одного глагола уже заключается в другом, или когда один глагол употребляется только (подобно качественным именам) для ограничения смысла

того /1, с. 314/. Слитное деепричастие употребляется чаще всего в функции обстоятельства, но индивидуальной особенностью слитного деепричастия на -и является то, что оно: 1) наиболее тесно связано с действием основного глагола-сказуемого и 2) реже остальных сопутствующих деепричастий употребляется в говоре.

Деепричастие на -*ао* обозначает зависимое действие, совершенное до наступления другого, главного действия, передаваемого глаголом-сказуемым. Иначе говоря, действия, передаваемые разделительными деепричастиями, если их несколько, совершаются последовательно — по окончании одного начинается другое, например: *хэрэйтэн хададж барад, гертэн джэдж бэнэ* 'закончив убирать урожай, возят к себе домой'; *мед тэрэд, джамэн алдаджэ* 'заблудившись, они потеряли дорогу'; *охи ил болд, баши джалд, бшн үджүлд ердем ном эрэн суртба* 'девочка выросла, пригласили к ней учителя, стали ее учить грамоте, затем и обучать наукам'.

Известна и относительная свобода в их использовании, возможность замены одной формы деепричастия другой. Хотя сочетание разных форм деепричастий и подчеркивает большую выразительность передаваемых ими действий, но некоторая пестрота и неустойчивость сопутствующих деепричастий сохраняется.

Для монгольских говоров весьма показательным является участие сопутствующих деепричастий в различного рода оборотах и в образовании аналитических конструкций. Специфика значения делает их наиболее употребительными и распространенными. Так, сочетание «сопутствующее деепричастие плюс вспомогательный глагол» чаще всего употребляется в качестве сказуемого. В этом случае деепричастие указывает на конкретно передаваемое действие, тогда как вспомогательный или служебный глагол, грамматически оформляя глагольное сочетание-сказуемое, придает последнему видо-временные и модальные оттенки значения. Ср. значения и функции таких глаголов, как *бэ-* 'быть', *ире-* 'приходить', *јава-* 'идти, ехать' и др., которые известны во всех говорах и диалектах языка монголов Внутренней Монголии.

Что касается обстоятельственных деепричастий, то «они могут употребляться только в качестве обстоятельственных членов предложения, являясь обстоятельствами условия, цели, предела, образа действия, времени и т.п.» /3, с. 281—282/. Эти деепричастия отличает известная определенность и устойчивость как в семантическом, так и в синтаксическом плане.

Деепричастие на -*сэр* обозначает длительно протекающее действие, в процессе совершения которого происходит другое, передаваемое основным глаголом-сказуемым, например: *мүр джэлон дүгэр мэлсэр хорби джагад хүрэл* 'кошка, продолжая нежно мяукать, добралась до края забора'; *тер тэрдж тэр-сэр гертэн хэрджэ* 'он, пробуждав, вернулся домой'; *би нар унтал мал хэрүл-сэр* 'я очень устал, пася скот до захода солнца'.

Возможно употребление продолжительного деепричастия на -*сэр* при основном глаголе-сказуемом в значении, близком к значению предварительного деепричастия на -*маши*, например: *шү гертэн хэрсэр нэд түрген шимэ өгө* 'приедешь домой, тотчас пришли мне восточку'; *шас орсэр теуер хүтрэн* 'снег продолжал падать, становилось холодно'; *би тері үссэр тэншиджэ* 'как только его увидел, [тут же] узнал'.

зафиксированы случаи, когда деепричастие на *-сър* используется в функции финитного сказуемого предложения, при этом оно оформляется дополнительным долгим гласным, например: *тв мундѣ сусару?* – *сусарѣ дѣ* ‘вы тут продолжаете жить?’ – *Продолжаю жить*; *манѣ ах гертѣн унсарѣ* ‘старший брат продолжает спать у себя дома’.

Предварительное деепричастие образуется посредством двух суффиксов – *-магш* и *-нарѣн* – и обозначает такое зависимое действие, после которого сразу же наступает другое. Первое и второе действия глаголов могут быть связаны между собой, как простой временной последовательностью так и причинно-следственной зависимостью, например: *ѣдж хевтнѣрѣн унта* ‘мать заснула, как только легла’; *орѣ болнѣрѣн (болмош) деу ношбѣжѣ* ‘как только наступил вечер, зажгли лампу’; *тер ѳнѣсѣн гариѣрѣн (гармагш) пундаджѣ* ‘как только он переступил порог дома, тут же выстрелил’; *борѣн оррѣн дулан болджѣ* ‘как только пошел дождь, стало теплее’; *уасѣн тѣнѣрѣн хѣрѣд ѳрдѣжѣ* ‘как только свезли сено, тут же вернулись домой’.

Информанты–носители говора ясно различали форму письменную, литературную и разговорную на *-нарѣн* и каждый раз замечали: *ѳранѣ* ‘разговорно’. Ср. еще несколько примеров: *тер хѣлѣн хѣрнѣрѣн нѣдѣр ѳвѣджѣ* ‘как только загнал овец (в сарай), он пошел играть’; *тернѣ ѳджнѣрѣн дунѣджѣ* ‘как только его увидел, он бросился бежать’; *шѣмѣ ѳвенѣрѣн тер хурѣд ѳрдѣжѣ* ‘как только ты ушел, он пришел’.

В говоре форма на *-нарѣн* может иногда заменяться и другими, близкими по значению формами. Так, наряду с *би тернѣ ѳджнѣрѣн асѣджѣ* ‘как только увидел, я спросил у него’ возможны: *би тернѣ ѳджсѣр (ѳджлѣ гесѣр, ѳджлѣ гесѣр, ѳджмеш) асѣджѣ*.

Образование и генезис формы на *-нарѣн* пока неясны.

Деепричастие на *-длѣ* обозначает такое действие, во время которого или в момент завершения которого происходит главное действие, передаваемое глаголом-сказуемым, например: *соцсолѣ абдар дотор бѣх болнѣ* ‘когда прислушался [к разговору], то понял, что [драгоценность должна находиться] в сундуке’; *менѣ ѳрлѣ ендѣс нег мѣртѣ хун гариѣд ѳвѣдѣ* ‘когда приехал, отсюда выехал кто-то верхом’.

Форма на *-длѣ* нередко встречается с частицей возвратного притяжания, например: *шѣ ѳвѣдѣлѣган ене мѣр унѣд ѳв* ‘когда поедешь, поезжай на этом коне’; *биден ѳблѣлѣган адлѣн мулѣ телелѣшѣ* ‘когда мы поедем, поговорим о работе’.

Деепричастие на *-вал (-вал)* обозначает зависимое действие, при условии наступления которого совершается другое, передаваемое основным глаголом-сказуемым, например: *тер олсвал хѣрѣн эмтнѣ бѣрдж ѳдѣд, ундасвал нѣрѣн уѣ ѳдѣж хулѣлѣ* ‘она (собака) все ждала. Если хотелось есть, она лопкала степных зверюшек; если мучила жажда, шла к озеру’; *тер аджлѣн барбал ѳвѣдѣ* ‘он поедет, если закончит свою работу’; *шѣ ѳгрѣ тервал, би мал хѣрѣлѣ* ‘если ты будешь сеять, я пойду пасти животных’.

Вариантом этого суффикса является разговорная форма на *-ул*, например: *шѣ мнѣ герт хурѣл хур дѣ* ‘если ты дойдешь до моего дома, то дойди’; *тер хотѣд сѣлѣл сѣл дѣ* ‘если он живет в городе, пусть живет’; *ене теѣдѣж хулѣлѣ хелѣл дѣ* ‘если он так говорит, пусть говорит’.

Условное деепричастие на *-аа* (*-баа*) может употребляться и с усиливающим его значение союзом *хөрөө* 'если', например: *шэ хөрөө хожбо ирвэл, мнэ эндэйгүр ир* 'если ты вернешся из города, приезжай ко мне'; *хөрөө тер ирвэл, би баа ирмэ* 'если он придет, и я приду'.

Уступительное деепричастие в говоре существует в двух формах — *-ваш(-баш)* и *-йаш* — и обозначает такое действие, вопреки которому совершается другое действие, передаваемое основным глаголом-сказуемым, например: *мүр бэх заджгэ медсен болбош аваз араг олсонгүэ* 'хотя кошка и узнала место, где находится драгоценность, но не придумала способа, как ее добыть'; *хелбеш мтм, хелхегүэ болбош мтм йимэ* 'хоть и говори — останется таким, и не говори — то же самое'; *тер хбөөш би яваагүэ* 'хотя он и гонит, я не пойду'; *ус хедэ үйаш ханаагүэ* 'сколько бы ни пил воды, не напьется'; *одо борби орйаш тусгүэ* 'хотя сейчас и пойдет дождь, но от него пользы не будет'; *хелйеш метм, хелхүэ болйаш метм* 'хоть и скажешь, будет таким, и не скажешь, останется таким'.

Чисто разговорным вариантом является *-үйш*, например: *хен хелүйш тер соңсон* 'кто бы ни говорил, он прислушивается'; *майаш шас оруш би яавнэ* 'хотя завтра и пойдет снег, я поеду'.

Деепричастие цели обозначает действие (цель), для осуществления которого совершается главное действие, выраженное основным глаголом-сказуемым. В хорчинском говоре оно образуется посредством двух суффиксов — *-зэ(р)* и *-хүг*. Примеры: *тер мврбн усалзэ(р) яавнэ* 'он идет, чтобы напоить своего коня'; *бид хожулам бада йохүг омнэ* 'вдвоем идем, чтобы поесть пиши'; *бэм ус үхүг ирджэ* 'девочка пришла, чтобы напиться воды'; *шэ хурдан тузлэн тосхд(р) гар* 'скорее выходи, чтобы встретить своих телат'.

Деепричастие предела на *-таа* обозначает такое действие, до наступления которого осуществляется другое действие или же является пределом этого главного действия, переданного основным глаголом-сказуемым, например: *хү унтатаа бид энд сүяа* 'пока мальчик заснет, мы посидимте-ка тут'; *шэ хурал болтол хурэд ир* 'ты приходи, пока не начнется собрание'; *тер алэн үд болтол хулдлэ* 'он ждал брата до полудня'; *манг яастал халас шэ бэн* 'до того пока мы поедем, остается еще полчаса времени'.

Иногда деепричастие на *-таа* принимает частицу возвратного притяжания: *би ене үдер яатлэн аджл хиджэ* 'я сегодня работал, пока не устал'; *шэ яастлэн мангд сүджэ* 'пока поедешь, ты поживи у нас'.

О глаголе *а* 'быть'

Вспомогательный глагол *а* 'быть' в процессе развития монгольских языков утратил систему форм и почти исчез из этих языков (кроме СПМЯ, дагурского), оставив лишь кое-где реликтовые формы. Ср. в современном монгольском (халха) языке *ажээ* (глагол *а* в форме прошедшего времени на *-жээ*) и *-сан* (рефлекс причастия прошедшего времени *aysan* от глагола *а* в виде суффикса).

В отличие от него в говорах языка монголов Внутренней Монголии под влиянием СПМЯ сохраняется несколько форм глагола бытия *a-*. В живой речи хорчин зафиксированы *асан* (*аснā*), *аджэ*, *алā* и *эддā* как устойчивые формы прошедшего времени:

а) *асан* (*аснā*) – причастие прошедшего времени глагола бытия *a-* с суффиксом *-сан*. Зафиксированы следующие примеры на употребление этой формы: *би нел сургад орох аснā* ‘мне бы учиться в школе’; *мөр ирвэл би адунд аснā* ‘когда приведет коня, я бы поехал за табуном’; *би шн моцол нел аснā* ‘мне бы овладеть новым монгольским письмом’. Употребляясь с причастием будущего времени на *-х*, *асан* выражает модальные оттенки действия, осуществление которого представляется для говорящего предположительным или желательным.

б) *аджэ* – форма прошедшего времени глагола *a-* с суффиксом *-джэ*: *агтандā лам аджэ* ‘раньше он был ламой’; *тернī бхик сэхан бхик аджэ* ‘дочь была красивой девушкой’; *тер хун сэн джантэ хун аджэ* ‘у того человека был хороший характер’. Примеры показывают, что *аджэ*, связка прошедшего времени, стоит после именной части составного сказуемого и относит действие в отдаленное прошлое. Эта форма глагола встречается также в современном монгольском (*ажээ*) и в бурятском (*ажа*) языках, а в калмыцком она не сохранилась;

в) *алā* – архаическая форма прошедшего времени глагола *a-* с суффиксом *-лā*. Ни в СПМЯ, ни в других монгольских языках такой формы нет. Эта форма глагола бытия *a-* удержалась в некоторых говорах восточного джунгарии. В хорчинском говоре она встретилась в примерах: *би тернэс энī асуен јү гедж хелез алā?* ‘что он ответит, если я спрошу у него об этом?’; *терн јим алā?* ‘что бы это из себя представляло?’; *шн энī хјдх шадат алā?* ‘смог бы это сделать?’;

г) *эддā* – по-видимому, это та же форма глагола *a-* в прошедшем времени (ср. СПМЯ *ајууи*, хорч. *аджэ*) с присоединенной к ней частицей *дā*, подвергшаяся фонетической трансформации и произносимая хорчинами слитно. По своей функции она не отличается от *аджэ*. Ср. следующие примеры: *еншн дентэ хун эддā* ‘он был образованным человеком’; *Бату хунэ үгенд баян хун эддā* ‘Бату был человеком, который радовался (добрым) словам людей’. Присутствием частицы *дā* подчеркивается результативный характер состояния, выраженного этим сочетанием. Особенно это заметно, когда *эддā* стоит после слова *тјм* ‘такой’ при отрицании в первой части предложения, например: *тэнхүэ јāt јим, үл тјм эддā?* ‘как это не узнает, [конечно, узнает], не так ли?’.

Наречие

Наречия во всех говорах в основном те же, что и в СПМЯ. Их отличают главным образом фонетический или лексико-семантический характер. Наречия по своему значению подразделяются на несколько разрядов. В хорчинском зарегистрированы следующие их разряды:

1) наречия, указывающие на место совершения или на направление действия предмета, например: *енд (менд)* 'здесь, тут' (*ши менд сүджэ, би йрнэ* 'ты посиди тут, я приду'); *тенд (метенд)* 'там' (*шинт бэик метенд бэн* 'твоя дочь находится там'); *нашан* 'сюда, в этом направлении (сторону)' (*та нашан харэ да* 'вы посмотрите сюда, в эту сторону') и др.;

2) наречия, указывающие на время совершения действия, например: *ерт (ерте)* 'рано' (*тер ерт унтэд ерт боснб* 'он рано ложится спать и рано встает'); *орб* 'поздно' (*бюден ене удер бэхан орб бослб* 'мы сегодня встали немного поздно'); *мунэ, одб* 'сейчас' (*шинт аз мунэ тэ бэ хэм?* 'где сейчас находится твой старший брат?'); *хајэ* 'изредка' (*тер манэ енд хајэ йрек* 'он изредка приходит к нам') и др.;

3) наречия, указывающие на степень, интенсивность признака действия, например: *маш* 'весьма, очень' (*тернэ мёр маш хурдан гүн* 'его конь бежит очень быстро').

По способу образования наречия неоднородны. Наиболее распространенным способом образования наречий является суффиксальный.

Этимологически наречия восходят к разным разрядам слов. В зависимости от этого они бывают и сложными, образованными из сочетаний нескольких компонентов, ср., например, *енд (менд)* и *тенд (метенд)*, застывшие в форме дательного-местного падежа (т.е. состоящие из древних основ *ен-*, *тен-* + *-д*).

Наречия, указывая на признак действия, выступают при глагольных и именных членах предложения в функции различного рода обстоятельств.

Служебные слова

Послелого. Выполняя служебную функцию, послелого управляют той или иной падежной формой именных разрядов слов и употребляются после того имени, к которому они относятся. В большинстве своем послелого являются вторичными, восходящими к различным разрядам знаменательных слов. Собственно послелогов в говоре немного. К ним можно отнести, например, такие, как *полб* 'для, ради, за', *тужэ* 'о, относительно', *мет* 'как, подобно, словно' и некоторые другие.

Основную массу послелогов составляют те, которые образовались на базе разных частей речи — в основном имен существительных, наречий и редко глаголов, которые, утрачивая лексическую и синтаксическую самостоятельность, употребляются в качестве послелогов. Однако значение послелого не может быть реализовано вне связи с падежной формой имени. Значения послелогов выступают отчетливее, если они рассматриваются в сочетании с управляемыми ими именами.

В говоре зафиксированы послелого, которые требуют постановки имен в родительном, исходном, совместном падежах, а также в форме основы.

Послелого с основой имени:

дёр имеет пространственное значение — местонахождение предмета на чем-либо (на поверхности чего-либо), например: *гер дёр бэ гарэ* 'не залезай на крышу дома'; *ене шрэ дёр бэсам јлм хэ бэн?* 'где та вещь, которая лежала на этом столе?';

д̄ор указывает на местонахождение предмета под чем-либо, например: *үссен д̄ор хестл̄е* 'он лежал под сеном'; 'Хорчины произносят это слово так как зафиксировано в СПМЯ — *doors*, т.е. с долгим гласным;

дотор употребляется в пространственном значении, но с оттенком направления действия внутрь чего-либо (в, внутри...) или с оттенком «ср. в кругу», например: *јрсен улс җер дотор сун̄а* 'приехавшие сидят в доме'; *енд јрсен улс дотор Батү бас б̄н* 'среди прибывших есть и Бату';

мет употребляется при уподоблении со значением 'как, словно, подобно': *шас мет шагдн* 'белый, словно снег'; *дал̄а мет јүн* 'глубокий, словно океан-море';

Эдал 'как, подобно, одинаково': *вдҗи эдал мал* 'животное наподобие осла'. Хорчинский говор показателен тем, что в нем последог *эдал* управляет также и именем в дательном-местном падеже: *шамд эдал* 'подобно тем *м̄дронд эдал* 'подобно лошади';

хүртел 'до' указывает на предел распространения действия во времени в пространстве, например: *шн нзм̄сгг јрс сар хүртел хүл̄е* 'ты жди меня до сентября месяца'; *җер хүртел эрвн гадҗр б̄н* 'до дома порядочное расстояние';

Последлоги с родительным падежом:

д̄ор и *дотор* 'в, внутри' указывают на местоположение предмета, например: *харандашн̄к шр̄ек д̄ор хестн̄е* 'твой карандаш лежит под столом'; *җер̄н дотор хек б̄н?* 'кто находится внутри дома?';

дунд 'в, среди': *җер̄н дунд сун̄а* 'сидит в центре юрты', но *олм̄с дунд* 'среди общества людей';

хоронд 'между': *җер̄н хоронд* 'между домами'; *бад̄а шанз̄н хоронд идд̄а м̄н* 'ест, не дожидаясь, пока сварится пища';

ард 'позади': *мал ул̄н ард идедҗ јаван* 'скот пасется позади горы (за горой)';

оронд 'вместо': *шн мн̄н оронд ом̄д јр* 'ты поезжай вместо меня';

дар̄а 'после': *җерн̄е дар̄а гара* 'ты выйди после него'; *ус үсн̄е дар̄а дам үдҗе* 'после того как попил воды, стал курить';

хән 'после': *нег сар̄н хән...* 'после месяца...';

тол̄е 'за, ради, для': *ард̄н тол̄е темшн* 'борется ради аратов'; *ег орн̄с тол̄е хүш̄н җартан* 'отдает все силы за родину';

шух̄а 'о, насчет, относительно': *ах̄н шух̄а јсралшав* 'говорили насчет старшего брата'. Здесь приведены наиболее употребительные последлоги, часто встречающиеся в разговорном языке.

Последлоги с исходным падежом встречаются редко, нами зафиксировано лишь *урт* 'до, до того как': *нарн̄ас урт босл̄е* 'встал до восхода солнца'; *борд орх̄ос урт дҗавар хөдөлл̄е* 'до того как идти дождю, поднялся ветер';

Последлоги с совместным падежом также редки. К ним относятся:

такт 'с, вместе': *мн̄н хү нег хүн̄е такт јрдҗе* 'мой сын приехал вместе с каким-то человеком'; *җер Алтансаун̄и такт јавла* 'он уехал вместе с Алтансаном';

Эдал 'подобно': *җер шамт̄е эдал мадалт̄е* 'он такой же сильный, как и ты';

Союзы. В говоре представлено незначительное количество союзов, известных из СПМЯ. К ним относятся: *бā* 'и', *бәгәд* 'и, да', *болон* и *болбод* 'и', *мөртөн* 'а', 'хотя', которые используются в основном для связи однородных членов предложения. Примеры: *биден мал ба хәгәдн теги өсгөн* 'мы одинаково разводим и крупный скот и овец'; *емел бә хаджаран нәшән орул* 'внеси сюда седло и уздечку'; *жер хүн джалу бәгәд шинтә* 'этот человек молодой и стеснительный'; *ајаг болон шанган дөшөн, ширәдәр тел* 'чашки и разливательную ложку положи наверх, на стол'; *шә гертәс малаг болбод бәлә эшп* 'ты приноси из дому шапку и рукавицы'; *дүмнә бага мөртөн эмитә* 'мой младший брат молодой, а робкий'.

Следует отметить, что союзов в говоре мало, встречаются они в разговорной речи редко.

Частицы. В говоре встречаются достаточно часто и придают дополнительные модальные оттенки значениям отдельных слов, словосочетаний и предложений. Частицы делятся на следующие группы.

Вопросительные:

а) *Г* употребляется с изъявительными формами (в основном с глаголом настоящего-будущего времени на *-нә*): *шә маган јавнә?* 'едешь ли ты завтра?'; *жер шәган үдженә?* 'пьет ли он чай?'; *әв бадаган јудженә?* 'ест ли отец свою пищу?'. Частица *Г* встречается также и при имени существительном: *ене танә үхрә?* 'это ваш скот?';

б) *ү* ставится после формы прошедшего времени: *аджә хоршон дәр ошджү?* 'ходил ли отец в кооператив?'; *жер ерт јаджү?* 'рано ли он уехал?'; *шә маган јуджү?* 'ты поел мяса?';

в) *ә, бә (әй), бә* встречается с именами и причастиями: *жер хенә мөрөв?* 'тот чей конь?'; *тә хедә малтә бә?* 'сколько у вас скота?'; *жер дәс шинә бә?* 'тот пояс твой?'; *тә хеджә јрсен бә?* 'когда вы приехали?'. Как видно из примеров, все они стоят в конце слова, к которому относится вопрос.

Отрицательные:

1) **препозитивные:** а) *үл* употребляется в основном с формой причастия на *-а*: *үл бүтөх јимнә үгәр бү үл хә* 'не стоит принимать во внимание слова человека, который не выполнит обещание'; б) *ес* в говоре встречается редко, в основном перед формами причастий: *ес бүссенәр бү ашлә* 'из-за того что не исполнилось (замеченное), не расстраивайся'.

2) **постпозитивные:** а) *үгә (үгүгә)* встречается в основном с отдельными формами причастий и деепричастий: *жер херсангүгә* 'он не пошел домой'; *багш јаджү үгүгә* 'учитель не уехал'; б) *дә* (< письм. монг. *edül, dül* 'еще не') употребляется с формой причастия настоящего времени: *бә бас олдә* 'я тоже еще не нашел'; *жер сердә* 'он еще не проснулся'.

Частицы запрета: *бү* — препозитивная частица, встречающаяся лишь при повелительно-желательных формах: *усанд бү орб* 'не входи в воду'; *шә бү үр хүрөв бә* 'ты не злись'.

Утвердительные:

а) *ә*: *ене ушрә тер л меден* 'причину этого именно он знает'; *аз шә сәм л үлә* 'брат вдоволь напился чаю';

б) шӯ: *нозо таджон шӯ, бӯ гар тур* 'не трогай, укусит собака'; *тер сӯ мнӣ дӯ шӯ* 'тот, сидевший, — мой младший брат';

в) дӯ: *шӯ турдан јавӯс дӯ* 'ты скорее поезжай'; *тӯ туралд орӯс дӯ* 'ты пойдй на собрание'; *хӯ нег гуа јден дӯ* 'мальчик ест дыню'; *малн шашон јӯс дӯ* 'отгоны подальше свой скот'.

Уступительные:

а) ш ставится отдельно от слова: *енӣ бӣ ш шатхӯ* 'это и я не смог сделать'; б) *шай* (*шӯлӯ, шӯлтӯ*): *хенӣ үгӣ шай сонсохӯ* 'хотя никого (бунных слов) и не слушает'. Этимология частиц *шӯлӯ, шӯлтӯ* остается пока неясной.

Частица одобрения *джӯ*, например: *шӣ макӯд ошӯд мнӣ ном јрӯ*. — *джӯ, бӣ авӯд јрӯ* 'ты сходи к нам и принеси мою книгу. — Ладно, принесу'. В основном эта частица употребляется при ответе на просьбу о чем-либо.

Частица сомнения *бӯ*, например: *тер гертӯс гардж јавсан там бӯ* 'тот, который вышел из дома, ведь ваш брат'; *ене үдер шнтн долбн бӯ* 'сегодняшний день не седьмое ли число месяца?'

Междометия служат для выражения чувств и побуждения. В говоре зафиксирована лишь группа междометий, передающих чувства:

а) *ә, ї* выражают чувство сожаления, досады, пренебрежения: *ә, хїр хун!* 'о! несчастный человек!'; *ї, шӣ јӯ ш хїдж шадатгӯ* 'эх, ты ничего не умеешь делать';

б) *әш, тә* выражает чувство сожаления: *әш, тә јамар амар үгӯ хун!* 'ай! какой вы беспокойный человек!';

в) *пӯ* выражает чувство отвращения: *пӯ, јамар мӯхә үнер јмт* 'фу, какой отвратительный запах';

г) *јә, јә -јәх* выражают чувство сильной боли: *јә, гармн тзв, әвддә* 'ой! выпусти руку, больно!';

д) *јї-јї* выражает чувство удивления, восхищения: *јї-јї, үджидж әг!* 'о! посмотрите-ка!';

е) *ш-ш!* выражает чувство неприятного ощущения холода: *ш-ш!, ене үдер јамар хӯтен үдер јмт* 'брр, какой сегодня холодный день'. Все перечисленные междометия являются непроезными.

ДЖАСАГТУСКИЙ ПОДГОВОР

Хошун входил в состав Худунбуирского и Джеримского аймаков. Речь жителей хошуна Джасагту-ван сохраняет некоторые отличия, обусловленные территориальным положением, что позволяет выделить его в качестве отдельного подговора.

Особенности фонетики. Гласный *ә* СПМЯ в джасагтурском подговоре читается в виде более узкого огубленного гласного *ү*⁶:

⁶ Речь племен хорчин, джарут и горлос в основном одинакова. Состав гласных и согласных звуков в них также одинаков, но в произношении каждого из них заметны некоторые отклонения.

	Дархан	Джасагту	Джарут	Горлос
<i>öndür</i> 'высокий'	үндер	үндер	үндер	үндер
<i>ölügel</i> 'лялька'	үлгї	үлгї	үлгї	үлгї
<i>dörüge</i> 'стрема'	дүрē	дүрē	дүрē	дүрē

Однако в зависимости от произношения носителей того или другого говора гласный *ö* может реализоваться и как *o*, и как *y*. Ср., например: *tönggür* 'серебро', дархан *муу(ен)*, джасагту *моң(ен)*, жарут *мүү(ен)*, горлос *моң(ен)*.

Благодаря влиянию аффрикат *ʃ* и *ʒ* гласный *o* первого слога слова в хорчинском говоре в целом (т.е. в говоре и подговоре) имеет тенденцию перехода в более узкий гласный *i*, например:

	Джасагту	Джарут	Горлос
<i>ʃabseg</i> 'оружие'	дʒи́сег	дʒи́сег	дʒи́сег
<i>ʒeβen</i> 'мудрый'	ʃи́шн	ʃи́шн	ʃи́шн

В небольшом количестве слов старописьменному монгольскому *u* соответствует в говоре гласный *o*. Аналогичное наблюдается и в речи жарут и горлос, например:

	Хорчин	Джарут	Горлос
<i>buda-</i> 'красить'	бодо-	бодо-	бодо-
<i>tungqay</i> 'невест- венный'	моңгог	моңгог	моңгог

В отличие от них в джасагтуском подговоре старописьменный монгольский *u* сохраняется. Подобное заметно и в речи горлос, например:

	Джасагту	Горлос
<i>bulay</i> 'родник'	булай	булай
<i>subud</i> 'жемчуг'	сувод	сувод

В хорчинском говоре и джасагтуском подговоре не имеет места перелом гласного *i* в следующих словах:

Хорчин (дархан), Джасагту

<i>klʃayalang</i>	'четырёхгодовалый' (о животных)	хиджйлаң
<i>bltegü</i>	'канун Нового года'	блгү
<i>bllegü</i>	'точильный камень'	блгү
<i>stregün</i>	'грубый'	шрүн
<i>klʃyasun</i>	'волос (конский)'	хлгас(ан)

В речи горлос вместо хорчинского *шадж* 'клевш (накожный)' произносят *шлдж*.

Замечается переход СПМЯ *ʃ* или *ʒ* перед согласными *t*, *č* и *s* (*š*) в хорчинском говоре и джасагтуском подговоре в спирант *x*. Примеры:

	Хорчин	Горлос
<i>maɣta-</i>	'хвалить'	махта-
<i>aysum</i>	'буйство'	атсам

Однако иногда и в самом хорчинском, и в речи горлос γ или g остаются без изменения:

$\gamma\gamma\text{soya-}$	'прекращать'	джоцсб-	джоцсб-
$\gamma\text{gsi-}$	'испытывать'	джгш-	джгш-
	отвращение'		

В джасагтском подговоре известны чередования:

- а) вместо аффрикаты γ в нем употребляется иногда взрывной согласный θ , например: $\text{deg}\theta\text{ite-}$ 'привесить', в джасагту $\text{d}\theta\text{dle-}$, в горлос — $\text{d}\theta\text{dle-}$;
 б) в небольшом количестве слов вместо n встречается l :

		Джасагту	Горлос
$\text{nav}\theta\text{i}$	'листья'	лэвш	лэвш
navte	'сквозь'	лэст	лэст

в) несколько изолированным представляется чередование в хорчин и джасагту согласных n/j :

		Хорчин (дархан)	Джасагту
$\text{Inlyed}\bar{u}n$	'смех'	$\text{In}\bar{e}\theta(\text{en}), \text{Ij}\bar{e}\theta(\text{en})$	$\text{In}\bar{e}\theta(\text{en}), \text{Ij}\bar{e}\theta\bar{y}$
sonIn	'новость, весть'	$\text{с}\bar{o}n\text{In}, \text{с}\bar{o}j\text{In}$	$\text{с}\bar{o}n\text{In}, \text{с}\bar{o}j\text{In}$
$\bar{u}n\bar{u}r$	'запах'	$\gamma\bar{u}n\bar{e}r, \gamma\bar{u}j\bar{e}r$	$\gamma\bar{u}n\bar{e}r, \gamma\bar{u}j\bar{e}r$

Слово $\text{Ij}\bar{e}\theta\bar{y}$ 'смех' кроме джасагтского подговора зафиксировано еще в речи горлос.

В небольшом количестве слов наряду с образованием долгого гласного сохраняется интervoкальный согласный, например:

		Хорчин (дархан)	Джасагту
$\text{slg}\bar{u}d\bar{e}r\bar{t}$	'роса'	$\text{с}\bar{y}g\bar{d}e\bar{r}$	$\text{с}\bar{y}d\bar{e}r$
$\text{bo}\bar{y}u\bar{m}t\bar{a}$	'преграда'	$\text{бог}\bar{o}m\bar{t}$	$\text{б}\bar{o}m\bar{t}$
$\text{bar}\bar{a}\gamma\bar{a}n$	'скарб'	$\text{барг}\bar{a}n$	$\text{барг}\bar{a}n$
$\text{a}\bar{y}a\bar{l}\bar{I}$	'паук'	$\text{аг}\bar{a}l\bar{d}\bar{z}$	$\text{атг}\bar{a}l\bar{d}\bar{z}$

За пределами хорчинских хошунов харчины и туметы Джостуского аймака произносят слово «паук» как $\text{атг}\bar{a}l\bar{d}\bar{z}$, монголы хошуна Джалайт — в форме $\text{атг}\bar{a}l\bar{d}\bar{z}$. Дурбеты и горлосы отличаются несколько особым произношением его как $\text{атг}\bar{a}l\bar{d}\bar{z}$.

Соответствие СПМЯ аффрикаты θ в позиции перед l и остальными гласными джасагтскому спиранту $ш$ сближает последний с хорчинским говором. Эта характерная черта присуща также речи джарут и горлос.

$\text{}\bar{c}i\bar{l}\bar{u}g\bar{e}$	'свободное время'	$\text{ш}\bar{o}l\bar{o}$	$\text{ш}\bar{o}l\bar{o}$	$\text{ш}\bar{o}l\bar{o}$
$\text{}\bar{E}l\bar{s}\bar{u}n$	'кровь'	$\text{ш}\bar{y}c(\text{an})$	$\text{ш}\bar{y}c(\text{an})$	$\text{ш}\bar{y}c(\text{an})$
$\bar{c}og$	'горящий уголь'	$\text{ш}\bar{o}l$	$\text{ш}\bar{o}l$	$\text{ш}\bar{o}l$
$\bar{c}ar\bar{c}\bar{a}$	'охлаждаться'	$\text{ш}\bar{a}r\bar{c}\bar{a}$	$\text{ш}\bar{a}r\bar{c}\bar{a}$	$\text{ш}\bar{a}r\bar{c}\bar{a}$

Мы уже отмечали, что широкое употребление спиранта $ш$ служит известным критерием для выделения хорчинского говора среди всех остальных говоров и диалектов. В настоящее время представляется возможность точно установить границы распространения спиранта $ш$. Помимо хорчин к \bar{z} -говору

близки джасагтуский и джалайт-дурбетский подговоры и речь племен джарут, северных и южных горлов.

Особенности морфологии. Характерной чертой склонения в джасагтуском подговоре является наличие направительного падежа. Об образуется прибавлением к основе имени суффикса *-джү*, восходящего к послелогу *джүг* (имени со значением «сторона, направление»). Если в речи хорчин (дархан) *джүг* встречается в полной форме (например, *шĭ үлан джүг үджĕ* «ты посмотри на гору») и отдельно от слова, то в джасагтуском подговоре он, приобретая долготу, пишется слитно, как любой падежный суффикс, например: *манĕ мörĭд усанджү ĭрлĕ* «наши кони пришли к водопою»; *тер нох наоджү ĭрлĕ* «та собака прибежала ко мне»; *минĭ ахĭ хон худаджү ĭавла* «овцы моего брата направились к колодцу».

Послелог *урү* употребляется так же, как и в хорчин, например: *тер мörтĕ хүн Эл урү ордж ĭрджĕ* «тот всадник въехал в селение». Здесь *урү* сохраняет свое послеложное значение. То же самое и в джарутской речи: *хад урү унла* «ушел с горы»; *гер урү орла* «вошел в дом».

В отличие от говора в джасагтуском подговоре сохраняются две формы порядкового числительного. Помимо единого для говора и подговора суффикса *-дугар* (например, *гурав* «три» — *гуравдугар* «третий») в джасагтуском подговоре имеется суффикс *-дахи*, который по типу порядковых числительных в бурятском языке пишется слитно. Примеры:

Хорчин (дархан)		Джасагту
<i>негдугар</i>	«первый»	<i>негдугар, негдахи</i>
<i>дүревдугар</i>	«четвертый»	<i>дүревдугар, дүревахи</i>
<i>тавдугар</i>	«пятый»	<i>тавдугар, тавдахи</i>

В речи джарут и горлос суффикс *-дахи* не зафиксирован, как джаруты, так и горлосы используют суффикс *-дугар*: *гушдугар* «тридцатый», *ĭсдугар* «двадцатый» (джарут) и *тавдугар* «пятый», *долддугар* «седьмой» (горлос).

Личные местоимения 1-го и 2-го лица единственного числа *би* «я», *шĭ* «ты» также сохраняют супpletивные основы косвенных падежей. Ср. следующую парадигму:

1-е л. ед.ч.	Джасагту	Джарут	Горлос
Им.	<i>би</i>	<i>би</i>	<i>би</i>
Род.	<i>минĭ</i>	<i>минĭ</i>	<i>минĭ</i>
Дат.-местн.	<i>нао</i>	<i>нао, намао</i>	<i>нао</i>
Вин.	<i>менĕгĭ</i>	<i>менĕгĭ</i>	<i>менĕгĭт</i>
Иск.	<i>наоас, наоас</i>	<i>наоас, намаас</i>	<i>наоас</i>
Орудн.	<i>наоар</i>	<i>наоар</i>	<i>наоар</i>
Совм.	<i>наотĕ</i>	<i>наотĕ</i>	<i>наотĕ</i>

2-е л. ед.ч.	Джасагту	Джарут	Горлос
Им.	<i>шĭ</i>	<i>шĭ</i>	<i>шĭ</i>
Род.	<i>шинĭ</i>	<i>шинĭ</i>	<i>шинĭ</i>
Дат.-местн.	<i>шамо</i>	<i>шамо, шамоо</i>	<i>шамо, шемсĕо</i>
Вин.	<i>шемсĕгĭ</i>	<i>шемсĕгĭ</i>	<i>шемсĕгĭт</i>

Исх.	шамас	шэмэиас	шэмэиас
Орудн.	шамар	шамар, шамар	шэмэиар
Совм.	шамтэ	шамтэ, шамтэ	шэмэитэ

Местоимения 1-го и 2-го лица множественного числа не имеют отличий внутри говора, хорчины, джаруты и горлос произносят их одинаково.

Система глагола в джасагтуском подговоре та же, что и в хорчинском говоре. Существенных различий ни в образовании, ни в значении и употреблении их не наблюдается.

Здесь мы обращаем внимание лишь на те немногие черты, которые не были учтены при общей характеристике хорчинского говора. Эти же особенности тишичны и для джасагтуского подговора.

В хорчинском говоре и подговоре джасагту, а также в речи джарут встречается суффикс *-таг* (*-тага*), образование и значение которого пока не ясны. См. примеры: *ш' ене эджлэ хитэте* 'сделать бы тебе эту работу'; *ш' гертэн нег сугатаг* 'посидеть бы тебе немного дома' (джасагту); *бид тэраган үджэ-тегэ* 'посмотреть бы нам свои посевы'; *бид эшресан бадган идджигатага* 'покушать бы нам принесенную пищу' (джарут).

В говоре и подговоре, а также в речи джарут употребляется глагольная форма *-лаигуэ*, состоящая из *-лаг* и отрицания *игэ*. Семантика *-лаг* не совсем ясна. Может быть, *-лаг*, присоединяемый к основе глагола, представляет собой суффикс, образующий отглагольное имя с отвлеченным значением типа «делание», «хождение», «говорение». В джасагтуском подговоре зафиксированы примеры: *ш' явллаигуэ* 'ты не ходи'; *та мэрэн өллөигуэ* 'вы не отдавайте своего коня'; *дэм бол ш' хлөигуэ* 'если так, ты не делай'.

Во всех говорах и подговорах известна глагольная форма на *-л* + отрицание *игуэ*, например: *ен' элелэ игуэ болхуэ* 'не сказать об этом нельзя'; *тэр хуншн хл игуэ явшиджэ* 'оказывается, он уехал, не закончив работу'.

Однако между указанными выше двумя формами есть и отличие. Записанные в говоре примеры говорят о том, что глагол с *-лаигуэ* замыкает предложение, за ним не следует другое слово или частица.

Обратим внимание на еще одно глагольное образование. Здесь речь идет о группе глаголов с суффиксом *-сигэ* (несамостоятельная форма на *-с + игэ* 'говорить' или *хл* 'делать').

В подговоре и хорчинском говоре зафиксировано несколько примеров на глаголы движения и состояния с суффиксом *-сигэ*. Присоединяясь к основе предобных глаголов, суффикс *-сигэ* несколько видоизменяет лексическое значение исходной основы, ср.: *тэр эрхл халул* 'подогрей то вино' — *тэр эрхл халул* 'немного подогрей то вино'; *ш' амрā* 'ты отдохни' — *ш' амрасигэ* 'ты немного отдохни'; *тā энд хулэ* 'вы подождите здесь' — *тā энд хулэсигэ* 'вы немного подождите здесь'; *ш' урашан јав* 'ты пройди вперед' — *ш' урашан јавсигэ* 'ты немного пройди вперед'. Эти соотносительные пары глаголов передают разные действия. В данном случае суффикс *-сигэ* привносит в глагольную основу значение кратковременности, ограниченности действия. Это своеобразие недолго длящегося действия, протекания его в ограниченных пределах лишний раз подчеркивается в хорчинском постановкой перед глаголом на

таких поясняющих слов, как *нег бага* 'немного, немножко', например: *шэвэн нег бага талүүлсгэд авад ир* 'немного подогрей чай и носи его сюда'.

Мы уже отмечали, что типичным для разговорной речи является наличие предварительного деепричастия на *-нэрэн*, которое встречается во всех говорах и подговорах восточного диалекта.

В говоре и джасагтуском подговоре часто глаголы с суффиксом *-нэрэн* могут быть заменены:

а) глаголами на *-сэр* (продолжительное деепричастие): *би тер хүнт үссэр тэнджэ* (*би тер хүнт үджнэрэн тэнджэ*) 'как только увидел того человека, я (тут же) узнал его';

б) глаголом в прошедшем времени с последующим за ним глаголом *гэ-* (в переносном значении 'полагать, решить') в форме продолжительного деепричастия: *бид хеллэ гесэр медджиджэ* (*бид хелнэрэн медджиджэ*) 'как только мы сказали, нас поняли'; *шэ ирвэ гесэр бид яван* (*шэ ирнэрэн бид яван*) 'как только ты придешь, мы пойдем'.

При втором варианте характерно то, что вспомогательный глагол *гэ-* может быть опущен, ср.: *-ендэс нутаг хүрмэл хол?* 'далеко ли отсюда до кочевий?'; *хол үгүгэ, мүн дөр гарла* (вместо ожидаемого *гарнэрэн, гарла гесэр*) *хүршгөн* 'нет, недалеко. Как только спуститесь вниз, считайте, что вы уже добрались'; *минэ аз эрх дэжүгэ, нег бага үвэ* (вместо ожидаемого *үнэрэн, үвэ гесэр*) *сэжюк* 'мой брат не выносит алкоголя, как только немного выпьет, становится пьяным'.

ДЖАЛАЙТ-ДУРБЕТСКИЙ ПОДГОВОР

Носители джалайт-дурбетского подговора живут в разных местах: джалайты — на территории Хулунбуирского аймака Автономного района Внутренняя Монголия, а дурбеты — в провинции Хэйлунцзян, за пределами Внутренней Монголии.

Джалайты составляют население одного хошуна под наименованием Джалайт. Хошун граничит на севере с солонами Хулунбуирского аймака, на востоке — с дурбетами, на юге — с горлосами провинции Хэйлунцзян, а на западе — с хорчинами. Джалайты много веков живут рядом с хорчинами западного крыла (Туше-гун, Джасагту-ван).

Дурбеты также составляют один хошун, граничащий на севере, востоке и юге с провинцией Хэйлунцзян, а на западе — с джалайтами Хулунбуирского аймака.

Особенности вокализма и консонантизма. Состав гласных звуков джалайт-дурбетского подговора не отличается от хорчинского говора. В нем гласные первого слога *a* и *o* благодаря влиянию гласного *i* второго слога развились в гласные переднего ряда *э* и *ё*. Примеры: *taklya* 'курица', *alētyr* 'платок', *qoni* 'овца', *ʃori-* 'стремиться' — джал.-дурб. *тэxā*, *эшүр*, *хби*, *джёрт*.

Если дифтонги *ei* или *oi* СПМЯ в конце слова отражаются в джалайт-дурбетском говоре как долгие *э̄* или *ё̄*, то гласными первого слога стано-

вятся соответственно соответственно гласные ξ или δ , например: *dalai* 'океан', *dalai* 'лицо', *oroi* 'поздно', *qomai* 'подол' — джал.-дурб. *дэлэ*, *шэрэ*, *өрө*, *хөрмэ*.

Характерная для всего хорчинского говора фонетическая особенность — развитие аффрикаты \check{c} (как перед гласной *l*, так и перед остальными гласными) в спирант *ш* — является общей и для джалайт-дурбетского подговора. Джалайты и дурбеты на месте старописьменной монгольской аффрикаты \check{c} и спиранта *s* произносят лишь один спирант *ш*, что сближает их речь с речью хорчин. Примеры: *qayučin* 'старый', *šisun* 'кровь', *tenčö-* 'бороться', *bičö-* 'возвращать', *lavči* 'листья' — джал.-дурб. *хүшн*, *шт(ан)*, *тежшн*-, *буша*-, *лэвш*.

Одной из типичных черт подговора является отсутствие в составе согласных звуков переднеязычного согласного — спиранта *s*, известного во всех остальных говорах Внутренней Монголии, а также и во всех других монгольских языках.

Употребление вместо него взрывного *т* придает речи джалайт-дурбет исключительное своеобразие, выделяя в этом отношении джалайт и дурбет среди всех остальных монголов.

Обилие слов со взрывным *т* становится четко различимым признаком, определяющим подговор в целом. Остается, однако, неясным, был ли он с самого начала *t*-подговором, или это результат более позднего развития, когда *s* был заменен на *т*.

Хорчин		Джалайт-дурбет
<i>сар</i>	'луна, месяц'	<i>тар</i>
<i>сургаз</i>	'школа, учеба'	<i>тургаз</i>
<i>шас(ан)</i>	'снег'	<i>шаш(ан)</i>
<i>согтү</i>	'пьяный'	<i>тогтү</i>
<i>асүлт</i>	'вопрос'	<i>ашүлт</i>
<i>солто</i>	'левша'	<i>толтó</i>
<i>джожсо-</i>	'стоять'	<i>джожто-</i>
<i>джагас(ан)</i>	'рыба'	<i>джагат(ан)</i>
<i>соли-</i>	'менять'	<i>толи-</i>
<i>соңсо-</i>	'слышать'	<i>тоңшо-</i>
<i>босо-</i>	'вставать'	<i>бото-</i>
<i>тусла-</i>	'помогать'	<i>тусла-</i>

Имеется лишь несколько слов, где вместо ожидаемого *т* встречается δ (в конечной позиции), например:

	Хорчин	Джалайт-дурбет
<i>yas, ys</i>	'медь, медный'	<i>джис</i>
<i>bös</i>	'ткань, материя'	<i>бүс</i>
<i>gerlyes</i>	'завет, завешание'	<i>герёд</i>
<i>qubčasun</i>	'одежда, платье'	<i>хувтос(он)</i>
		<i>хувшад</i>

Из аффрикат известна только *дж*. Старописьменная монгольская аффриката \check{c} как перед гласной *l*, так и перед остальными гласными остается в подговоре без изменения, т.е. сохраняет свой шипящий характер. Примеры:

ḡaba- 'мучиться'; qaḡaḡar 'уздечка'; ḡiḡuḡuḡan 'шесть'; ḡūsūm 'ломоть, кусок'; aḡaḡiḡ 'паук'; ḡiḡuḡa 'иноходь' — джал.-дурб. *джово-, хиджар, джурга(н), джумем, атгалдж, джорб.*

Особенности морфологии. Множественное число образуется так же, как в хорчинском говоре, используются те же суффиксы. Следует лишь отметить, что в подговоре суффикс *-т* не имеет самостоятельного употребления, он выступает вместе с другим, в удвоенном виде как *-тḡд*, например: *ноḡтн* 'нойон, князь' — *ноḡтḡд*; *ем* 'женщина' — *емḡд*. Ср. во фразах: *тершнḡ ḡiḡтḡд даḡад ḡаḡтḡмḡ?* 'последовал ли он за взрослыми?'; *шулардж бэтан ертḡдшнḡ ḡаḡтḡмḡ?* 'куда делись мужчины, которые стояли группой?'.
 .

В результате определенных фонетических явлений некоторые падежные формы в подговоре принимают своеобразный облик. Винительный падеж не имеет суффикса *-и*, в нем могут встречаться или *ḡ*, или *-иḡ*; первый вариант присоединяется к основам имен, оканчивающихся на все согласные, а второй — к основам на долгие гласные: *мḡд*, *мод(он)* 'дерево' — *мḡдḡ*, *модḡ*; *гер* 'дом' — *герḡ*; *утат(ан)* 'нитка' — *утатḡ*; *дḡ* 'младший брат' — *дḡḡ*; *шулḡ(н)* 'камень' — *шулḡḡ*.

Исходный падеж в джалайт-дурбетском образуется суффиксом *-ат*, соответствующим хорчинскому *-аḡ*: *шай* 'время' — *шайат*; *гол* 'река' — *голтḡт*; *гер* 'дом' — *герет* (*бид ене голтḡт ут аван* 'мы берем воду из этой речки'; *тершнḡ емḡет ожалтан ем* 'то — лекарство, прописанное врачом'; *шатḡат шайан ḡмḡ?* 'разве это белее снега?'; *деңнḡт бэтан голдḡ тḡ* 'сядь подальше от лампы').

В джалайт-дурбетском зафиксирован суффикс направительного падежа *-джḡ*. Он имеется в речи носителей джасагтуского подговора, территориально наиболее близкого к джалайтам. Примеры: *тер тḡн мэмḡ герджḡ ḡаеḡжḡн* 'этот человек идет по направлению к нашему дому'; *туḡад голджḡ ḡавлḡ, шḡ гарḡб уḡжешн* 'телята направились к реке, выйди и посмотри (что с ними)'; *тер худадджḡ ḡавлḡ* 'он отправился к колодезю'.
 .

Имя числительное отличается незначительными фонетическими особенностями. Ср.: хорч. *ḡус(ен)* 'девять' — джал.-дурб. *ḡут(ен)*. Обращает внимание наличие в подговоре нескольких счетных слов, сходных с такими же в хорчинском говоре. Несколько примеров из дурбетского: а) *толог* 'штука (голова)' для счета животных, но здесь относится к овощам: *бид тер джл джḡн толог туаḡда авлḡ* 'в том году мы получили сто головок чеснока'; б) *уз* 'корень' (для растений, овощей): *Батḡнахан шайан ногḡ мḡзан уз авал* 'семья Бату получила тысячу кочанов капусты'; в) *болл* 'связка' (для растений): *хḡрон болл ует хадджḡ* 'накосили двадцать связок травы'; г) *гер* — для счета сигарет: *нег гер дамаḡ уḡа* 'выкурим по одной сигарете'.
 .

Личные местоимения 1-го и 2-го лица единственного числа *би* 'я' и *ши* 'ты' в косвенных падежах имеют небольшие отклонения от джасагтуского подговора:

Им.	<i>би</i>	<i>ши</i>
Род.	<i>мḡнḡ</i>	<i>шḡнḡ</i>
Дат.-местн.	<i>наḡ</i>	<i>шамḡ</i>
Вин.	<i>манḡ, мḡнḡḡ</i>	<i>шḡ мḡ, шḡмḡḡ</i>

Исх.	нāдāт	шāмāт
Орудн.	нāдār	шāмār
Совм.	нāдтē	шāмтē

В падежах дательного-местного, исходного, орудного и совместного употребляются основы нāд- (нāд-) для 1-го лица, шāм- для 2-го лица, к ним присоединяются суффиксы соответствующих падежей. Все остальные разряды местоимений в хорчинском говоре и джалайт-дурбетском подговоре образуются и употребляются одинаково.

Некоторые глагольные категории в джалайт-дурбетском подговоре могут оформляться иначе, чем в хорчинском, в зависимости от фонетических изменений. Отдельные суффиксы ограничены в своем использовании.

В речи дурбет заметна предпочтительность в употреблении суффикса глагола прошедшего времени -дж (вместо суффикса с долгим гласным), например: бид үшгедер јірдж *мы приехали вчера*; тер шимē јиртен хбн јавдж *он уехал после того, как получил известие*. Однако употребительна и вторая форма глагола на -джē.

Причастие прошедшего времени имеет суффикс -тан: шэмē јастанд би бәјлнә *я радуюсь твоему отъезду*; мині ху хбн хәрүлтан билē *мой сын пас овец*; хоршбнд оштон улк јірджē *вернулись люди, которые ездили в кооператив*.

В качестве суффикса продолжительного деепричастия употребляется -тар: мөртү хун доволтәр јрлē *прискакал верховой*; бид малан уалтәр. бēгид үдрі баршнджē *весь день потратили на то, чтобы напоить скот*.

Редко встречается в подговоре суффикс деепричастия цели -хү. Он замещается суффиксом -хā или -хār, например: би хәтлалә түгәр ошнә *я по собирать топливо*.

Типичная для восточного диалекта разговорная форма предварительного деепричастия на -нārāн известна и джалайт-дурбетскому подговору, например: үл гарнārāн борбн ордж *как только появились тучи, пошел дождь*; менē јан нārāн тер хүрēд јірдж *как только я ушел, он пришел*; тер хәрдж јирнәрēн хәтлāдж *как только он вернулся, зажег огонь*.

Весьма близкими к нему по значению являются несколько деепричастий и глагольных форм. Его замещают: продолжительное деепричастие на -тār (би тері үджтәр тәндж *как только его увидел, узнал*); слитное деепричастие на -н (тертән орон гарād јавшнджē *как только вошел, тут же вышел из дома*); форма прошедшего времени на -лā (шә хәллә, би ошлō *как только сказал, я пошел*). Здесь четко проявляются функциональная близость отдельных глагольных форм, переплетение и совпадение их значений. Несмотря на многие соответствия, суффикс -нārāн бытует как один из отличительных признаков восточного диалекта.

В отличие от хорчинского говора в речи дурбет сохраняется лишь одна форма глагола а- *быть*. Это форма прошедшего времени на -джē, т.е. адж например: тер хүн тәм хүн аджē *тот был хорошим человеком*.

В подговоре зафиксирована и связка билē: мині нершн хен билē? *как твое имя?*; мині мөршнн тән мөр билē *мой конь был хорошим конем*; тер үшгедер јиртен билē *он приехал вчера*.

В речи дурбет имеется разделительный союз *бу;у* со значением 'или, либо', например: *бада бу;у шэ* 'еда (обед) или чай'; *ша;ан бу;у хар* 'белый или черный'. Иногда *бу;у* заменяет и описательная форма с отрицанием. Вместо *ногдн бу;у шар* 'зеленый или желтый' употребляется *ногдн бшн бол;ул* (вместо *бол;бол*) *шар* 'если не зеленый, то желтый'.

Как и во всем говоре, в джалайт-дурбетском подговоре существуют разные фонетические варианты одного и того же наречного слова: *енд*, *менд* 'здесь, тут' (*ш;т менд б;е;д;жэ* 'ты побудь здесь'); *тенд*, *метенд* 'там' (*би метенд ош;бд ;р;р;э* 'я схожу туда и вернусь'); *нен;д;т*, *мен;д;т* 'отсюда' (*мен;д;т б;у; ;ав* 'отсюда не уезжай'); *метен;д;т* 'оттуда' (*м;м;т т;у;ш;д;т метен;д;т ав;д ;р;р* 'оттуда привнеси мое одеяние'); *н;ш;н*, *н;ш;н*, 'сюда, поближе' (*ш;т б;у н;ш;н ш;н*, *ш;ш;н ;ав;б;лэ* 'ты не ходи туда, сюда'); *ш;ш;н*, *ш;ш;н* 'туда дальше' (*ш;т ш;ш;н т;у* 'садись подальше'); *д;ш;н*, *д;ш;н*, 'вниз, ниже' (*б;у унд;л;д;ж;д б;э*, *д;ш;д;н т;у* 'не приподнимайся, сиди внизу'); *х;д;н*, *х;д;т* 'сзади, позади' (*м;р;ш;н х;д;н б;э;н* 'конь твой находится сзади (чего-то)?'; *га;д;ан* 'вне, снаружки', 'на улице' (*га;д;ан бор;дн ор;д;ж;н* 'на улице идет дождь'); *ор;д* 'поздно' (*би ене т;у;к д;м;т у;м;т;т;у;э*, *ор;д бот;д;ж;э* 'я сегодня ночью спал неважно, [позтому] проснулся поздно'); *о;д;т*, *м;н;т* 'теперь, сейчас' (*ш;т м;н;т ;у; х;д;ж;н?* 'что ты сейчас делаешь?'); *ур;х;л;д;т;д;ен*, *х;д;ж;д;д;ен*, *нанд;н;д;ан* 'всегда, постоянно' (*еке а;д;а мен;т енд нанд;н;д;ан ;р;р;нэ* 'этот ребенок всегда ходит к нам'; *ш;т ур;х;л;д;т;д;ен тенд т;у;х;л;м;т?* 'ты всегда там будешь жить?').

Джалайт-дурбетский подговор отличает еще и характер употребления вопросительной частицы *т*. Хотя это не является нормой, но в подговоре замечено частое использование частицы *т*, присоединяемой к сказуемому, осложненному словом *т;м*, *т;м* 'вещь, нечто, действительно'. Ср. несколько примеров: *та нар енд х;р;д;ж ;р;р;т;м;т?* 'вы приехали сюда?'; *еке у;д;ер ш;т хор;ш;б;д;т ош;т;м;т?* 'был ли ты сегодня в кооперативе?'; *ш;ам;д тен х;л;д;ж ө;г;т;м;т?* 'кто тебе скажет?'. При наличии вопросительного слова частица *т* может быть опущена: *ш;т ;у; г;ед;ж х;р;д;т ;р;р;ш;т;т;м;т?* (*ш;т ;у; г;ед;ж х;р;д;т ;р;р;ш;т;т;м;т?*) 'почему ты вернулся?'. .

Иногда между вопросительной частицей и вопросительным словом может быть вставлена частица *ш* со значением 'не': *ш;т т;у;н;ш;т;е?* 'не ты ли сидел?'; *ш;т;ш;н;т у;д;н ба;д;а ;д;тен;ш;т;е?* 'разве ты не обедал?'. .

Когда имеет место самостоятельное использование *б;ш* 'не', то частица вопроса присоединяется к частице *б;ш*: *ш;т х;д;т ;л;д т;у;д;ж;т;ан б;ш;т?* 'не жил ли ты в аиле, что на северной стороне?'. .

В джалайт-дурбетском подговоре зафиксирована частица запрета *б;т;т* 'не', которая ставится перед повелительно-желательными формами глаголов, например: *тер;к;ер б;т;т х;ел;л;н* 'с ним ты ничего не передавай (устно)'; *б;т;т ;ур х;ре* 'не элись'; *б;т;т т;о;т;о* 'не слушай'; *уд;ан б;т;т ;ав;а* 'долго не ходи'. .

Чисто разговорной формой является частица *ан;а*, которая употребляется в значении согласия совершить то или другое действие. Кроме дурбет она встречается и в речи джасагту, например: *ш;т хор;ш;б;д;т ош;н;у?* — *ан;а*, *би ош;н;д* 'пойдешь ли в кооператив? — Да, я пойду'; *м;н;т х;ел;т;н;т м;ед;ж;ж;т;у?* — *ан;а*, *м;ед;ж;ж;т* 'понял ли, что я сказал? — Да, понял'. .

Харчины давно проживают вместе с китайцами в провинции Жэхэ, а туметы — частью в провинциях Жэхэ и Ляонин. С получением монголами своей автономии провинция Жэхэ снова вошла в состав Внутренней Монголии в качестве Джостуского аймака.

Харчины делятся на три хошуна: хошун западного, среднего и восточного крыла. Туметов два хошуна: хошун западного крыла в уезде Чаоянь провинции Жэхэ и хошун восточного крыла в уезде Фусинь провинции Ляонин.

Харчины и туметы издавна занимаются земледелием. Лучше других монголов они усвоили китайскую культуру и язык. Большинство (особенно молодежь) стало двуязычным, в некоторых местах, проживая длительно среди китайцев, они стали забывать родную речь. Общая численность населения харчин и туметов составляет 354 000 человек. Небольшая часть туметов несколько веков проживает на месте, близ г. Хухэ-Хото, центра Автономного района Внутренняя Монголия.

Особенности фонетики⁷. Состав гласных звуков харчин-туметского говора не отличается от хорчинского; в нем имеются те же гласные переднего ряда $\varepsilon, \bar{\varepsilon}, \bar{o}, \bar{ö}, \bar{y}$, которые характерны для всего восточного диалекта. Ср. несколько примеров: *qaɣaɣar* 'уздечка', *datal* 'океан', *doklyə* 'сигнал', *ɣylle* 'дело, деяние' — харч.-тум. *ɣəɣjəp*, *ɔɣɣɣ̄*, *ɔ̄ɔ̄ɔ̄*, *ɣ̄ɣ̄ɣ̄*.

Однако для говора характерны и некоторые специфические особенности в реализации гласных первого слога слова, которые отличают его от остальных говоров восточного диалекта.

Различие в употреблении γ , соответствующего \bar{o} СПМЯ, проходит по всем говорам восточного диалекта, составляя отличительную черту диалекта в целом, однако распределение \bar{o} и γ по говорам неодинаково, ср.:

	Хорчин	Харчин-тумет
<i>ɔ̄slye</i> 'месть'	<i>ɣsh̄e</i>	<i>ɣsh̄e</i>
<i>ɔ̄lügeɪ</i> 'колыбель'	<i>ɣl̄ɣɪ</i>	<i>ɔ̄l̄ɣɪ</i>
<i>ɔ̄ɕügedür</i> 'вчера'	<i>ɣɪɪ̄ɔ̄ɔ̄ɔ̄</i>	<i>ɔ̄ɕɪ̄ɔ̄ɔ̄ɔ̄</i> , <i>ɣɕɪ̄ɔ̄ɔ̄ɔ̄</i>
<i>nɔ̄ɣüge edür</i> 'послезавтра'	<i>ɪɣɪ̄ɔ̄ɔ̄ɔ̄</i>	<i>ɪɔ̄ɕɪ̄ɔ̄ɔ̄ɔ̄</i>

Соответствие γ СПМЯ гласному \bar{o} также типично для говоров восточного диалекта. И все же произношение γ как \bar{o} особенно отличает речь харчин и туметов. Если в остальных говорах — хорчинском и архорчин-баринском — замешается лишь краткий гласный, то в отличие от них в харчин-туметском говоре древний комплекс $\alpha\gamma$ отражается в виде долгого гласного \bar{o} :

	Хорчин	Харчин-тумет
<i>budəɣ</i> 'краска'	<i>bodoi</i>	<i>bodoi</i>
<i>buləɣ</i> 'родник'	<i>boloi</i>	<i>boloi</i>
<i>ayufa</i> 'гора'	<i>ɣɪl</i>	<i>ɔ̄l</i>

⁷ Здесь и далее используются материалы, записанные у харчин хошуна среднего крыла (уезд Нинчэн) и туметов хошуна восточного крыла (уезд Фусинь).

<i>dəyən</i> 'песня'	д̄ӯ(н)	д̄б̄(н)
<i>səyü-</i> 'сидеть'	с̄ӯ-	с̄б̄-
<i>bəyü-</i> 'спускаться'	б̄ӯ-	б̄б̄-
<i>qural</i> 'собрание'	хур̄а?	хор̄ал
<i>bula</i> 'пух'	бул	бол
<i>burqan</i> 'бог', 'будда'	бур̄хан	бор̄зон

Не менее интересным в речи харчин и туметов является своеобразная передача гласных переднего ряда \bar{d} и \bar{b} . Если СПМЯ дифтонги *ai* и *oi* в конце слова отражаются в харчин-туметском говоре в виде долгого \bar{d} , то гласным первого слога будет соответственно краткий гласный \bar{d} , тогда как в остальных говорах восточного диалекта (кроме джалайт-дурбетского) этот переход не обязателен.

	Хорчин	Харчин-тумет
<i>qormol</i> 'подол'	хор̄м̄ \bar{d} , х̄ор̄м̄ \bar{b}	х̄др̄м̄ \bar{b}
<i>noqol</i> 'собака'	но̄х̄ \bar{d}	н̄о̄х̄ \bar{b}
<i>qoruqai</i> 'насекомое'	хор̄х̄ \bar{d}	х̄ор̄х̄ \bar{b}
<i>soluqai</i> 'левый', 'левша'	сол̄ \bar{d}	с̄ол̄ \bar{b}
<i>ončayai</i> 'особенный'	он̄ш̄ \bar{d}	о̄н̄ч̄ \bar{b}

Здесь мы можем говорить лишь о некоторой тенденции в последовательности употребления \bar{d} и \bar{b} в одном слове, придающей речи харчин и туметов определенное благозвучие, своеобразие в произношении.

Вместо обычного для других говоров восточного диалекта огубленного долгого гласного \bar{y} (< сочетания *V-y-l*) в харчин-туметском говоре встречается долгий гласный \bar{t} , например:

	Хорчин	Арухорчин	Харчин-тумет
<i>küyften</i> 'холодный'	х̄ү̄т̄ен	х̄ү̄т̄ен	х̄т̄ү̄н
<i>küytsun</i> (анат.) 'пупок'	х̄ү̄с̄(ен)	х̄ү̄с̄(ен)	х̄т̄с̄(ен)

Уже отмечалось, что в говорах восточного диалекта отсутствуют дифтонги и что появление их связано со словами, заимствованными из китайского языка, ср. *otūya* 'арбуз'.

Материалы, записанные у харчин и туметов свидетельствуют, что в единичных случаях, в основном там, где в СПМЯ в первом слоге был огубленный гласный *u*, в харчин-туметском говоре наряду с гласным *y* слышится и входящий дифтонг *ya*. В экспедиционных материалах были зафиксированы следующие слова: *utus-* 'течь, протекать', *yurban* 'три', *urba-* 'изменять, предавать', *usun* 'вода' — харч.-тум. *уарса-, урса-, гуарав, гурав, уарва-, урва-, уас(ан), ус(ан)*.

В наших записях у туметов также встречается несколько слов, содержащих дифтонг *ya*. К сожалению, нам не удалось до конца выяснить, действительно ли имеет место образование дифтонга на месте краткого гласного. Пржебья к информанту повторить произнесенное им не совсем ясное в фонетическом отношении слово сбывала его, он начинал приспособляться, переходя на общепринятое произношение слов с гласным *y*. В туметском нами за-

фиксировано: *чās ɣədʒɪr dɛr ʏandʒɛ* 'бумага упала на пол'; *beden ʏas av-ɣuɛ ɪɪŋ* 'мы пойдем за водой', где *ʏandʒɛ* и *ʏas(ан)* соответствуют в остальных говорах словам *ʏandʒɛ* и *ʏs(ан)*.

В харчин-туметском говоре, как и в остальных говорах восточного диалекта, старомонгольская аффриката *ʏ* как перед гласным *ɪ*, так и перед остальными гласными сохраняет свой исконный шипящий характер: *ʏɪqɔr* 'крыло, крылья', *ʏɪɪʏa* 'поводья, вожжи', *ʏɔdɛ-* 'таскать', *ʏɪʏɪnɪn ʏɪɪ* 'позапрошлый год', *qəʏaʏar* 'узды, уздечка' — харчин-тумет *ɔʒɪber*, *ɔʒɔlɔ*, *ɔʒɔ-*, *ʏrdʒɪnɪn ɔʒɪl*, *xɛdʒɪr*.

По сравнению с хорчинским говором и джалайт-дурбетским подговором харчин-туметский говор отличается наличием еще одной аффрикаты — переднеязычной сильной аффрикаты *ɕ*. Аффриката *ɕ* как перед гласным *ɪ*, так и перед другими гласными остается в нем как *ɕ*, т.е. сохраняет шипящий характер, в то время как в хорчинском он развился в шипящий спирант *ɕ*, в шилингольском перед *ɪ* согласный *ɕ* остается, а перед другими гласными, кроме *ɪ*, развивается в свистящую аффрикату *ɕ̥*:

	Хорчин	Шилингол	Харчин-тумет
<i>ʏɔɪr</i> 'случай'	<i>ʏɪɪr</i>	<i>ʏɕɪr</i>	<i>ʏɕɪr</i>
<i>ɔɪŋnɔ-</i> 'слушать'	<i>ɕaɪɪla-</i>	<i>ɕaɪna-</i>	<i>ɕaɪna-</i>
<i>temɛɕɛ-</i> 'бороться'	<i>temɕɪ-</i>	<i>temɕɛ-</i>	<i>temɕɪ-</i>
<i>ɕulbuʏur</i> 'чембур'	<i>ɕulbʏur</i>	<i>ɕulvʏur</i>	<i>ɕulvʏur</i>
<i>ɕag</i> 'время'	<i>ɕaɪ</i>	<i>ɕaɪ</i>	<i>ɕaɪ</i>

Однако в ослабленных позициях в шилингольском (как и в чахарском и ордосском) аффриката *ɕ* соответствует шипящей же аффрикате *ɔʒ*. Этого никогда не бывает в говорах восточного диалекта:

	Хорчин	Харчин-тумет	Шилингол, ордос
<i>ɕoxɪ-</i> 'бить, ударить'	<i>ɕoxɪ-</i>	<i>ɕoxɪ-</i>	<i>ɔʒoxɪ-</i>
<i>ɕɪsɪn</i> 'кровь'	<i>ɕʏs(ан)</i>	<i>ɕʏs(ан)</i>	<i>ɔʒʏs(ан)</i>

Весьма характерно для речи харчин и туметов (особенно для харчин) произношение аффрикат *ɔʒ* и *ɕ* (а также и спиранта *ɕ*) как ретрофлексных согласных, т.е. произносимых с поднятием кончика языка к вершине нёба. В записях экспедиционных групп, обследовавших речь харчин и туметов, они отмечались через *ɔʒ*, *ɕ*, *ɕ̥*. Следует отметить, что это в харчин-туметском говоре не самостоятельные фонемы, а лишь варианты, встречающиеся в словах с гласными заднего и переднего ряда: СПИЯ *ʏɔbɔʏa-* 'мучить', *ʏaɪʏa* 'еж', *ʏʏaʏsɪn* 'рыба', *ɕaʏasɪn* 'бумага', *sɪqa-* 'жать, прижимать', *qasɪʏa* 'забор' — харч. *ɔʒɔvɔ-* (*ɔʒɔvɔ-*), *ɔʒarɔ* (*ɔʒarɔ*), *ɔʒaɪasɪn* (*ɔʒaɪasɪn*), *ɕābɪn* (*ɕābɪn*), *ɕaxa-* (*ɕaxa-*), *ɕaxɔ* (*ɕaxɔ*).

Согласные СПИЯ *ɕ* и *g* перед сильными взрывным *t* и спирантом *s* соответствуют в произношении харчин и туметов согласному *x*, например: *bɔʏtɔ-* 'помещаться', *ʏɔʏsɔʏa-* 'останавливать', *ʏɪqɪ-* 'испытывать отвращение' — харчин-тумет *batxɔ-*, *ɔʒoxɔ-*, *ɔʒɪɪɪɪ-*.

В речи туметов прослеживается одна особенная черта: консонант *x*, закрывающий конечный слог, выступает как заднеязычный *ɣ*. Это заметно в су-

В харчин-туметском говоре существуют все формы удвоенных падежей, где основами выступают родительный, совместный или дательно-местный падежи. Здесь наиболее примечательным является сохранение удвоенной формы дательно-местного и исходного падежей от существительного *гар* 'рука': *гартас* 'из рук'.

Различия в числительных основаны на фонетических особенностях. Особенно это заметно в числительном «девять», ср. хорч. *јус(ен)*, джал. *јум(ен)*, шгол. *јос(ен)*, чах. *јис(ен)*, орд. *јису(н)*, *јусу(н)*, харч. *јис(ен)*, тум. *јс(ен)*. Лишь в речи туметов оно звучит без инициального *ј*. Как и во всех говорах, перед *јис(ен)* 'девять' числительное теряет конечный согласный *н*: *даз јис(ен)* 'семьдесят девять' (харч.), *јуч јс(ен)* 'тридцать девять' (тум.).

В речи харчин зафиксирован суффикс порядкового числительного *-дази*, который существует параллельно с более распространенным в говоре суффиксом *-дуга̄р*: *долд(н)* 'семь' — *долддуга̄р* (тум.) 'седьмой' — *долддуга̄р, доллодази* (харч.); *нѐм(ан)* 'восемь' — *нѐмдуга̄р* (тум.) 'восьмой' — *нѐмдуга̄р, нѐмдази* (харч.).

Обычно значение кратности передается постановкой после числительного слов *уда̄* 'раз' и *дехлн* 'раз, повторно': *тер хојор уда̄ /чджѐ* 'он ходил дважды'; *ае нутаг дѐр гурав дехлн /чджѐ* 'отец приезжал в кочевья трижды' (тум.).

В этой связи интересным представляется зафиксированный в речи харчин суффикс *-т*, который придает значение кратности. При присоединении этого суффикса конечный *-н* числительного восстанавливается, например: *гурав* (*гурван*) 'три' — *гурвант* 'трижды'; *дөрөв* (*дөрөөн*) 'четыре' — *дөрөөнт* 'четырежды'. Факультативный суффикс *-т*, используемый в речи харчин, соответствует в СПМЯ *-те, -те*: *ниген* 'один' — *нигенте* 'один раз'; *гоуар* 'два' — *гоуарта* 'дважды'.

У туметов записано несколько счетных слов — классификаторов — и передающих единицы измерения. К ним относятся: *толд* 'штука', 'головка' (для подсчета овощей): *ене намар менѐ хоршбн менан толд сарлмсаг авджѐ* 'этой осенью наш кооператив получил тысячу головок чеснока'; *джау* 'лист' (для счета бумаги): *арван джау час хедѐ хурджѐхлм?* 'сколько будет стоить десять листов бумаги?'; *сѐр* 'лунок', 'саженцы' (для подсчета овощей и деревьев): *бед теван сѐр лѐван тѐрджѐ* 'мы посадили пятьдесят лунок моркови'; *долдн сѐр гуа* 'семь лунок дыни'; *гогчо* 'моток' (для счета ниток): *нег гогчо хар утас* 'один моток черных ниток'; *беден хојор гогчо улѐн утас авсан бѐнѐ* 'мы купили два мотка красных ниток', параллельно с ним употребляется и китайское слово: *джаз* 'штука' (для счета одежды): *джундѐн менѐ хүн бүр хојор джаз товчс хѐнѐ* 'летом каждый в нашей семье справляет себе по две пары одежды'; *бѐдж* 'вязанка' (для растений): *тер үдер болгон гучин таван бѐдж түлѐ гаднѐ* 'он каждый день накашивает по тридцать пять вязанок травы на топку'.

Личное местоимение I-го лица единственного числа сохраняет супплетивные основы косвенных падежей. Оно несколько обособляется и внутри говора:

	Харчин	Тумет
Дат.-местн.	<i>над, надад, нанд, намд</i>	<i>нанд</i>
Вин.	<i>нэмэгдг, мэнэгдг</i>	<i>нэмэгдг, мэнэгдг</i>
Исх.	<i>наадс, нанас, намас, нэмэгдс</i>	<i>наадс, нанас, нэмэгдс, мэнэгдс</i>
Орудн.	<i>надар, нанар, намар</i>	<i>надар, нанар, намар</i>
Совм.	<i>нантг, нантг</i>	<i>надтг, нантг</i>
Соед.	<i>надлэ, нанлэ</i>	

В речи харчин и туметов сохраняются параллельные основы косвенных падежей *над-* и *нан-*, вторая из которых считается наиболее архаичной и бытующей лишь в таких монгольских языках, как могольский и калмыцкий.

В речи туметов зарегистрирована в дательном падеже лишь одна основа *нан-*. В наших записях встретились примеры: *чг нанд нег дөвтер эчг рэд өг* 'ты привеси мне книгу'; *тер чг халүүлс гэд нанд авад ир* 'подогрей немного тот чай и принеси мне'.

Местоимение 1-го лица множественного числа в туметском имеет гласный *e* вместо харчинского *i*, ср.:

	Харчин	Тумет
Им.	<i>биден</i>	<i>беден</i>
Род.	<i>биднэ, манэ</i>	<i>беднэ, мэнэ</i>
Дат.-местн.	<i>биденд, манд</i>	<i>беденд, манд</i>
Вин.	<i>бидни, мани</i>	<i>бедни, мани</i>
Исх.	<i>биднэс, манас</i>	<i>беднэс, манас</i>
Орудн.	<i>биднэр, манар</i>	<i>беднэр, манар</i>
Совм.	<i>бидентг, мантг</i>	<i>бедентг, мантг</i>
Соед.	<i>биденлэ, манлэ</i>	

Указательные местоимения, выступающие в роли личных местоимений 3-го лица, склоняются по типу, свойственному лишь особенностям языка восточных монголов. Как в речи харчин, так и туметов они изменяются одинаково:

	Харчин	Тумет
Им.	<i>ене</i>	<i>тер</i>
Род.	<i>еннэ</i>	<i>тернэ</i>
Дат.-местн.	<i>ененд</i>	<i>теренд</i>
Вин.	<i>енни, ени</i>	<i>терги</i>
Исх.	<i>еннэс, энэс</i>	<i>тернэс, терэс</i>
Орудн.	<i>еннэр, энэр</i>	<i>тернэр, терер</i>
Совм.	<i>енентг, ентг</i>	<i>терентг, тертг</i>
Соед.	<i>енлэ (харч.)</i>	<i>теренлэ (харч.)</i>

Остальные разряды местоимений одинаковы с такими же местоимениями других говоров: *хен* 'кто', *йү(н)* 'что', *эл* 'который', *ямар* 'какой', *хедг* 'сколько', *бүгд*, *бүр* 'все, весь' и др.

Местоимение 'сам' имеет в туметском две формы: *эрэн* и *эсэн*, в родительном падеже — *эрэн* и *эсэн*: *эрэн (эсэн) бада* 'своя еда, пища'.

Наряду с указательными формами глаголов харчин-туметского говора совпадают с таковыми же харчинского говора. В харчин-тумет-

ском говоре зафиксирован суффикс *-тай*: *чи ене элчүрї нег боддог* 'по-красить бы тебе этот платок'; *ени эмгенден хелетег* 'сказать бы об этом своей старухе'; *чи манед нег иретег* 'зайти бы тебе к нам'.

В 3-м лице единственного и множественного числа употребляется суффикс *-и*, который есть во всех говорах: *тер мүнэ хелет* 'теперь пусть он скажет'; *теден үджет* 'пусть они посмотрят'.

В харчин-туметском говоре имеется суффикс множественного числа субъекта действия *-джай* (харч.), *-чигэ* (тум.), например: *халун чигт бүү эр үджай, хүс гаран* 'не пейте много горячего чая, вспотеете'; *бүү хитен ус учигэ* 'не пейте холодной воды'. Однако это не составляет нормы, так как и суффикс множественности субъекта действия во всех монгольских языках употребляется факультативно.

Употребительна форма настояще-будущего времени на *-мэ* (*-н*): *тер хүн бр хүрдж яван* 'тот человек сердится'; *ене бас итэн* 'он тоже смеется'; *бї одо төрхүс ичин* 'я пойду сейчас гулять'; *беден бадагэн иднэ* 'мы будем обедать'; *тед манатар элд явна* (тум.) 'они завтра поедут в гости'. В этих предложениях время действия — настоящее оно или будущее — определяется по контексту или по наличию и отсутствию слов, указывающих на время. В восточном диалекте характерным представляется существование и широкое употребление суффикса *-джэнэ* (*-джэн*) в качестве показателя настоящего времени. Суффикс *-джэнэ* (*-джэн*) продуктивен и в харчин-туметском: *бї дөл оуджэн* 'я шью шубу'; *тер өс хаджджэнэ* 'он косит сено'; *баран герин хүдэд туглэн хаджджэнэ* 'дети из дома, что на правой стороне, гоиятся за твоим теленком'.

Форма *-ө* (*-оа*) употребляется редко; чаще встречается форма на *-джэ* (редко *-чэ*): *мині дү таранд явджэ* 'мой младший брат отправился на уборку хлеба'; *мал ташагасан гарчэ* 'животные ушли из сарая'; *хүнї дбддд асүджэ* 'позвали человека и спросили'; *сонин джүд джүдлджэ* 'снился ему интересный сон'.

Деепричастия разнообразны и весьма употребительны. Часто используются удвоенные формы соединительного, слитного или разделительного деепричастия. Ср. несколько примеров из речи туметов: *ене хүн гелдж гелд шадхүгэ, бэчиджджэн* 'он говорит, говорит и ничего не может сказать, теряется'; *тер урт хисен хергэн бодон бодон бїгэн гелшин* 'он думает, думает о прошлом (поступке) и вишит себя'; *ене хүнчин идэд идэд тас шатхүгэ* 'человек ест, ест и никак не насытится'.

Условное деепричастие образуется при помощи суффикса *-вал*, (*-бал*). Однако в говоре встречается и чисто разговорная форма на *-үл*, которая присоединяется к основам, оканчивающимся на долгий гласный: *чи манд сөзүл бї сөзхүгэ* 'если ты будешь сидеть здесь, я не стану сидеть'; *тер түлэ джбүл бї ус авга* 'если он будет носить дрова, я пойду за водой'.

В харчин-туметском говоре преимущественно распространено деепричастие цели на *-хүс*: *надхүс гарджэ* 'вышел, чтобы поиграть'; *үдөр үдхүс ирджэ* 'он приехал, чтобы определить благоприятный день (для свадьбы)'; *теден бада идхүс явджэ* 'они ушли, чтобы обедать'.

Уступительное деепричастие образуется присоединением к основе глагола нескольких суффиксов. Наряду с формой, совпадающей с формой СПИЯ, в говоре часто используются разговорные формы. К ним относятся: 1) *-үч*

ене эджлї хїгїч болн хїхүе болбоч болнō *эту работу хоть сделаемь, хоть не сделаешь — ничего не случится*; 2) -јач: хедї халүн үгүе болјоч беден јад-
ожї *хотя было не так жарко, мы устали*; еј јагадж тарājач бї мүнē ічнē
как бы мать ни ругала, я иду; хедї јаралтї болјоч хурал нег хїчїхнē *как
бы ни был занят, он соберет собрание*.

В харчин-туметском существует предварительное деепричастие на -нārān,
встречающееся и в других говорах восточного диалекта: тер јїркєрєн бадагāн
јодо јавдјжē *как только пришел, пообедал и ушел*; томонд хүркєрєн ејдєн бї-
чї јавүлдјжē *как только добрался до селения, тут же отправил письмо своей
магери*; үл гарнārāн борон орччē *как только появились облака, пошел
дождь*; час оркєрбн дулардјжē *как только пошел снег, потеплело*.

В оформлении деепричастия предела есть небольшая разница: в речи хар-
чин деепричастие предела образуется при помощи суффикса -тар, а в речи ту-
метов — -тал, например: борбч джогстор чї менд сьдјжē *ты посиди тут, по-
ка не перестанет дождь*; тер нар гартар унтдјжē *он спал до восхода солнца*;
бї үд болтор чємє хүлєдж (харч.) *я ждал тебя до полудня*; өрб болтол эдж-
лāн барјā (тум.) *закончим работу, пока не настал вечер*.

Как известно, в конструкции с деепричастием предела имя, передаю-
щее субъект, оформляется винительным падежом. В туметской же речи за-
фиксировано несколько фраз, где наименование агенса выражено местоимен-
ным в именительном падеже, ср.: чємєгї јїртел мнї бада болчннō *пока ты
придешь, мой обед будет готов* и бї јїртел чї менд хүлєджē *пока я приду,
ты жди меня здесь*; чємєгї чє өдј бартал бї теннē герт ічєд јїрјē *пока ты
пьешь чай, я схожу к соседям* и чї тарājāн үдјжєд јїртел бї үкєн сачнїјā *по-
ка ты осмотришь свои посевы, я подою корову*. Подобного типа построения
редки и встречаются лишь в разговорной речи.

В отличие от соседнего с ним хорчинского говора в харчин-туметском
встречается еще одна деепричастная форма — это -мāн (-мāндјн). Данное
деепричастие обозначает зависимое действие, которое предшествует главно-
му, выраженному глаголом-сказуемым (указывает на причинную обусловлен-
ность действия): бї тер учрї соңсмон сē медждјжē *так как я был слышан
о том (деле), я тут же (все) понял*; тер јїрдј гујмāн бї дєврєн сē өгдјжē
так как он пришел просить, я тут же отдал ему свою тетрадь. Деепричастие
на -мāн (-мāндјн) по своему значению близко к значению предварительного
деепричастия на -нārāн. Слово сē *тут же* подчеркивает, что действие, пере-
даваемое деепричастием на -мāн (-мāндјн), и действие основного глагола-
сказуемого могут быть связаны не только причинной и условной зависимостью,
но и временной последовательностью: за первым действием немедленно сле-
дует другое.

В глагольном образовании замечается и такая особенность. У туметов
зависимы следующие фразы: сөб үд болї болї гедјжєн *воп-воп наступит пол-
день*; нар үнї үнї гедјжєн *воп-воп зайдет солнце*; гал ноцї ноцї гедјжєн
воп-воп кажется огонь. Здесь обращает на себя внимание следующее: эта
конструкция не употребляется без глагола гє- в форме какого-либо времени;
глагол гє- требует оформления предыдущего глагола показителем -ї; глагол
на -ї должен быть удвоенным, ибо без этого разрушается конструкция. В це-

лом она употребляется для придания глаголу большей выразительности, усиливает значение начала, зарождения действия.

Послелого во всех говорах и диалектах в основном одинаковы, но некоторые из них в харчин-туметском имеют такие отличия.

СПМЯ *dotora* 'в, внутри' в туметской речи соответствует *тотор* или *тор*: *хеден джл тотор (тор) овчинтэ болджэ* 'в течение нескольких лет он болел'; *улсн тотор (тор) самурджэ* 'среди многих (людей) сбился с толку'.

Послелог *хоронд* имеет параллельную форму *хонджир*: *бї хорор гер хорон (хонджир) гїсєр јачнїдджэ* 'я устал от беготни между двумя домами'; *ене регчнї хорлн хонджир болджэ* 'это дело исполнено посредственно, так себе'; *тер бусчнї хорлн хонджир болджэ* 'тот пояс получился так себе, ни плохим, ни хорошим'.

СПМЯ *tursi* 'в течение' у туметов соответствует *досон* или *дбсон* (ср. *dayusun*): *бї удер досон (дбсон) эджл хїд чолэ гархуэ* 'оттого что целый день работали, у меня не было свободного времени'; *терчнї джл дбсон овчн тасархуэ* 'в течение года он не может избавиться от болезни'.

Тул(дбн) 'для', 'ради', 'за', 'так как' встречается в туметской речи с совместным падежом, чем отличается от некоторых других говоров восточного диалекта, например: *бордн ус джѳхромтэ тулдбн тарэ сїн* 'оттого что дождевая вода оказывает благотворное действие, пашня похорошела'; *тер хун джбстэ тулдбн бардаж на* 'оттого что у него много денег, он зазнается'. В харчинском также встречается *тулдбн*: *джаварт тулдбн јирсенїу* 'он не пришел, так как дул сильный ветер'.

Союзы в говорах встречается редко. В харчин-туметском зарегистрированы: *бā*, *болдд*, *бѳбд* 'и', *бују* 'или', *хервѳ* 'если', которые по своему значению и употреблению не отличаются от таких же союзов во всех остальных говорах восточного диалекта.

В харчин-туметском встречаются в основном те же частицы, что и в других говорах диалекта. Наиболее употребительны вопросительные частицы: а) *у*, которая ставится после форм прошедшего времени или же причастия будущего времени: *чї гертен хєрджу?* 'ты не ходил домой?'; *мнї хелсен уї чї меджджу?* 'ты понял то, что я тебе сказал?'; *тā ене бѳдї авзімїу үгүс јіхїу?* 'вы купите эту ткань или нет?'; б) *Г*, которая присоединяется к форме настояще-будущего времени, причастия прошедшего времени или к имени существительному: *чї еинГ меднГ?* 'ты знаешь об этом?'; *чї тернэ јавсант мї јімї?* 'ты не знал, что он уехал?'; в) *в*, *бї* (*вї*) — после имен и местоимений, к которым относится вопрос: *тер ју бї?* (*тер ју? тер јув?*) 'что это такое?'; *ене хенї оравї?* (*ене хенї орав?*) 'это чье место?'

Вместо СПМЯ *ја* или *буї ја* в говоре встречается частица *бā* со значением сомнения: *тернэ терєч ене үдер јїрен бā?* 'может, сегодня придет их повозка?'; *тер чнї гер бā?* 'тот твой ли дом?'; *тā меден бā?* 'может быть, вы знаете?'. Изредка харчины и туметы вместо *бā* произносят *болу*: *тер чнмгас ју асүхїм болу* 'о чем он может спросить у тебя?'

В харчин-туметском говоре употребляются те же отрицательные частицы, что и в других говорах: *ул*, *ес*, *гүс*, *дэ* 'не'. Ср.: *ене хун ул бүтег јімї хїдэ л бэн* 'этот человек продолжает делать трудно осуществимую работу'; *ес јавах джамар гүрав удā јаван* 'ездил трижды по дороге, по которой не ез-

дят»; *терчин мессенгү* 'он не понял'; *одо ч олудо* 'до сих пор не найден'.
Имеется и отрицание *биш* 'не': *ене ношо мэм биш*, *эр хүм* 'эта собака не
наша, а другого человека'; *терчин мал биш*, *мөр* 'то не скот, а лошади'.

АРУХОРЧИН-БАРИНСКИЙ ГОВОР

Арухорчин-баринский говор распространен на территории Джоудаского аймака, граничащего на востоке с Джеримским, на юге с Джостуским, на западе с Чахарским, а на севере с Шилингольским аймаками Внутренней Монголии. Весь аймак делится на четыре хошуна: 1) Арухорчин, 2) Барин восточного крыла, 3) Барин Западного крыла и 4) Хешиктен.

Арухорчины родственны с хорчинами, жившими в Джеримском и Хулунбуирском аймаках. Однако многовековое пребывание на разных территориях и среди разных племен несколько отличает их друг от друга, и арухорчины ныне по своей речи стали близки к барин, особенно к племени барин восточного крыла. Хешиктены отличаются по речи и от арухорчин и от барин, поэтому к ним мы вернемся при рассмотрении речи чахар.

Монголы Джоудаского аймака занимаются частично скотоводством, частично земледелием. Общая численность населения составляет 160 000 человек.

Особенности фонетики. Состав гласных тот же, что и в двух других говорах восточного диалекта. Возникновение гласных переднего ряда *ε*, *ξ*, *o*, *ö* и *ü* обусловлено теми же фонетическими условиями, что и в других говорах, поэтому ограничимся лишь некоторыми примерами: *tasiγur* 'кнут, плеть', *uliyasun* 'осина', *qumi-* 'собирать, подбирать', *doγugla-* 'насмехаться, дразнить', *γuile* 'дело, деяние' — арухорч.-барин. *тэшүр*, *улэс(ан)*, *зомл-*, *дбילו-*, *үл*.

Для говора арухорчин характерны следующие фонетические соответствия с СПМЯ:

1) переход гласного *e* в гласный *i*, например: *γes* 'медь', *δereg* 'воин', *δenqael* 'веселье, развлечение' — арухорч.-барин *джис*, *чирел*, *чичел*;

2) замещение гласного *ö* гласным *γ*: *tögürig* 'круглый', *örite* 'пенка', *kälde-* 'замерзать' — арухорч.-барин *түрел*, *үрем*, *хүлдө-*;

3) произношение *u* как *o*: *buča-* 'возвращаться', *sumu* 'стрела', *ungsi-* 'читать' — арухорч.-барин *бочо-*, *сом*, *омшл-*.

Сопоставляя эти явления с данными других говоров и подговоров восточного диалекта, следует отметить, что в рассматриваемом говоре замечается меньшая их распространенность. Возможно, это связано с некоторым влиянием соседних говоров центрального диалекта, где такие соответствия не наблюдаются.

В области согласных наиболее характерной чертой арухорчинской речи по сравнению с хорчинской является то, что в арухорчинском СПМЯ аффриката *ç* как перед гласной *i*, так и перед остальными гласными отражается в виде *ç*, тогда как в хорчинском говоре она развилась в спирант *ш*, ср.:

	Хорчин	Арухорчин-барин
<i>šiləyul</i> 'камень'	шүлү(н)	чулү(н)
<i>nalšl</i> 'листья'	лэвш	лэвч
<i>šošl-</i> 'испугаться'	шошл-	чочл-
<i>šuyta-</i> 'собираться'	шүтл-	чүтл-

Лишь в немногих словах аффриката *š* перед гласным *l* переходит в спира́нт *ш*, например *šida-* 'мочь, быть в состоянии', *šlpa-* 'варить', *šiker* 'сахар' — арухорч.-барин. *шадә*, *шанә*, *шхер*.

Чисто локальным является в арухорчинской речи употребление взрывного согласного *d* вместо спира́нта *с*, например:

	Арухорчин	Барин
<i>naləd-</i> 'играть'	<i>nāsa-</i>	<i>nāda-</i>
<i>qabuda-</i> 'отекает'	<i>qavsa-</i>	<i>qavda-</i>
<i>öbed-</i> 'болеть'	<i>öved-</i>	<i>övda-</i>

Под влиянием соседних говоров центрального диалекта в речи барин восточного крыла иногда заметно ослабление сильного начального согласного *n* соответственно в *d*, например:

	Арухорчин	Барин	Чахар
<i>taqa</i> 'подкова'	<i>tax</i>	<i>дах</i>	<i>дах</i>
<i>taslyur</i> 'кнут'	<i>тэшүр</i>	<i>дэшүр, тэшүр</i>	<i>дашүр</i>

Согласным СПМЯ *γ*, *g* перед *t*, *š*, *s* и *č* в арухорчин-баринском говоре соответствует спира́нт *x* (тогда как, например, в калмыцком — смычный *к*). Однако в речи арухорчин спира́нтизация более заметна, чем в речи барин, ср. *γayso-* 'стоять', *uytu-* 'встречать' — арухорч. *джохсо*-, *ухта*-, барин *джохсо*-, *ухта*-.¹

Особенности морфологии. Множественное число имен существительных образуется посредством тех же суффиксов, что и в хорчинском и харчин-туметском говорах: *ем* 'женщина' — *емö*; *мör* 'конь' — *мöröd*; *эл* 'груша курт' — *элүд*; *ax* 'старший брат' — *ax нар*; *моңол* 'монгол' — *моңолчүд*.¹

Но тем не менее заметны небольшие отклонения: 1) в арухорчин-баринском говоре употребляется *-чүл* — вариант суффикса *-чүд*: *байан* 'богатый' — *байчүд*, *байчүл*; *бага* 'молодой' — *бахчүд*, *бахчүл*; *бүсүгү* 'женщина' — *бүсүгүчүд*, *бүсүгүчүл*; 2) не встречается суффикс *-нүд*, его заменяет *-үд*: *шрē* 'стол' — *шрēгүд*, *шрēд*; *нохó* 'собака' — *нохóгүд*, *нохóдүд* и др.

В отличие от арухорчин и барин восточного крыла в речи барин западного крыла встречаются имена в соединительном падеже с суффиксом *-лā* (*-лā*): *тер ахлāгāн чүг јавджēн* 'он идет вместе со своим старшим братом'; *Батнаст надлā чүг јрджē* 'Батнаст пришел вместе со мной'. Соединительный падеж употребляется в говоре редко, заменяясь более распространенным во всем диалекте совместным падежом.

Вторым падежом, который имеет ограниченное распространение в говорах, является направительный падеж. Как в хорчинском говоре, в арухорчин-баринском имеется суффикс *-джү*: *манē мах голджү орлō* 'наш скот напра-

вился к реке; *тер баран глджү жавлә* 'он ушел в зил, что на правой стороне'. Однако характерным для данного говора следует считать использование посложной конструкции с *урү* 'к, по направлению': *бид хоршд урү жаван* 'мы пойдём по направлению к кооперативу'; *хбд гол урү орлб* 'овцы направилась к реке'; *терчин азін урү гарлә* 'он направился к дому старшего брата'. В речи барин западного крыла зафиксировано: *мині толб урү ус шухайга* 'полей-ка мне на голову'.

Числительные, так же как и в остальных говорах, образуются присоединением к количественному числительному соответствующего по значению суффикса: порядковые -*дугар*, разделительные -*ад*, собирательные -*үй*: *гурав* 'три' — *гуравдугар* 'третий', *гуравд* 'по три', *гуравл* 'втроем'.

Значение кратности в речи арухорчин и барин восточного крыла передается прибавлением к числительному слова *удә* 'раз': *хогор удә* 'два раза', *тав удә* 'пять раз'. Монголы хошуна Барин западного крыла используют в этом значении слово *таң* 'раз': *нег таң* 'один раз', *гурав таң* 'три раза'.

Склонение местоимений 1-го и 2-го лица единственного числа в речи монголов арухорчин и барин восточного крыла ничем не отличается. Небольшое отличие заметно лишь в склонении местоимений в речи барин западного крыла.

	Арухорчин	Барин восточного крыла	Барин западного крыла
Им.	<i>би (бї)</i>	<i>чи (чї)</i>	<i>би (бї)</i> <i>чи (чї)</i>
Род.	<i>мині</i>	<i>чині</i>	<i>мині</i> <i>чині</i>
Дат.-местн.	<i>надад, нәд</i>	<i>чамд</i>	<i>надад</i> <i>чамд</i>
Виш.	<i>нә мә, нә мәг</i> <i>мә нә, мә нәг</i>	<i>чә мә</i> <i>чә мәг</i>	<i>мә нә</i> <i>чә мә</i> <i>мә нәг</i> <i>чә мәг</i>
Исх.	<i>надәс</i>	<i>чамәс</i>	<i>надәс</i> <i>чамәс</i>
Оруд.	<i>надәр</i>	<i>чамәр</i>	<i>надәр</i> <i>чамәр</i>
Совм.	<i>надтә</i>	<i>чамтә</i>	<i>надтә</i> <i>чамтә</i>
Соед.	—	—	<i>надлә</i> <i>чамлә</i>

Форма соединительного падежа сохраняется в речи барин западного крыла и в других разрядах местоимений: личное местоимени 1-го и 2-го лица множественного числа *манлә* 'с нами', *тадамлә* 'с вами', указательные местоимения *енә, тер, еден, теден* (в роли личного местоимения 3-го лица) — *енемлә, теренлә, еденлә и теденлә*.

В арухорчин-баринском имеется возвратное местоимение *әс, әсән* 'сам', которое изменяется лишь по нескольким падежам: *чи әсән үджнә* 'ты видишь только себя'. При образовании множественного числа присоединяется к *әсән* суффикс -*д*: *әсәд* 'сами'.

Залогии образуются так же, как и в остальных диалектах, разница лишь в том, что некоторые из них оформляются иначе, в зависимости от фонетических процессов, типичных для говора.

Суффикс множественного числа субъекта действия в арухорчин-баринском говоре существует в двух вариантах, т.е. в речи арухорчин он произносится *-жагайә*, тогда как в речи барин чаще -*чагайә*: *аҗыд жавтәс урт тертән хї-легҗагайә* 'прежде чем отправиться в путь, отладим наши телеги в ремонт'; *манлә гә үсәс задчагайәджн* 'нашли (в аиле) косят сено'; *бид тер үдер нүджагайә*

гевү? 'сказали, что надо кочевать в тот день?'; герт ордо бада идчага 'входите в дом, отведайте пищи'.

Повелительно-желательные формы в арухорчин-баринском говоре имеют некоторые отличия по сравнению с другими говорами восточного диалекта. Это касается в основном форм пожелания всех трех лиц. Суффиксу *-ātai* (*-ātai*) речи хорчин и джарут в арухорчин-баринском соответствует суффикс *-ātai* (*-ātai*): *bi nei sei surātai da* 'учиться бы мне хорошо'; *ci nei gal tūlētai* 'ты разведал бы огонь'; *ter xūed unātai bin da* 'не упал бы этот ребенок' (арухорчин); *bi odd javātai* 'пойти бы мне теперь'; *ci mōrōn uslātai* 'напоил бы своего коня' (барин восточного крыла); *bi ci yūtai* 'выпить бы мне чаю'; *ci argal avātai* 'принес бы ты несколько кизяков' (барин западного крыла).

В отличие от арухорчин в речи барин восточного и западного крыла имеется еще один суффикс, по значению соответствующий СИМЯ *-yusuγai*, *-gesūgei*. Это суффикс *-āslā*, который употребляется для обозначения намерения, желания, чтобы совершилось действие: *bi sei surāslā da* 'учиться бы мне лучше'; *ci jirēsle dē* 'приехать бы тебе'; *ter xū odd javāslā da* 'уехать бы теперь тому человеку'; *borōn orbōslā dō* 'пойти бы дождю'.

В экспедиционном материале встретился пример, где глагол с суффиксом *-āslā* соответствует по значению иным формам, усложненным частицами. Ср. два примера: *bi sei surāslā da* и *bi sei suran bēl da* 'учиться бы мне лучше'.

Повелительно-желательная форма 3-го лица на *-tūγā* почти не встречается. Нами записан пример: *xūer xā bin, yūdjūtγd* 'пусть посмотрят, где пасется скот'.

Изывательные формы ничем не отличаются от таких же форм других говоров восточного диалекта. И в арухорчин-баринском говоре встречается весьма распространенная форма на *-džēnā* (*-džēn*): *džūd imin xot džax mīlān golte džax mīldžēn* 'Джоудаский аймак граничит на севере с Шилингоским аймаком'; *bi yūder болон хн x rūldžēnā* 'я ежедневно пасу овец'; *zabnās булаг гардžēn* 'из скалы бьет родник'; *adū mal jix xvōn болдžēn* 'умножается количество табуна'; *ēj unēn саджēnā* 'мать доит корову'.

Изывательная форма на *-v* нетипична для разговорной речи монголов Внутренней Монголии, поэтому она встречается реже других, в основном при вопросе: *ci xedlā jrev?* 'ты когда вернулся?'; *ci xā javbā?* 'где ты был?'

Наиболее часто употребляются формы прошедшего времени на *-lā* и *-džl* (*-dž*): *bi čölōsōn dar čreit ordžē* 'после освобождения страны я пошел служить в армию'; *čēmz xelēlē bi sei medle* 'когда ты сказал, я сразу понял'. Нередки и сравнительные формы: *bi bagasan avād mal x rūlādldžē* 'я с детства пас скот'; *bi ene xedēn džix trā trādēlēlā* 'я эти годы занимался хлебопашеством', где, например, *x rūlādldžē* состоит из *x rūl-* 'пастись' + *-ād* (суффикс разделительного деепричастия) + *-l-* (частица) + *-dž-* (< *bi-* 'быть') + *-džl* (суффикс глагола прошедшего времени).

Употребление соединительного, слитного или разделительного деепричастия в редуцированном виде замечено в разговорной речи всех монголов восточной части Внутренней Монголии: *bi xol gadžir javdž javdž jrlā*

'я вернулся из далеких странствий'; *бид амран амран ирлэ* 'мы пришли, часто отдыхая в пути'; *мюрдөн бэрэд бэрэд тивадлэн* 'они ловят коней и тут же выпускают'. Несколько особняком от них стоит продолжительное деепричастие: при редупликации первый из них — в форме основы глагола, а второй принимает форму продолжительного деепричастия: *тед ол олсёр идчлхм?* 'что же они, по мере того как находят, тут же съедают?'; *тед ав авсёр гүнд өгдөг имэ* 'в какой мере они берут, в такой и возвращают'.

Следует отметить, что из всех деепричастных форм лишь разделительное, соединительное и продолжительное деепричастия чаще других присоединяют частицу *л* и глагол *бэ-* 'быть': *ес медсен юмэ бү хеледлэ* 'не говори о том, чего не знаешь'; *чэмэ ирех гедж соңсод бид нүден члмлэн хардлэджэ* 'улышав о том, что ты приедешь, мы всматривались (в даль) до боли в глазах'; *мині жорі тгал үгүэ бэрэдлэ* 'держи моего коня, не выпуская на волю'; *би арван хөдөн джил энд сусарлэджэ* 'я более десяти лет живу на этом месте'; *чамтэ үлджан гед тер хүлбсэрлэлэ* 'она продолжала ждать, чтобы встретиться с тобой'. Сравнительно частое употребление подобных форм глаголов монголами Внутренней Монголии несколько сближает их речь с речью ойратов, проживающих в провинции Ганьсу или в Синьцзян-Уйгурском автономном районе. В наших записях у торгутов Синьцзян-Уйгурского автономного района встречаются такие предложения: *нүүдэн тбстэ, бүздэн утгта болгта гидж йрэджд-нэвдн* 'мы (старшие) желаем: при кочевках, чтобы пыль поднималась, а на остановках — дым клубился'; *бидн хаст аз-дүйгэн тамдан суйдлэнбедн* 'мы продолжаем жить вместе со своими братьями-казахами'.

В арухорчин-баринском говоре предварительное деепричастие оформляется при помощи суффикса *-мч*: *нар гарамч би эндес јавсан* 'я поехал отсюда, как только взошло солнце'; *чамтэ хелчидж барамч јавна* 'поеду, как только закончу разговор с тобой'; *үл гарамч борд орон* 'как только появятся тучи, пойдет дождь'; *би чамтэ үлджамч тэнсангүэ* 'как только встретил тебя, я [сразу] не узнал'.

В говоре арухорчин-баринском, как и в двух других говорах восточного диалекта, существует более употребительный суффикс предварительного деепричастия *-нарэн*, которого нет в остальных диалектах: *теднги моңол герес гардж ирнёрэн бүслөд авчлал* 'как только они вышли из юрты, их [тут же] окружили [кольцом]'; *чэмэ хелнёрэн би медлэ* 'как только ты сказал, я понял'; *бид тернү үджнёрэн јавалал* 'как только мы его увидели, обрадовались'; *үглэ ерт сонснорон гарад јавал* 'как только утром рано встал, [тут же] уехал'.

Мы уже отмечали, что форма на *-нарэн* близка по своему значению к продолжительному деепричастию на *-сар*, ср.: *тер герт ордж ирнёрэн уой үчлхжэ* и *тер герт ордж ирсёр уой үчлхжэ* 'как только он вошел в дом, тут же наполнился воды'.

Характерную черту арухорчин-баринского говора составляет то, что глаголы на *-мч* и *-нарэн* замещаются конструкцией, не зафиксированной в других говорах и состоящей из склоняемой формы причастия и послелога *дотор* с значением времени: *би Серегма үджлхт тор (үджемч, үджнёрэн) тэнсан* 'как только увидел Серегму, узнал ее'; *бид үгсен хадлхт тор (хадамч, хаднарэн) хэрдэ ирджэ* 'как только накосили сена, мы вернулись домой'; *би чэмэ хел-лхт тор (хелемч, хелнёрэн) медлэ* 'как только ты сказал, я тут же понял'.

Приведем еще несколько примеров, записанных у арухорчлив: нар *гархит тор* (*гарамч, гарнәрән*) *тер јавджэ* *как только взошло солнце, он поехал*; *еј босхит тор* (*боснәрән, боссәр*) *гадтэ гарджэ* *как только мать встала, она вышла на улицу*; *тер ордж ирхит тор* (*ирнәрән, ирсәр*) *хамджам дәр сүджэ* *как только вошел, он сел на кан*.

То, что послелог *дотор* может встречаться в некоторых случаях в сокращенном виде как *тор*, поддерживается и именами существительными, которые управляются этим послелогом: *мамэ сурачид тор сэн сурачид бэнә* *среди наших учащихся имеются и те, которые учатся хорошо*; *тер модонд тор джодд жэн* *дом стоит в лесу*.

Несмотря на тенденцию использовать данные сочетания во временном значении, преобладающей и часто употребляемой разговорной формой во всех говорах восточного диалекта остается деепричастие на *-нәрән*.

Уступительное деепричастие и здесь имеет параллельную форму на *-јән*, обозначающее действие, вопреки которому осуществляется другое действие, передаваемое основным глаголом: *чи надад өјјән ес өјјән би ент аван* *дай ты мне ее или не дай, я возьму эту вещь*; *тер хеді екен санјә јүч хелсенгүэ* *как бы она ни скучала по матери, ничего не говорила*; *магәт хеді час орјоч би јаван* (арухорч.) *хотя завтра и пойдет снег, я поеду*; *хен ирјән би хөдөлгүэ* *кто бы ни приходил за мной, я не стану работать*; *тер гертән бә јән үс хаддж шадгүэ* (барин) *хотя он и будет дома, он не сможет косить сено*. Эта разговорная форма уступительного деепричастия весьма распространена в говорах и предпочтительна остальным формам.

В арухорчин-баринском говоре употребляются все три формы деепричастия цели: 1) *-аәр* (*тер ус дамалхәр јавлә* *он ушел, чтобы принести воды*; *әв мод авхәр гарлә* *отец вышел, чтобы принести дров); 2) *-хә* (*бид түлэ төвд јавнә* *мы поедем, чтобы перевезти топливо*; *чи тернә мал херүлхә јавүл* *ты отправь его, чтобы он пас скот*); 3) *-хүэ* (*тер хөнөн хөдж ирхүэ јавджэ* *он ушел, чтобы пригнать своих овец*; *ене хүхед унтхүэ үледжэн дә* *этот ребенок плачет потому, что хочет спать*). Это же значение может быть передано сочетанием слитного деепричастия основного глагола с формой *гедж*: *ене хүхед унтан гедж үледжэн дә*.

В речи барин восточного крыла зафиксирован суффикс *-мән, -мәндж*. Посредством этого суффикса образуется деепричастие, указывающее на причину совершения основного действия: *манэ ав джос олмаджн сә үнә хуададж авлә* *так как наш отец раздобыл деньги, он тут же купил корову*; *борн ормон бид сә герт орджэ* *так как пошел дождь, мы тут же вбежали в дом*; *тернә үджмәнджн сә медлә* *так как увидел его, он тут же все понял*. Деепричастие на *-мән, -мәндж* отсутствует в хорчинском говоре, нет его и в подговорах. В восточном диалекте оно встречается в харчин-гуметском и арухорчин-баринском говорах.

Весь инвентарь записанных послелогов тот же, что и в остальных говорах. Остановимся лишь на нескольких послелогох, встречающихся в речи барин западного крыла: 1) *шн* *подобно* управляет основой имени, но он имеет вариант *шү*: *чи јамар үгер шн тенег эман јим* *какой ты бестолковый словно скотина*; *тер тарладж хараиджхә үгер шү јмү дә* *то, что виднеется чернея, [вдали], похоже на быка*; 2) *чүчү, ожүчү* *вровень, наравне* управляет

совместным падежом: *тер надтэ джүчү эджил тин* 'он работает наравне со мной'; 3) *толө* (иногда и *-тлэ*) 'для', 'ради', 'за' управляет родительным падежом: *тер ардн толө темчиджэнд* 'он борется за простой народ'; *би хүрдн тэлэ джовджэ* 'я страдал ради детей'; 4) *чхэ, чинэ* 'подобно, величиною' управляет основной или же родительным падежом: *тошд чхэ бијетэ, түүлэн чмэ мортэ* 'сам — с локоток, а конь его — с зайца'.

Союзов в говорах немного. В арухорчин-баринском говоре употребляются: 1) *бэ* 'и' (*тер хүн сэн бэ мүлн бид медхүэ* 'мы не знаем того человека — хороший он или плохой'; *чи набад ден бэ чэс авад јир* 'ты принеси мне лампу и бумагу'); 2) *бөгөд* 'и' (*еке бүс үнтэ бөгөд бас јасан мү* 'эта ткань дорога и притом плоха по качеству'; *бид тані бүр гаднагн шн бодлэ — өндөр бөгөд тариан, шар үстэ* 'мы представляли вас совсем иной национальности, высокой, полной и со светлыми волосами'); 3) *болөд* 'и' (*моцол хүнэ гол-дигэ — мах болөд чаган-дигэ* 'основная пища монгольского населения — мясо и молочные продукты'; *чт тер тугаз болөд-шигэн хөчх* 'ты отгони теленка и ягненка').

Во всех говорах употребляются разнообразные частицы. В арухорчин-баринском отрицание передается тремя частицами:

1) *түэ*, которая чаще всего стоит после причастия будущего или же прошедшего времени: *дамаг үх меден, ават метхүэ* 'знает, как курить, но не знает, как купить табак'; *тані нолотхэти медсенүэ* 'не знал, что у вас есть собака'. Только в речи арухорчин и барин зафиксировано отрицание *түэ* со словом *өр* 'близкий' в виде *өртүэ* (букв. 'близко не подходит', т.е. превосходит по своим качествам), которое употребляется при сопоставлении сходства или различий, например: *үл өртүэ үндер хүн* '[такой] человек, который ростом выше, чем гора'; *хэнгуа өртүэ сэнхан хэн* '[такая] красивая девушка, что цветок лотоса с ней не сравнится'; *үхер өртүэ бүдүн гэхэ* '[такая] толстая свинья, что бычок в сравнении с ней уступает';

2) *дэ* 'еще не', которая следует лишь за формой причастия настоящего времени: *би нин јүмү үджүдэ* 'я такой вещи еще не видал'; *бада болүдэ* 'пища еще не готова'; *мал тариалүдэ* 'скот еще не упитан'; *тер хотос јирүдэ бэджэ* 'он, оказывается, еще не вернулся из города';

в) *бши* (*бш, шт, ш*) 'не': *мөртн тенд бэн бши?* 'не там ли твой конь?'; *тер хүн чамд тус ххэс бш хор ххүэ јлм* 'от того человека, кроме пользы, вреда тебе не будет'; *чт шатар набдагши?* 'ты не играешь в шахматы?'; *чт еке элн хүнү, бшиү?* 'ты из этого селения или нет?'. .

Характерную черту речи арухорчин составляет использование двух утвердительных частиц, объединенных в одну, чего не бывает в хорчинском и харчин-гуметском говорах: *манэ гмдардж бэхчн-гмштэ (штэ < шү дэ)* 'вот так мы и живем'; *хен манд үлгер хелдж өгөх бол дө?* — *тер хеленштэ* 'кто нам расскажет былинку? — Конечно, он расскажет'.

Из других разрядов частиц отметим: 1) *бөддө* — несколько измененная модальная частица [ср. СПМЯ *бул ја да*, совр. монг. (халха) *буз*] с присоединенной к ней частицей *дө*: *чт еке бичат тариан бөддө?* 'ты, может быть, сумеешь прочесть это письмо?'; *чт ени меден бөддө?* 'ты, может быть, знаешь об этом?'; *та чндан давс хтсен бөддө?* 'вы, может быть, уже посолили свой чай?';

2) \bar{t} — вопросительная частица, которая в речи арухорчин и барин часто произносится как \bar{e} (после сокращенного слова *йм, юм — м*): *чи јават гед-жѣтѣмѣ?* ? *јаджѣтѣмѣ?* ? *ты собираешься уезжать или как?*; *чи јамар учѣртѣ менѣ дуджѣтѣмѣ?* ? *по какому поводу меня вызываешь?*; *ед хеджѣ јавѣтѣмѣ?* [ед хеджѣ јавѣтѣмѣ (јавѣтѣмѣ) ?] *когда они едут?*. Особенно употребительна она после причастной формы, тогда как после имен остается \bar{t} : *терчи мѣр. јѣмѣ?* ? *то—конь?*

Хотя частица \bar{t} известна во всех говорах восточного диалекта, но произносится как \bar{e} лишь в арухорчин-баринском и подговоре их-мянган.

Междометия во всех говорах в основном одинаковы. При выражении удивления или восторга в речи арухорчин и барин употребляются разные междометия: арухорчин *іх, хедѣ сѣхан хуар јѣмѣ!* *ой, какой красивый цветок!*; барин восточного крыла *вѣдѣ, ене хедѣ сѣхан јѣмѣ!* *ой, какая это красивая вещь!*; барин западного крыла *хаддѣ, енд чѣм чулѣ бас бѣхан шдѣ!* *ой, и здесь встречаются такие камни!*. Общим для всего говора является \bar{t} , которое встречается и у арухорчин и у барин: \bar{t} , *хѣран јѣмѣ. јаджѣтѣд гѣча дѣ!* *ой, какая жалость! как вы потеряли его?*; \bar{t} , *хѣртѣ тенѣ хѣтѣд јѣмѣ?* *ой, бедняжка, чѣм это дети?*. Как видно из примеров, данное междометие приобретает несколько иной оттенок значения.

ОННЮТ-НАЙМАНСКИЙ ПОДГОВОР

Оннютов два хошуна — восточного и западного крыла, — которые территориально входят в состав Джоудаского аймака. Земли оннютов на севере граничат с баривами, на востоке — с найманами, на юге — с харчинами, а на западе — с хешиктенами.

Монголов-найман всего один хошун. Он находится в Джеримском аймаке, гранича на севере с оннютами и арухорчинами, на востоке — с аоханами. Аохан также один хошун, ныне он входит в состав оннютов. По своей речи аохане очень близки к оннютам.

Жители всех этих хошунов — оннюты, найманы и аохане — издавна занимаются земледелием.

Речь оннютов и найман, проживающих в разных аймаках Внутренней Монголии, мы выделяем в отдельный подговор потому, что он обладает чертами, общими как с восточным, так и с центральным диалектом. Переплетение особенностей разных диалектных групп дает возможность рассматривать его как самостоятельную единицу. Остановимся кратко лишь на некоторых его особенностях.

Особенности фонетики. Состав гласных такой же, как и в арухорчин-баринском говоре: помимо обычных во всех говорах и диалектах семи гласных имеются в нем переднерядные \bar{e} (\bar{e}), \bar{o} (\bar{o}), \bar{y} : *taklya* *курица*, *mayla-* *блеять*, *mlaya-* *сделать подарок ребенку, если ему купили что-либо новое*, *qayla* *жалость, сожаление*, *yarl-* *разговаривать*, *soll-* *менять, сменить*, *jadln* *гость*, *qonl* *овца*, *boylji-* *подростать, вырастать*, *sayuri* *основа

ние, место* — оннют-найман *дэлдэ, мэлдэ, жэлдэ, хэр, иэрлэ, сөллэ, джэчн, хон, боджлэ, сур*.

Речь оннютов несколько отличается от речи найман:

1) в речи оннютов древнему комплексу *ayū* соответствует иногда долгий гласный *ō*, в то время как в найманской — долгий *yū*:

	Оннют	Найман
<i>ayula</i> 'гора'	<i>дл</i>	<i>ул</i>
<i>ḡayu-</i> 'держат в зубах'	<i>джо-</i>	<i>джу-</i>
<i>sayulya</i> 'ведро'	<i>сболо</i>	<i>сулай</i>
<i>ayuski</i> <i>акат</i> 'легкие'	<i>оши</i>	<i>уши</i>
<i>dayun</i> 'песня'	<i>дōн</i>	<i>дүн</i>

2) в речи найман там, где в СПМЯ в первом слоге находился гласный заднего ряда *u*, иногда встречается восходящий дифтонг *ya*:

	Найман	Оннют
<i>ulayun</i> 'красный'	<i>улән, уалән</i>	<i>улән</i>
<i>usun</i> 'вода'	<i>ус(ан), уас(ан)</i>	<i>ус(ан)</i>
<i>urtu</i> 'длинный'	<i>урт, уарт</i>	<i>урт</i>
<i>utusun</i> 'нитка'	<i>утас(ан), уатас(ан)</i>	<i>утас(ан)</i>

Возможно, здесь сказалось влияние речи соседних с ними монголов, поскольку подобное отклонение было зафиксировано лишь в харчин-туметском говоре восточного диалекта.

Оннют-найманский подговор характерен тем, что в нем наблюдаются звуковые процессы, нетипичные для других говоров и подговоров восточного диалекта. Мы имеем в виду переход сильных начальных согласных в определенных фонетических условиях в слабые начальные согласные. Подобное диссимилятивное явление известно лишь в говорах центрального и южного диалектов.

1) шипящая аффриката СПМЯ *č* сохраняется в оннют-найманском подговоре, не теряя своего исконного качества: *čitki* 'шепотка', *čad-* 'насыщаться', *čulbuyur* 'поводья' — оннют-найман *читк, чад-, колбур*. Однако сильная начальная аффриката *č* перед такими же сильными согласными второго слога слова (*č* или *q, k, s*) диссимилятивно отражается в виде слабой аффрикаты *дж*:

	Оннют-найман	Арухорчин-барин
<i>čiči-</i> 'колоть, пронизывать'	<i>джичи-</i>	<i>чичи-</i>
<i>čidqu-</i> 'лить, вливать'	<i>джитга-</i>	<i>читга-</i>
<i>čidkir</i> 'дьявол'	<i>джитгер</i>	<i>читгер</i>
<i>čarčaya-</i> 'охлаждать'	<i>джарчэ-</i>	<i>чарчэ-</i>
<i>čaki-</i> 'бить'	<i>джоки-</i>	<i>чоки-</i>

2) сильный начальный смычный СПМЯ *t* перед такими же сильными согласными второго слога в слове (*t* или *č, q, k, s*) диссимилятивно отражается в говоре в виде слабого смычного *d*:

	Оннют-найман	Арухорчин-барин
<i>tata-</i> 'тянуть, тащить'	<i>тата-</i>	<i>тата-</i>
<i>tobdi</i> 'пуговица'	<i>дбвч</i>	<i>тбвч</i>
<i>toqum</i> 'потник'	<i>догом</i>	<i>тогом</i>
<i>törküm</i> 'родня замужней женщины'	<i>дөргом</i>	<i>төргом</i>
<i>tusiyal</i> 'приказ'	<i>дучидл</i>	<i>туидл</i>

3) сильный начальный спирант СПМЯ *q* в положении перед такими же сильными согласными последующего слога (*q* или *t, č, s*) в оннют-найманском подговоре отражается в виде слабого смычного *ɣ*:

	Оннют-найман	Арухорчин-барин
<i>qadqu-</i> 'колоть, уколоть'	<i>ɣатга-</i>	<i>татга-</i>
<i>qaltar</i> 'мухортый (о масти)'	<i>ɣалтар</i>	<i>талтар</i>
<i>qečar</i> 'щека'	<i>ɣечр</i>	<i>течр</i>
<i>qusum</i> 'пригорелая корка'	<i>ɣусам</i>	<i>тусам</i>
<i>qasiyala-</i> 'огораживать'	<i>ɣашала-</i>	<i>ташала-</i>

4) сильный начальный заднеязычный СПМЯ *k* перед такими же сильными согласными второго слога (*k* или *t, č, s*) отражается в виде слабого смычного *ɣ*:

	Оннют-найман	Арухорчин-барин
<i>kökere-</i> 'зеленеть, синеть'	<i>ɣөгрө-</i>	<i>төгрө-</i>
<i>kötul-</i> 'вести'	<i>ɣөтлө-</i>	<i>төтлө-</i>
<i>küdir</i> 'трудный'	<i>ɣүчр</i>	<i>түчр</i>
<i>küsel</i> 'желание'	<i>ɣүсел</i>	<i>түсел</i>
<i>kisigtel</i> 'счастливый'	<i>ɣешигтѐ</i>	<i>тешигтѐ</i>

В оннют-найманском подговоре, как и во всех других подразделениях восточного диалекта, шипящая аффриката *ʃ* перед *i*, а также и перед остальными гласными сохраняет свое исконное качество: *ʃrüken* 'сердце', *ʃalɣu-* 'присоединять', *ʃaydur* 'грива (например, у льва)', *ʃun* 'лето', *ʃusu-* 'резать ломтями', *ʃebseg* 'орудие' — оннют-найман *джүрч(ен)*, *джалга-*, *джолдор*, *джүсө-*, *джөссө-*.

В оннют-найманском носовому СПМЯ *n* соответствует латеральный *ɲ*: *noɣtu* 'недоуздок' — *нохт*; *nabbi* 'листья' — *нбвч*; аффрикате *ʃ* — взрывной *ɖ*: *anʃtsun* 'плуг' — *эндас*; *deɣuʃte-* 'привесить' — *дүдлө-*.

Особенности морфологии. Личное местоимение 1-го и 2-го лица единственного числа в речи монголов-найман старшего поколения иногда встречается в соединительном падеже: *тер чамжѐ ʃрсең хен ʃмѐ?* 'кто тот, который пришел с тобой?'; *нѐмжѐ хамт ʃавхәр хүлѐд сүнѐ* 'сидит и ждет, чтобы поехать вместе со мной'.

Глагол имеет следующие отличия:

1) в арухорчин-баринском говоре форма пожелания на *-äslä* отмечалась лишь в речи жителей двух хошунов. Эта форма имеет место и в речи оннют-

бејечин сэн болосло 'был бы здоров'; *тер майттар јирдслэ* 'приехал бы он завтра'; *хү ертгэн үлджэслэ* 'встретился бы мальчик со своей матерью';

2) параллельно с формой глагола настоящего-будущего времени на *-нā (-н)* в оннют-найманском подговоре существует и суффикс *-джэнā* для выражения действия, совершаемого в настоящее время: *мал хонэ* '(он) гонит скот'; *голд арон* '(он) входит в реку'; *бї майттар јавнā* 'я поеду завтра'; *тер гер нутугтāн етржэнā* 'он возвращается в свои родные кочевья'. Однако следует заметить, что форма на *-джэнā* менее распространена в подговоре, замещаясь часто аналитической конструкцией с деепричастием на *-дж* и глаголом-связкой *бэ*: 'быть': *биден танї јирсено ја байлджэнā* (чаще: *байлдж бэнā*) 'мы радуемся вашему приходу'; *мор ус үджэнā* (чаще: *ус үдж бэнā*) 'конь пьет воду'; *манэ еї баад хїджэнā* (чаще: *баад хїдж бэн*) 'наша мать готовит пищу';

3) в отличие от всех говоров и подговоров восточного диалекта в оннют-найманском предварительное деепричастие на *-нāрāн* используется реже. Хотя оннюты и найманы и говорят: *нар гарнāрāн оулāрч* 'как только взошло солнце, потепдело'; *герт орндрон телджэ* 'как только вошел в дом, он сказал'; но более широкое распространение в их речи приобретает другой суффикс предварительного деепричастия — *-магч*: *атāн дү гармагч соңсджэ* 'как только брат сказал, тут же послушался'; *мензгт сурмагч тер медлэ* 'как только я спросил, он понял'; *джас ормогч мнї дү надхүе гарчджэ* 'как только выпал снег, мой братишка вышел играть';

Однако между речью найман и оннютгов наблюдаются и такие различия: иногда вместо суффиксов *-нāрāн* и *-магч* в речи найман употребляется *-мт*, например: *тернї үжежт гарād јрджэ* 'как только его увидел, вышел на встречу';

В речи оннютгов все эти суффиксы предварительного деепричастия иногда замещаются конструкцией с причастием и последующим *тор* (сокращенный *дотор*). Так, в нем зафиксированы: *мнї јрзгчл тор бї јавсан* 'как только ты пришел, я ушел'; *јү хїхэ јравэ? гедж джэ хүгэн үджгчл тор хелнэ* 'что ты явилась? — спросила она своего племянника, как только увидела его'. С подобной конструкцией мы встречались в арухорчин-баринском говоре. Так же как и в нем, в оннютской речи *дотор* и при основе имени встречается в виде *тор*: *ене авдар тор дөл бэн* 'в этом сундуке хранится шуба'; *тернэ гер тор эрāн хүн бэн* 'у них в доме много народу'. Однако возможна и полиза формы *дотор*: *гашā дотор туглāн үглā* 'теленка привязала в сарае'.

ИХ-МЯНГАНСКИЙ ПОДГОВОР

Немногочисленное население монголов хошуна Их-мянган еще в середине XVIII в. было переселено из района Кобдо (МНР) в пределы бывшей Маньчжурской империи, в провинцию Хэйлуцзян. В литературе они известны еще и как маннай-олыт (олот, элот). О них писалось: 'Население хошуна принадлежит к западной ветви монгол, называемой китайцами ольтами, элютами, а русскими калмыками. Ольты распадается на несколько племен, ольты, населяющие этот хошун, принадлежат к племени хойтов, поколению Пехе-Мингань /4, с. 99/.

Их-мянганы составляют один хошун и территориально входят в район Фухай уезда Фууй провинции Хэйлуцзян. Общая численность населения — 400 человек.

Фонетическая и морфологическая структура их-мянганского подговора за два с лишним века развития в другой среде несколько изменилась, и, согласно данным экспедиции, можно утверждать, что она сейчас ближе всего стоит к строю говора типа арухорчин-баринского восточного диалекта. Что касается лексики, то заметна следующая особенность: с одной стороны, сохраняются некоторые черты, общие с ойратскими говорами Синьцзян-Уйгурского автономного района, а с другой — общие с языком монголов Внутренней Монголии.

Особенности фонетики. В их-мянганском подговоре существуют те же самые гласные звуки, что и во всех говорах восточного диалекта, в частности гласные переднего ряда ε , $\bar{\varepsilon}$, \bar{o} , \bar{o} :

	Их-мянган	Арухорчин-барин
<i>tasi Yur</i> 'плеть, кнут'	тэ шүр	тэ шүр
<i>aylmtuyal</i> 'боязливый'	эймтэй	эймтэй
<i>morin</i> 'конь'	мөр(ин)	мөр(ин)
<i>qotmal</i> 'подол'	хормё	хормё

Гласный \bar{o} СПМЯ отражается в подговоре в виде узкого γ : *dörüge* 'стремя', *böglege* 'пробка', *möndür* 'град' — их-мянган *дүрү*, *бүглэ*, *мүндөр*. Подобное замещение объединяет все говоры восточного диалекта.

В их-мянганском подговоре не имеют «перелома» гласного *i* такие слова, как: *йран* 'шестьдесят', *кйбар* 'легкий', *кйгау* 'иной', *ёйна-* 'варить', *ситая-* 'сжигать', *сидун* 'зубы', *силтау* 'повод, предлог' — *джран*, *кйбар*, *кйрү*, *шйна-*, *эймэ*, *шю(ен)*, *шймаг*.

Аффриката ε СПМЯ как перед гласным *i*, так и перед остальными гласными сохраняет в подговоре свой исконный шипящий характер и отражается в виде ε : *ёад-* 'наедаться, насыщаться', *ёерг* 'войн, войско', *ёисун* 'кровь', *ёйуауан* 'белый' — их-мянган *чад-*, *чрег*, *чус(ан)*, *маган*.

Шипящая аффриката γ в положении перед гласным *i*, а также и перед другими гласными, сохраняя свое исконное качество, отражается в виде *дж*: *ёегерде* 'рыжий (масть)', *ёегүден* 'сон, сновидение', *ёобу-* 'мучиться', *ёйуауай* 'сорока', *ёуасун* 'рыба', *ёйуауан* 'толстый' — их-мянган *джёрд*, *джүд(ен)*, *джово-*, *шаджигэ*, *джягас(ан)*, *джуджён*.

Отличительную черту подговора составляет то, что в нем одним из всех говоров восточного и центрального диалектов встречается заднеязычный смычный согласный *k*. Он известен в южном (ордосском) диалекте Внутренней Монголии, а из других монгольских языков — в СПМЯ, калмыцком и ойратских говорах провинций Ганьсу, Шинхай и Синьцзян-Уйгурского автономного района. Во всех других говорах Внутренней Монголии древний *k* слился со спирантом *x*:

<i>takiya</i> 'курица'	<i>maxā</i>	<i>teχā</i>
<i>ketē</i> 'огниво'	<i>ket</i>	<i>zet</i>
<i>kürgen</i> 'зять'	<i>күрген</i>	<i>хүрген</i>
<i>ebke-</i> 'свертывать'	<i>еөкө-</i>	<i>ебхе-</i>
<i>küre-</i> 'достичь'	<i>күре-</i>	<i>хүре-</i>
<i>süke</i> 'топор'	<i>сүк</i>	<i>сүх</i>
<i>keregül</i> 'ссора'	<i>керүл</i>	<i>херүл</i>
<i>yeke</i> 'большой'	<i>ik</i>	<i>jit</i>
<i>kezig</i> 'счастье'	<i>кешиг</i>	<i>хешиг</i>
<i>kegere</i> 'поле, степь'	<i>кёр</i>	<i>хёр</i>
<i>čikibčiči</i> 'наушники'	<i>чикевчи</i>	<i>чхевчи</i>
<i>kümün</i> 'человек'	<i>күн</i>	<i>хүн</i>
<i>üker</i> 'крупный скот'	<i>үкер</i>	<i>үхер</i>
<i>kebter</i> 'лёжка скота'	<i>көстөр</i>	<i>хөстөр</i>
<i>kürče</i> 'лопата'	<i>күрчө</i>	<i>хүрчө</i>
<i>kbtüsüke</i> 'брови'	<i>күмсөи</i>	<i>хөмсөи</i>
<i>kebte-</i> 'лежать'	<i>көстө-</i>	<i>хөстө-</i>

В подговоре замечается озвончение переднеязычного смычного *п* в начале и середине слов, что несвойственно говорам восточного диалекта: их-мянган *оага* 'трость, палка'; *дэхи* 'коленный сгиб'; *дуг* 'знамя'; *дөдбө* 'размягчать' — хорчин *таги*, *тэхим*, *туг*, *дөстө*.

Чередование согласных *л* и *лэ* известно всем говорам восточного диалекта. Оно заметно и в данном подговоре:

Их-мянган	Хорчин	Чахар
<i>лохт</i> 'недоуздок'	<i>лохт</i>	<i>ноит</i>
<i>лавч</i> 'листья'	<i>лэви</i>	<i>навч</i>
<i>гамла-</i> 'экономить'	<i>гамла-</i>	<i>гамна-</i>
<i>лэда-</i> 'надеяться'	<i>лэда-</i>	<i>наёда-</i>
<i>дамла-</i> 'нести на коромысле'	<i>дамла-</i>	<i>дамна-</i>
<i>домло-</i> 'исцелять'	<i>домло-</i>	<i>домно-</i>

Однако в подговоре отмечается *р* вместо *л* СПМЯ или других говоров: *таулла-* 'блестеть' — их-мянган *мэра-*, арухорч.-барин. *мэла-*, нах. *маёла-*.

Особенностью их-мянганского подговора является метатеза согласных в тех словах, в которых нет ее в других говорах и диалектах:

	Их-мянган	Хорчин	Шилингол
<i>ülger</i> 'образец'	<i>үргел</i>	<i>үлгер</i>	<i>үлгер</i>
<i>malar</i> 'дикая кошка'	<i>марал</i>	<i>малар</i>	<i>малар</i>
<i>etbegekeli</i> 'бабочка'	<i>еврехе</i>	<i>ербехе</i>	<i>ербехи</i>
<i>utasun</i> 'нитка'	<i>усао</i>	<i>утас(ан)</i>	<i>утас(ан)</i>

В немногих словах аффрикате *д* СПМЯ соответствует в подговоре слитный *дэ*:

<i>šila</i> - 'варить'	<i>шма</i>	<i>чана</i>
<i>šimege</i> 'весть, известие'	<i>шимэ</i>	<i>чимэ</i>
<i>šakür</i> 'демон'	<i>шүгтер</i>	<i>шүгтер, чүгтер</i>

Особенности морфологии. Образование множественного числа имен в основном совпадает с таковым же в арухорчин-баринском говоре. Мы лишь перечислим эти суффиксы: 1) *-с*: *емс* 'женщины', *ерс* 'мужчины'; 2) *-д*: *мөрүд* 'кони', *ноздд* 'собаки', *шрөд* 'столы', *адүд* 'табуны'; 3) *-үд*: *улсүд* 'люди, народ', *дарханүд* 'кузнецы', *ижсүд* 'взрослые'; 4) *-чүд*: *байчүд* 'молодежь', *байачүд* 'богачи'; 5) *нар*: *нүгтер нар* 'друзья', *емч нар* 'врачи'.

В их-мянган, так же как в арухорчин-баринском говоре, отсутствуют суффиксы *-нүд* и *-чүл*.

Падежи не отличаются от арухорчин-баринского говора, они имеют те же самые суффиксы образования.

Все разряды числительных образуются присоединением тех же суффиксов, что и в арухорчин-баринском говоре: *-үл* (собирательное числительное), *-дд* (разделительное числительное), *-дүгәр* (порядковое числительное).

Местоимения 1-го и 2-го лица единственного *би*, *чи* и множественного числа *биден*:

Им.	<i>би</i>	<i>биден</i>	-	<i>чи</i>
Род.	<i>мині</i>	<i>биднэ</i>	<i>менэ</i>	<i>чині</i>
Дат.-местн.	<i>над</i>	<i>биденд</i>	<i>манд</i>	<i>чамд</i>
Вин.	<i>немэвї</i>	<i>биднт</i>	<i>мант</i>	<i>чэмэвт</i>
Исх.	<i>надас</i>	<i>биднэс</i>	<i>манас</i>	<i>чамас</i>
Орудн.	<i>надәр</i>	<i>биднәр</i>	<i>манәр</i>	<i>чамәр</i>
Совм.	<i>надтэ</i>	<i>бидентэ</i>	<i>мантэ</i>	<i>чамтэ</i>

В склонении личных местоимений отмечено: а) в именительном падеже *би* 'я', *чи* 'ты' не имеют долгих гласных; б) напротив, основа косвенных падежей приобретает долгую гласную — *и* (*д*); в) местоимение с основой на *ма* менее употребительно, чем местоимение *бид*.

Образование всех форм глаголов мало отличается от арухорчин-баринского говора.

В употреблении повелительно-желательных форм замечены следующие особенности: а) в подговоре отсутствуют формы пожелания на *-амаз* и *-асла*, которые характерны для арухорчин-баринского говора; б) в подговоре употребляется повелительно-просительная форма 2-го лица на *-ач* (иногда *-ач*), *явач*, *яреш*.

Изывательные формы не отличаются от аналогичных форм глаголов арухорчин-баринского говора, в их-мянганском употребляются те же формы времен. Из трех форм прошедшего времени наиболее употребительной остается и здесь форма на *-джэ*: *јәјә элд јавдјэ* 'дед уехал в деревню'; *энак јавлаң үждедјэ* 'она перенесла много горя'.

В подговоре отсутствует несколько суффиксов деепричастий, употребляющихся в арухорчин-баринском говоре параллельно с другими суффиксами.

например *-ma:ч* (предварительное деепричастие), *-jāч* (уступительное деепричастие), *-xāp* (деепричастие цели).

В остальных разрядах слов (наречие, послелог, союзы, частицы) их-мянганский подговор не имеет особых отклонений от арухорчин-баринского говора, если не учитывать некоторые явления, связанные с фонетическими процессами в подговоре.

Фонетические и морфологические данные их-мянганского подговора больше всего совпадают с данными арухорчин-баринского говора. Можно допустить, что малочисленная группа ойратов, оказавшись много веков назад в другой языковой среде, постепенно усвоила и перешла на речь окружавшего ее местного населения — монголов восточной части Внутренней Монголии. Несмотря на малочисленность носителей, их-мянганский подговор функционирует как средство общения на узкоограниченной территории, сохраняя общие восточномонгольские черты.